

Ma vie fut en ce livre, elle a passé en lui.

Jules Michelet

Моя жизнь в этой книге, она прошла через нее.

Жюль Мишле

J. Michelet, Histoire de France. T. I. Paris. 1876. P. VIII.

Автор признателен проживающей в США

Лизе Матевосовне Овакимян

за финансовую поддержку в издании книги

**ACADÉMIE NATIONALE DES SCIENCES D'ARMÉNIE
INSTITUT D'HISTOIRE**

VAROUJEAN POGHOSYAN

PARMI LES HISTORIENS

(recueil d'articles et de comptes rendus)

**ÉDITIONS EDIT PRINT
EREVAN 2011**

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК АРМЕНИИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ**

В.А. ПОГОСЯН

**В ОКРУЖЕНИИ ИСТОРИКОВ
(сборник статей и рецензий)**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭДИТ ПРИНТ
ЕРЕВАН 2011**

УДК 930
ББК 63
П 433

Печатается по решению ученого совета
Института истории НАН Армении

Ответственный редактор
А.В. Чудинов

Погосян В.А.

П 433 В окружении историков (сборник статей и рецензий).
/В.А. Погосян, Отв. ред. А.В. Чудинов. — Ер., Эдит Принт,
2011, — 264 с.

Настоящий сборник статей и рецензий В.А. Погосяна состоит из двух разделов. В первом представлены портреты выдающихся советских историков В.М. Далина, А.Р. Иоаннисяна, М.Г. Нерсисяна, Г.С. Кучеренко, с которыми автору довелось работать и общаться долгие годы в АН СССР и в АН АрмССР. Одна из статей посвящена Ж. Годшо, одному из крупнейших специалистов по истории Французской революции XVIII столетия.

Во втором разделе книги помещены рецензии автора на советские и российские издания по истории Французской революции и наполеоновской эпохи, а также по историографии Французской революции за последние четверть века, подавляющее большинство которых опубликовано в 1990-2010 гг. в журнале Общества робеспьеристских исследований «Исторические анналы Французской революции».

Книга рассчитана на историков.

УДК 930
ББК 63

ISBN 978-9939-20-308-8

© В.А. Погосян, 2011 г.

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении десятилетий мне выпала счастливая возможность общаться со многими историками широкого мирового признания, советскими и зарубежными, специалистами, главным образом, по истории Западной Европы, а также социологами, основателями сравнительно новой отрасли науки — геноцидологии. Другими словами, в мире науки мне крупно повезло.

Уже в студенческие годы общение с академиками АН АрмССР А.Р. Иоаннисяном и М.Г. Нерсисяном во многом обусловило мой интерес к истории XVIII-XIX столетий. Обладая колоссальными знаниями и непререкаемым научным, общественным, моральным авторитетом, они были очень разными по характеру и психическому складу людьми, однако их объединяло требование профессионализма и максимализма в науке. Несмотря на загруженность как научными, так и административными заботами (в бытность мою студентом А.Р. Иоаннисян занимал пост вице-президента АН АрмССР, а М.Г. Нерсисян — ректора ЕГУ), они не отказывали мне в консультациях, а подчас и в долгих беседах на научные темы.

В годы аспирантской подготовки в Институте всеобщей истории АН СССР в 1978-1980 гг. и позднее мне выпало счастье не только работать под руководством выдающегося советского историка В.М. Далина, но и долгие годы общаться со многими советскими историками с мировым именем, такими, как академики В.Г. Трухановский, Н.Н. Болховитинов, А.О. Чубарьян, профессора М.А. Барг, Е.Б. Черняк, Г.С. Кучеренко, Н.Н. Молчанов, А.С. Кан и другие, весьма благосклонно ко мне расположенными и всячески помогавшими в ходе моей исследовательской работы.

К 1978 г. относятся первые мои научные связи со многими знаменитыми французскими историками. Неизгладимое впечатление произвели встречи с Альбером Собулем, одним из крупнейших специалистов по истории Французской революции XVIII столетия, с которым пятого июня 1978 г. в вестибюле гостиницы АН СССР меня познакомил мой старший друг и коллега И.М.

Табагуа. С этим выдающимся историком и замечательным человеком, наделенным природой неотразимым личным обаянием, галантным и искренним, очень остроумным и душевным, но способным иногда и сердиться, я общался целую неделю во время его московского визита в ходе работы VIII конференции советских и французских историков. Сразу же после знакомства, узнав, что я только приступил к изучению политической истории Директории, он, едва получив ключи от гостиничного номера, пригласил меня к себе и, еще не устроившись, стал подробно расспрашивать о моей работе, дабы выяснить, чем может мне помочь в дальнейшем. Добравшись до Парижа, он отправил мне объемистую книгу своего учителя Ж. Лефевра по истории Директории, которую сам незадолго до того подготовил к печати вместе с Ж.-Р. Сюратто¹. К сожалению, мне больше не суждено было увидеть этого незаурядного человека, не похожего на всех остальных, несмотря на все его старания.

Мне посчастливилось неоднократно общаться и работать со многими другими знаменитостями в мировой науке, и в их числе с «бессмертным» Ж. Дюби, членами Института Ж. Тюларом и П. Тубером, профессорами Ж. Ле Гоффом, Э. Леруа Ладюри, М. Вовелем и др.

В первый раздел настоящей книги вошли статьи, посвященные историкам, под руководством которых или же вместе с которыми мне выпала честь долго работать в АН СССР и АН АрмССР. Большинство статей в разное время было опубликовано в ведущих российских научных изданиях; некоторые из них переделаны, или же дополнены, а две публикуются впервые².

Центральное место занимают две статьи, посвященные В.М. Далину. Первая, в которой в общих чертах представлены основные вехи его жизненного пути и творчества, была написана по поручению руководства журнала «Новая и новейшая история» в 1988 г., а вторая — «Французского ежегодника» в 2002 г. В свете произошедших позитивных перемен в современной российской науке в изучении истории Французской революции, как и в равной степени воззрений самого автора за последние два десятилетия,

¹ G. Lefebvre. La France sous le Directoire. Édition intégrale du cours « Le Directoire » présenté par J.-R. Suratteau. Avant-propos d'A. Soboul. Paris. 1977.

² См. комментарии к каждой статье.

возникла необходимость не только расширения базы первой статьи, но и осмысления и критического обсуждения некоторых интерпретаций В.М. Далина проблем революционной эпохи и вклада французских историков XX столетия, в частности, представителей школы «Анналов», под более широким углом зрения.

Будем откровенны: первоначальный вариант этой статьи в свое время не у всех вызвал однозначную положительную оценку, что было вполне закономерным. Ведь многие из моих старших коллег, долго работавшие с В.М. Далиным, имели, по признанию Г.С. Чертковой, свой «образ Виктора Моисеевича». Но в то же время многие известные историки, такие, как академики А.Л. Нарочницкий и Н.Н. Болховитинов, профессора А.В. Адо, В.А. Дунаевский, В.В. Согрин и другие откликнулись положительно³.

Вторая, дополненная, статья о В.М. Далине, как и статьи об А.Р. Иоаннисяне, М.Г. Нерсисяне, Г.С. Кучеренко посвящены, главным образом, раскрытию их облика, как исследователя. В них объективно и беспристрастно воспроизведены портреты этих профессиональных историков. Я не сомневаюсь, что их методы работы, как и, в равной степени, предъявляемые ими к себе и к своим ученикам требования, безусловно, будут поучительны для многих, в особенности, для представителей молодого поколения историков.

В настоящий сборник включена также статья, написанная в 1993 г. по поручению руководства журнала «Новая и новейшая история» о переиздании книги академика Е.В. Тарле «Наполеон», осуществленном В.А. Дунаевским, с которым я тесно сотрудничал

³ Письмо академика Н.Н. Болховитинова автору от 6 марта 1990 г. Личный архив В.А. Погосяна. Копия отзыва В.А. Дунаевского на рукопись статьи от 22 мая 1988 г., написанного по поручению руководства журнала «Новая и новейшая история». Личный архив В.А. Погосяна. А.В. Адо и В.В. Согрин высказали свои весьма положительные мнения на заседании редакционной коллегии журнала. Статья была рекомендована к печати и другим членом редакционной коллегии А.Л. Нарочницким. В его письменном отзыве, зачитанном на заседании редакционной коллегии В.Д. Вознесенским, был высказан ряд возражений, часть которых я учел и был ему признателен. В личном же разговоре А.Л. Нарочницкий, как и до него В.В. Согрин, деликатно упрекнул меня в идеализации В.М. Далина. При настоящей переработке статьи я учел и это замечание.

в последнее десятилетие его жизни⁴. Одобренная А.В. Адо, как членом редакционной коллегии журнала, статья была утверждена к печати, однако, так и не была опубликована.

Что касается моих общений с советскими и зарубежными историками, не все в моей жизни сложилось гладко и безоблачно. Еще с третьего курса ЕГУ я лелеял мечу продолжить обучение в аспирантуре под руководством одного из крупнейших историков XX столетия А.З. Манфреда. Однако, волею судьбы, мне было суждено лично общаться с ним лишь пять минут, 14 июля 1976 г., в секторе Новой истории капиталистических стран Европы Института всеобщей истории АН СССР. После разговора по-французски со мной, в то время еще студентом, А.З. Манфред выразил готовность руководить мной после поступления в аспирантуру, но его безвременная кончина не позволила осуществиться моей мечте.

Поэтому я лишен возможности посвятить портрету Альберта Захаровича отдельную главу. Тем не менее, имя А.З. Манфреда, пользовавшегося в международных научных кругах непререкаемым и вполне заслуженным авторитетом, часто встречается на страницах этой книги. В связи с этим небезынтересно отметить, что даже лидеры «третьего поколения» «Анналов» Э. Леруа Ладюри и Ф. Фюре, долгие годы полемизировавшие с ним, категорически отвергавшие его марксистскую интерпретацию Французской революции XVIII столетия, и в частности, по свидетельству К. Мазорика, концепцию якобинской диктатуры⁵, и то о нем отзывались с глубочайшим уважением. В октябре 1989 г. я сопровождал Э. Леруа Ладюри, в бытность его директором Национальной библиотеки Франции, в библиотеку ИНИОНа. Во время его беседы с руководителями этой организации я упомянул имя А.З. Манфреда как историка, пользовавшегося во Франции большим признанием. Э. Леруа Ладюри мгновенно оторвав

⁴ В начале 1990-х мы вместе подготовили к печати переиздание книги Е.В. Тарле «Талейран»: Е.В. Тарле. Талейран. Из мемуаров Талейрана. М. 1993.

⁵ С. Mazauric. Albert Manfred et la controverse sur la Révolution française : notes de lecture(s) // Россия и Франция: исторический опыт XVIII-XIX веков. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию А.З. Манфреда, 27-29 сентября 2006 г. М. 2008. С. 37-38.

обе руки от письменного стола, тихим голосом почтительно сказал: «Манфред!» Когда же в феврале 1992 г. я спросил у Ф. Фюре, общался ли он лично с А.З. Манфредом, не раз сильно критиковавшим его воззрения, собеседник утвердительно ответив на мой вопрос, добавил: «Я был еще молодым для Манфреда».

В отличие от А.З. Манфреда, мне так и не довелось лично общаться с одним из крупнейших специалистов по истории Французской революции Жаком Годшо, моим кумиром во французской исторической науке, с которым долгие годы находился в переписке. Поэтому помещенная в настоящем сборнике статья о нем написана, главным образом, через призму моего личного восприятия его творчества.

Второй раздел сборника включает мои рецензии на советские и российские издания по истории и историографии революционной и наполеоновской эпох за последнюю четверть века, подавляющее большинство которых опубликовано в 1990-2010 гг. в журнале Общества робеспьеристских исследований «Исторические анналы Французской революции». Часть из них, также предназначенная для публикации в том же журнале, но не увидевшая свет по техническим причинам, публикуется впервые. Помещенные в сборнике рецензии помогут нашим французским, да и зарубежным коллегам ориентироваться в существенных сдвигах, произошедших в российской науке за последние два десятилетия в изучении истории Французской революции. Однако следует иметь в виду, что как рецензируемые книги, так и мои рецензии на них несут неизгладимый отпечаток времени их публикации.

Заглавие и композиция настоящего сборника позаимствованы у знаменитого французского историка Э. Леруа Ладюри⁶, к слову сказать, одного из поборников официального признания геноцида армян в Османской империи Организацией объединенных наций и Турцией⁷. При такой композиции некоторые мысли, разумеется, могут повторяться, за что приношу свои извинения, рассчитывая при этом на снисходительность читателя.

Считаю своим долгом выразить глубокую признательность

⁶ E. Le Roy Ladurie. Parmi les historiens. Paris. 1983.

⁷ Le crime de silence. Le génocide des Arméniens. Préface de Pierre Vidal-Naquet. Paris. 1984. P. 350.

моему другу и коллеге, главному редактору «Французского ежегодника», доктору исторических наук А.В. Чудинову, поддержавшему мою инициативу в подготовке к печати настоящей книги, помогавшему уместными советами при подборе помещенных в ней материалов, а также за взятие на себя труда ее научного редактирования. Я весьма благодарен также моему коллеге, главному редактору журнала «Исторические анналы Французской революции», профессору университета Лилль III Эрве Лёверсу, редактировавшему часть помещенных во втором разделе книги рецензий (в том числе впервые публикуемые) и настоявшему на необходимости ее издания.

В апреле 2006 г. президент Международной ассоциации геноцидологов, основатель и директор Института холокоста и геноцида в Иерусалиме Израиль Чарни по-дружески сказал мне: «Варужан, везде то же самое, все политизировано. Мы должны получить наше удовольствие от расширения наших знаний». Расширению моих знаний и научного кругозора в огромной степени способствовали каждодневная многолетняя работа под руководством некоторых выдающихся советских историков, многолетнее общение и переписка со многими знаменитыми отечественными и зарубежными (в особенности, французскими) исследователями, в том числе и с самим И. Чарни. Публикуя настоящий сборник, я воздаю им дань моего глубокого почтения.

Памяти одного из них — Жака Годшо, я с удовольствием посвящаю мою книгу об историках, главным образом, Французской революции XVIII столетия, в непосредственном окружении которых я провел свою молодость и благодаря помощи которых формировался как профессиональный историк — франковед, за что им весьма признателен.

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ:

СТАТЬИ

ГЛАВА I

ВИКТОР МОИСЕЕВИЧ ДАЛИН*

Всем, кто встречался с В.М. Далиным в последние годы его жизни, наверное, трудно представить его молодым — писавшим и распространявшим политические листовки или принимавшим в глубоком подполье участие в различных диверсионных актах против контрреволюционных сил в Одессе. В их памяти он остался человеком преклонного возраста, с лицом, изборожденным глубокими морщинами, человеком, который медленными шагами, чуть согнувшись шел по коридору Института всеобщей истории АН СССР. Так же медленно он входил в двери комнаты № 28 — «Сектор Новой истории капиталистических стран Европы. Французский ежегодник». Здесь, вежливо поздоровавшись со всеми, он приступал к своим обычным занятиям. Готов ли к опубликованию очередной том «Французского ежегодника»? Просмотрели ли члены редколлегии намеченные к публикации статьи? Когда удобнее провести заседание группы по изучению истории Франции? На какой стадии работа того или иного аспиранта? Поступила ли почта? От кого корреспонденция? От Собуля? От Годшо? Неторопливо, дрожащими старческими руками он распаковывал конверты, сообщал содержание писем коллегам. В последние годы он все чаще обращался к своим ученикам с просьбой проводить его до стоянки такси, ему уже было трудно пользоваться городским транспортом.

А ведь было время, когда он, молодой, подвижный, темпераментный, полный сил, мчался по улицам родной Одессы из одной комсомольской ячейки в другую. Его фотография тех лет опубликована в книге «В двух подпольях»⁸. С нее на нас смотрит юноша 16-17 лет, подтянутый, в галстуке, с короткой

* Первоначальный вариант статьи опубликован в 1989 г. в журнале НиНИ (№ 5. С. 174-188). См. также переиздание в кн.: Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. Ответственные редакторы Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. М.—Иерусалим. 2000. С. 416-425.

⁸ В двух подпольях. Страницы из истории комсомола города Одессы времен гражданской войны. М. 1970.

стрижкой, с глубокими, выразительными глазами, с вежливой, доброжелательной улыбкой. Все тогда еще только начиналось. Впереди был трудный путь.

Жизнь выдающегося советского историка, крупного знатока истории Франции, первого лауреата премии АН СССР имени академика В.П. Волгина Виктора Моисеевича Далина (1902-1985)⁹ была неразрывно связана с Октябрьской революцией 1917 г. и революционной борьбой за сохранение ее завоеваний. «Моя юность ровесница революции», — заявил он в беседе с корреспондентом «Комсомольской правды»¹⁰. Делу революции, борьбе за торжество ее идей он отдал свою молодость, все силы и знания.

В.М. Далин родился 6 января 1902 г. в Одессе. Первоначальное образование он получил в одной из местных гимназий, где приобрел не только разносторонние глубокие знания, но и основательно выучил французский и немецкий языки, а также латынь. Но завершить образование в гимназии ему не удалось. Как он сам говорил, незадолго до окончания учебы его оттуда отчислили за революционную агитацию.

После победы революции 1917 г. он принял деятельное участие в борьбе за установление Советской власти на Украине. В августе 1918 г. за революционную деятельность при немецкой оккупации в Одессе он был арестован¹¹. Лишь в ноябре, после вывода оккупационных войск с Украины, его выпустили из тюрьмы. Но испытания только начинались.

В 1918 г. продолжалась интервенция против Советского государства, шла гражданская война. Молодые защитники молодой страны Советов вели упорную, непримиримую борьбу с врагами революции. «После захвата Одессы в августе 1919 г. деникинцами, — вспоминал В.М. Далин, — мы снова ушли в глубокое подполье. Но мы верили, не унывали и боролись...

⁹ Эта высокая премия была присуждена ему в 1971 г. за книги «Грахх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785-1794)» (М. 1963) и «Люди и идеи. Из истории революционного и социалистического движения во Франции» (М. 1970).

¹⁰ В.М. Далин. Строили историю // Комсомольская правда. 12 марта 1978.

¹¹ См. об этом: В. Далин. Цугом, по одному // В двух подпольях. С. 30-37.

Военный наш отряд вел диверсионную борьбу. Я, как довольно грамотный по тем временам, занимался агитационной работой, делал "Страницу красной молодежи" в нашей нелегальной газете "Одесский коммунист"¹². Очень рано В.М. Далин начал свою публицистическую деятельность. Его первая статья — «Молодежь и политическая борьба», была опубликована в 1917 г. Позднее он редактировал газету «Молодой рабочий», журнал «Юный коммунарь», был членом редколлегии газеты «Известия Одесского Совета рабочих депутатов».

В 1921 г. вступив в ряды РКП(б), В.М. Далин занимал на протяжении ряда лет ответственные посты в различных партийных организациях. В 1920-1921 гг. он работал в Москве, в ЦК РКСМ, был членом коллегии отдела социалистического образования. В 1921-1922 гг. находился на Украине, на III и IV Всеукраинских съездах комсомола избирался членом ЦК КСМУ, а осенью 1922 г. — снова в Москве, на V Всероссийском съезде комсомола, как член ЦК РКСМ и заведующий политико-просветительным отделом. В то время ему было всего 20 лет!

В.М. Далин присутствовал на партийных съездах, на конгрессах Коминтерна, на I Всесоюзном съезде Советов: «Я слушал выступления Ленина, лидеров партии и Коминтерна, был свидетелем важнейших событий политической жизни страны. К. Цеткин, Э. Тельман, А. Грамши, П. Тольятти, Д. Сератти, М. Кашен и М. Торез были для меня живыми людьми, которых я видел и знал, а не хрестоматийными фигурами»¹³. Глубокое впечатление на молодого В.М. Далина произвели выступления Ленина на VIII Всероссийском съезде Советов¹⁴.

В.М. Далин лично общался с Н.К. Крупской, К. Радеком, Б. Куном и многими другими руководящими деятелями партии и международного рабочего движения. Как член ЦК ВЛКСМ в январе 1924 г. вместе с другими вожаками комсомола он стоял в почетном карауле у гроба Ленина в Колонном зале, что было в то время высокой честью¹⁵. Годы революционной борьбы, партийной

¹² В.М. Далин. Строили историю.

¹³ В.М. Далин. Полвека изучения истории Франции // В.М. Далин. Из истории социальной мысли во Франции. М. 1984. С. 3.

¹⁴ В.М. Далин. Строили историю.

¹⁵ Сведения нам переданы сыном В.М. Далина доктором медицинских

работы, встречи с вождями и выдающимися деятелями мирового революционного движения оказали сильное воздействие на формирование коммунистического мировоззрения В.М. Далина.

И вот, в 1924 г. решив продолжить образование, он поступил на двухгодичное подготовительное отделение ИКП, имевшего к тому времени три отделения: философское, экономическое и историческое, состоявшее из двух секций — по отечественной истории и по истории Запада¹⁶. Приступив к изучению истории России начала XX столетия, он намеревался и впредь продолжать изыскания в этой области¹⁷. «Обратившись за советом к И.И. Минцу, я был в полной уверенности, что он поддержит мое намерение. Но он воспротивился этому. Как декан факультета, он исходил из кадровых соображений: среди слушателей тогда почти не было людей, владевших иностранными языками, а я мог более или менее свободно пользоваться литературой на немецком и французском языках»¹⁸. Итак, по совету И.И. Минца В.М. Далин в 1926 г. стал слушателем секции по истории Запада ИКП и приступил к углубленному изучению Новой истории Франции. Он всегда с чувством глубочайшей благодарности упоминал имя И.И. Минца, рекомендовавшего ему заниматься историей Франции.

По свидетельству А.З. Манфреда, Е.В. Тарле утверждал, что «в двух областях для мужчин ошибки недопустимы — в выборе профессии и в выборе жены»¹⁹. В этой связи сразу же отметим, что В.М. Далин в обеих «областях» не ошибся; его покойная супруга С.М. Айзенштадт была верным другом и надежной

наук М.В. Далиным.

¹⁶ В.А. Дунаевский. Советская историография новой истории стран Запада. 1917-1941. М. 1974. С. 328.

¹⁷ К этому времени относится дополненное переиздание составленного им в соавторстве с А. Кировым сборника материалов «Юношеское движение в России» (М.-Л. 1925). Опубликованные в нем материалы (статьи работников партии, резолюции съездов партии, воспоминания участников революционного движения) проливают свет на состояние юношеского движения в начале XX столетия и участие молодежи в первых боях за власть Советов после 1917 г.

¹⁸ В.М. Далин. Полвека изучения истории Франции. С. 4.

¹⁹ А.З. Манфред. Талант историка. (К 100-летию со дня рождения академика Е.В. Тарле) // Комсомольская правда. 12 ноября 1975.

опорой «в светлые и тяжелые дни» его жизни²⁰.

Но вернемся к ИКП, где обучение проходило в не совсем обычной для нас форме. «Институт красной профессуры, — писал В.М. Далин, — был совершенно своеобразным учебным заведением, главным центром по подготовке марксистских кадров высшей квалификации... В Институт в 20-х годах приходили люди, имевшие значительный опыт партийной работы, обладавшие вкусом и навыками к самостоятельной научно-исследовательской, теоретической деятельности. Лекций в ИКП не было. На каждом году обучения (курс был четырехгодичный) слушатель ИКП занимался в одном или двух семинарах, которыми руководили виднейшие ученые — М.Н. Покровский, В.П. Волгин, Н.М. Лукин, Е.В. Тарле, А.М. Деборин, Е.А. Косминский и др. В течение года слушатель должен был представить 1-2 доклада и выступить не меньше двух раз при обсуждении других докладов»²¹.

За годы обучения в ИКП, ставшим для В.М. Далина своего рода *alma mater*, он принял участие в двух семинарах — по историографии Французской революции XVIII столетия и по истории социалистического движения во Франции после Парижской Коммуны, определивших главные направления его творческого пути.

Первая научная статья В.М. Далина, посвященная роли историков «русской школы» в изучении экономической истории Франции XVIII в., носила острый полемический характер²². Она была подготовлена на семинаре Н.М. Лукина по историографии Французской революции, на котором рассматривался широкий круг историографических проблем, начиная от историков эпохи Реставрации и кончая новейшими исследователями²³. На эту же

²⁰ В.М. Далин. Полвека изучения истории Франции. С. 32.

²¹ В.М. Далин. С.С. Бантке-историк // Памяти С.С. Бантке. (Из истории революционного движения в Бессарабии). Кишинев. 1970. С. 58-59. См. также: Э.Б. Генкина. Воспоминания об ИКП // История и историки — 1981. М. 1985. С. 258-273.

²² В.М. Далин. Мануфактурная стадия капитализма во Франции XVIII века в освещении «русской школы» // ИМ. 1929. № 14. С. 68-116 (перепечатано в кн.: В.М. Далин. Люди и идеи. С. 294-343).

²³ В.А. Дунаевский, А.Б. Цфасман. Николай Михайлович Лукин. М. 1987. С. 117.

тему В.М. Далин выступил на заседании секции Запада Общества историков-марксистов. Р.А. Авербух вспоминала: «Этот доклад вызвал оживленные прения. В заключительном выступлении Н.М. Лукин дал анализ доклада, указав большое значение этой новой постановки вопроса»²⁴. В чем же она заключалась?

Историки «русской школы» отрицали капиталистический характер французской промышленности накануне Революции. Применяя ленинскую методологию изучения мануфактурной стадии капитализма в России, рассеянной мануфактуры в частности, В.М. Далин доказал господство мануфактурного строя, основанного на новом типе разделения труда, «почти во всех отраслях промышленности, ввозивших сырье и вывозивших готовый фабрикат. Технический уровень французской промышленности соответствовал не «младенческому состоянию», а мануфактурной стадии. Основным процессом здесь было усиление роли централизованной мануфактуры», — писал он²⁵. Отметим, что и в дальнейшем он обращался к вопросу о переходе к мануфактурной стадии во французской экономике. Опираясь на данные новейших исследований, он констатировал, что этот переход во Франции шел уже в XVI в.²⁶

Одним из направлений в научной деятельности В.М. Далина уже в те годы стало исследование истории Французской революции. До середины 1930-х годов он периодически обращался к революционной эпохе, тщательно изучал взгляды основоположников марксизма-ленинизма на бурные события конца далекого XVIII столетия²⁷.

Но его основные научные интересы тогда были сосредоточены

²⁴ Р.А. Авербух. Н.М. Лукин — организатор подготовки советских историков // Европа в новое и новейшее время. Сборник статей в память академика Н.М. Лукина. М. 1966. С. 56-57.

²⁵ В.М. Далин. Люди и идеи. С. 321-322. В начале 1960-х годов В.М. Далин, вновь обращаясь к этой проблеме, на примере экономического развития Пикардии, подтвердил свои выводы о господстве капиталистической мануфактуры во французской промышленности накануне революции. См.: В.М. Далин. Грахх Бабеф... С. 75-92.

²⁶ В.М. Далин. XVI век в экономической истории Франции // ИМ. 1933. № 2 (30). С. 177-183.

²⁷ В.М. Далин. Письмо Ф. Энгельса о Великой французской революции // ИМ. 1933. № 2 (30). С. 47-60.

на проблемах истории французского социалистического движения. К углубленному изучению истории Французской революции он вернется позднее, в середине 1950-х годов.

Историей французского социалистического движения В.М. Далин увлекся на занятиях в семинаре Н.М. Лукина, посвященном этой теме, который тот вел в ИКП с 1928 г. Здесь же В.М. Далин познакомился с А.З. Манфредом. Около полувека продолжилась дружба и сотрудничество этих двух крупнейших специалистов по истории Франции. А.З. Манфред впоследствии вспоминал: «То был объединенный семинар Института красной профессуры и РАНИОНа, объявленный осенью 1928 г. Семинар был небольшим: в него входили С.С. Бантке, В.М. Далин, А.В. Ефимов, Э.А. Желубовская, С.В. Захаров, А.З. Манфред, Т.В. Милицина, Е.С. Николаев — всего восемь участников»²⁸. В.М. Далин исследовал тему: «Объединенная социалистическая партия (1905-1914 гг.)».

Глубокому осмыслению и изучению французского социалистического движения во многом способствовала восьмимесячная научная командировка В.М. Далина во Францию в 1929-1930 гг., куда он был направлен по решению Ученого совета ИКП вместе с Е.С. Николаевым и С.С. Бантке, который и возглавил эту маленькую группу. В Париже В.М. Далин провел плодотворные изыскания в Национальной библиотеке и, уезжая из Франции, «вез с собой не только большой чемодан материалов о социалистической партии, но и 15 томов ежегодной статистики стачек»²⁹. На основе изучения богатого фактического материала, главным образом, рабочей и социалистической прессы, он написал ряд статей по истории социалистического движения³⁰. Их ключевые идеи он развил в монографии «Стачки и кризис синдикализма в предвоенной Франции». В.М. Далин доказал, что

²⁸ А.З. Манфред. Николай Михайлович Лукин // Европа в новое и новейшее время. С. 16; см. также: его же: С.С. Бантке (по личным воспоминаниям) // Памяти С.С. Бантке. С. 71-73.

²⁹ В.М. Далин. Полвека изучения истории Франции. С. 8.

³⁰ См. например: В. Далин. К вопросу об оппортунистическом перерождении гедизма. (Гедисты Севера и синдикаты) // Социалистическое движение во Франции. М. 1934. С. 213-288; его же: Из истории французской социалистической партии в 1912-1918 годах. (К изучению локальной истории французского социалистического движения) // ИМ. 1935. № 12 (25). С. 26-37.

в социалистической партии в то время на было левого крыла, вокруг которого могли бы сплотиться революционные силы французского пролетариата³¹.

По просьбе деятелей Французской коммунистической партии В.М. Далин написал учебник по истории рабочего движения во Франции от Коммуны до Первой мировой войны, который был опубликован в Париже под псевдонимом Ж. Видаль³². Ж. Коньо впоследствии отмечал, что эта книга послужила для представителей его поколения «первым пособием по политграмоте»³³. Высокая оценка книге дана К. Вилларом, крупнейшим специалистом по истории французского рабочего движения, расценивавшим ее как «самое интересное марксистское исследование по истории социализма и рабочего движения этого периода, опубликованное во Франции до Второй мировой войны»³⁴.

В 1920-1930-е годы в СССР первоочередной стала задача создания новых школьных учебников. Еще в 1928 г. совместно с М.С. Зорким и В.Н. Рахметовым В.М. Далин написал учебник для крестьянской молодежи, охватывающий период от средневековья до современности и явившийся одним из первых марксистских пособий³⁵.

К этому времени относится начало его преподавательской деятельности. Еще в годы обучения в ИКП В.М. Далин одновременно преподавал в Коммунистической академии им. Я.М. Свердлова, готовившей партийных работников, позднее — в Международной ленинской школе, где вел курсы по истории рабочего движения, а с середины 30-х годов вошел в состав преподавателей кафедры Новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, где в 1934-1936 гг. занимал должность заместителя заведующего кафедрой. В МГУ профессор Далин (это звание ему было присвоено в 1936 г.) читал лекции по исто-

³¹ В.М. Далин. Стачки и кризис синдикализма в предвоенной Франции. М. 1935. С. 176, 197 и др.

³² J. Vidal. Le mouvement socialiste français de la Commune à la guerre mondiale. Paris. 1934.

³³ Ж. Коньо. Избранный путь. М. 1980. С. 288.

³⁴ C. Willard. Le mouvement socialiste en France (1893-1905). Les guesdistes. Paris. 1965. P. 738.

³⁵ В.М. Далин, М.С. Зоркий, В.Н. Рахметов. Рабочая книга по истории для I, II, III годов обучения школ крестьянской молодежи. М.-Л. 1928.

рии революции 1848 г. во Франции³⁶.

Совместно с Н.М. Лукиным В.М. Далин подготовил и отредактировал сборник документов и материалов по Новой истории, вышедший тремя изданиями, переведенный на украинский, белорусский, армянский языки и сохранивший свое значение по сей день³⁷. Он был также одним из соавторов учебника по Новой истории для средней школы, написанного на основе марксистско-ленинской периодизации всеобщей истории, макет которого был опубликован в 1935 г.³⁸.

Хотя я упомянул не все основные работы, осуществленные В.М. Далиным на начальной стадии его научной деятельности³⁹, но и этого вполне достаточно, чтобы убедиться как многое молодой энтузиаст, бесповоротно порвавший, к счастью, с партийной и административной работой, успел сделать за эти годы, успешно и плодотворно испытывая свои творческие силы, как в области глубокого изучения Новой истории Франции, так и на ниве педагогической деятельности.

Тем не менее, В.М. Далин оставался представителем своего поколения. Он жил и трудился, полностью охваченный романтическими идеями, выдвинутыми творцами социалистической революции, воодушевленный новой, марксистской методологией, установившей свое полновластное господство в советской исторической науке и отрицавшей право на существование других методологических подходов. В создавшихся в СССР условиях В.М.

³⁶ В.А. Дунаевский. Указ. соч. С. 330, 337-338; И.С. Галкин. Н.М. Лукин — революционер, ученый. М. 1984. С. 190.

³⁷ Новая история в документах и материалах. 2-е изд.: М. 1934. Вып. 1-2; 3-е изд.: М. 1935. Первое издание было опубликовано под заглавием «Эпоха промышленного капитализма в документах и материалах» (М. 1933).

³⁸ В.М. Далин, А.В. Ефимов, Н.М. Лукин, Г.С. Фридлянд. Новая история. Учебник для неполной и полной средней школы. Ч. 1 (1789-1870). М. 1935. (Макет); В.М. Далин, А.В. Ефимов, Н.М. Лукин, Г.С. Фридлянд. Новая история. Учебник для средней школы. Ч. 3. Эпоха пролетарских революций и общего кризиса капитализма. 1918-1935. М. 1935. (Макет).

³⁹ См.: Библиография трудов Виктора Моисеевича Далина (1902-1985) и литература о нем. Составитель В.А. Погосян // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина (к 95-летию со дня рождения). М. 1998. С. 70-72.

Далин ничем не уступал другим историкам-марксистам в своем пренебрежительном отношении к «буржуазной» исторической науке и ее «служителям», как в России, так и за рубежом. Анализ работ и выступлений самого В.М. Далина того периода наглядно показывает, что некоторым из них были полностью присущи те же негативные черты, что и трудам других его коллег. Сегодня самое беглое ознакомление с его выступлениями той поры не оставляет и тени сомнения, что их автор, как и все без исключения представители советской марксистской школы, проявлял прямолинейность, излишнюю категоричность в суждениях, ничем не обоснованную и далеко не всегда оправданную нетерпимость к немарксистской исторической мысли и к малейшим отклонениям от марксистской интерпретации, подчас неоправданную суровость по отношению к «буржуазным» историкам⁴⁰. Эти его работы у представителей молодого поколения историков наших дней могут вызвать изумление, но все это было порождением той эйфории, в которой по воле роковых обстоятельств оказалось целое поколение советских исследователей.

В середине 1930-х годов В.М. Далин был полон новых творческих замыслов, собирался защитить докторскую диссертацию, но обусловленные советской действительностью крутые повороты не позволили ему осуществить эти планы. Во второй половине 1930-х годов жертвами сталинских репрессий стали миллионы ни в чем не повинных советских граждан; тяжелые потери понесла и советская историческая наука. Среди исследователей, изучавших историю Франции, были репрессированы Г.С. Фридлянд, С.С. Бантке, Е.С. Николаев, С.А. Лотте, Я.В. Старосельский, Я.М. Захер, В.М. Далин. В 1938 г. этот список дополнила фамилия Н.М. Лукина.

В 1936 г. В.М. Далин был арестован⁴¹, после чего его фамилия

⁴⁰ См. об этом подробнее в главе II настоящей книги: «В.М. Далин, каким я его знал».

⁴¹ 9 сентября 1979 г. А.В. Адо, находившийся в те дни вместе с В.М. Далиным в санатории АН СССР Узком, записал в своем дневнике: «Из разговоров на днях с В[иктором] Моис[еевичем] — он был взят в 1936 г., раньше Лукина, и Ник[олай] Мих[айлович], как рассказывала Софья Моис[еевна], жена В[иктора] М[оисеевича], на след[ующий] день несколько раз звонил, упорно добив[аясь] В[иктора] М[оисеевича], а она могла лишь повторять — "его нет дома", "его нет в Москве"». Цит. по: Д.Ю. Бовыкин. Анатолий Васильевич Адо: образ и память. Саратов.

исчезла из состава редакционной коллегии журнала «Историк-марксист», а потом на долгие годы перестала появляться на страницах исторических журналов⁴². На титульном листе хранившейся в различных библиотеках Москвы книги «Новая история в документах и материалах», фамилии составителей были покрыты густой полоской чернил. Далин — историк надолго перестал существовать, его научная деятельность была прервана. При повальном терроре, безжалостные волны которого поглотили, естественно, и цвет советской интеллигенции, ему, в отличие от арестованного по смехотворной причине А.З. Манфреда⁴³, не удалось избежать незаконного осуждения и по решению суда он был сослан в один из сталинских лагерей под Владивостоком, а затем был переведен в Магадан⁴⁴.

В конце 1947 г., выйдя из заключения по первому сроку, В.М. Далин получил разрешение жить в городе Александрове Владимирской области. Несколько позже ему было позволено занять должность профессора на кафедре всеобщей истории Ярославского педагогического института, но ненадолго. В начале 1949 г. его повторно арестовали⁴⁵ и сослали на этот раз в Печору, а затем в Инту⁴⁶.

2007. С. 77.

⁴² Лишь однажды в «Историке-марксисте» была опубликована рецензия на второе издание его книги, вышедшей в Париже под псевдонимом Ж. Видаль. Действительная фамилия автора книги оставалась неизвестной. См.: ИМ. 1939. № 5/6. С. 271.

⁴³ См.: Ю.В. Борисов. Альберт Захарович Манфред // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. С. 404.

⁴⁴ М.В. Далин. «Запечатленные моменты» из жизни В.М. Далина — пламенного революционера и трепетного поклонника музыки Клио // Исторические этюды Французской революции. С. 29-30. О причинах его ареста см. в главе II настоящей книги.

⁴⁵ Сведения нам переданы М.В. Далиным. Из дневника А.В. Адо: «Вторично В[иктор] Моис[еевич] был взят в Ярославле, где нес[колько] мес[яцев] в 1948 г. препод[авал] в Пединст[итуте]; его взяли на улице по дороге на лекцию». Цит. по: Д.Ю. Бовыкин. Указ. соч. С. 77.

⁴⁶ Во время своего кратковременного пребывания на воле он составил комментарии к русскому переводу книги Буонарроти (В.М. Далин. Полвека изучения истории Франции. С. 9). Однако его фамилия была указана лишь на втором издании книги. См.: Ф. Буонарроти. Заговор во имя равенства. Т. 1-2. М. 1948. 2-е изд.: М. 1963.

В.М. Далин не был пригоден к тем работам, которые предназначались для политзаключенных⁴⁷. Оторванный от семьи, от коллег, от друзей, лишенный возможности читать и писать (писать! Впрочем ему предоставлялось право, как он говорил, несколько раз в году писать письма членам семьи), В.М. Далин даже в таких условиях не пал духом. Бывший сотрудник Института истории АН АрмССР, ныне покойный Г.Г. Мелконян, разделивший в те годы его горькую участь, рассказывал мне, с каким воодушевлением В.М. Далин читал на французском языке лекции по французской истории для тех, кто находился рядом с ним. К большому несчастью, я упустил редчайшую возможность получить сведений о его пребывании в ссылке, ибо не мог предвидеть столь неожиданную и безвременную кончину моего старшего коллеги, последовавшую в 1982 г.

Так медленно проходили годы... То были годы небытия, наполненные тревогами, томительными ожиданиями, волнениями, надеждами. Лишь в 1954 г. его реабилитировали, восстановили в рядах коммунистической партии, после чего он получил возможность вернуться в науку. Какую нестигаемую силу воли, какое огромное чувство ответственности перед избранной профессией надо было иметь, чтобы после всего пережитого вновь вернуться к научной деятельности!

* * *

Творческий путь В.М. Далина расколот на два периода. До середины 1930-х годов он, как и его советские сверстники, уделял больше внимания овладению марксистско-ленинской методологией, что было полностью созвучно с насущными требованиями времени, ставя перед собой «более широкие задачи» и стараясь на основе опубликованных источников «определить характер французской промышленности XVIII в. или всего французского

⁴⁷ По дошедшим до нас весьма скудным сведениям в разное время он выполнял в лагерях поручения то банщика, то лесоруба. См. об этом: **М.В. Далин**. Посильный комментарий к некоторым событиям жизни Виктора Моисеевича Далина // ФЕ — 2002. Историки Франции. К 100-летию В.М. Далина (1902-1985). М. 2002. С. 31-32; **Е.В. Старостин**. Ученый с глазами пророка // Там же. С. 56.

рабочего движения начала XX в.»⁴⁸. Главная же особенность его творчества последних десятилетий заключалась в исследовании относительно более узких проблем, с привлечением широкого круга архивных материалов, обстоятельство, вписывающееся в общее русло развития советской науки⁴⁹. В 1950-1960-х годах на основе тщательного изучения личных архивов деятелей французского революционного и социалистического движения (Г. Бабефа, М.-А. Жюльена, А. Мерргейма и др.), сосредоточенных в архиве бывшего Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС⁵⁰, он создал ряд ценных трудов, принесших ему мировую известность. Через судьбы отдельных деятелей он выходил на широкие просторы исторической эпохи, раскрывая суть явлений и событий.

В 1955 г. В.М. Далин поступил на работу в Институт истории (с 1968 г. — Институт всеобщей истории) АН СССР, где проработал больше четверти века. В 1956 г. блестяще защищая свою упомянутую книгу «Стачки и кризис синдикализма в предвоенной Франции», не потерявшую научной ценности и актуальности, в качестве кандидатской диссертации, он занял в институте должность старшего научного сотрудника.

Наряду с участием в работе над коллективными трудами⁵¹, В.М. Далин наконец-то смог возобновить свои изыскания в области истории Французской революции XVIII столетия⁵². В мировую историческую науку В.М. Далин входит прежде всего как

⁴⁸ В.М. Далин. Указ. соч. С. 16.

⁴⁹ Об особенностях развития советской исторической науки см. в главе IV настоящей книги: «А.Р. Иоаннисян: портрет историка».

⁵⁰ Ныне: Российский государственный архив социально-политической истории.

⁵¹ В.М. Далин. История в «меняющемся мире». (О некоторых концепциях новейших буржуазных «всемирных историй») // Против фальсификации истории. М. 1959. С. 3-66. (В соавторстве с А.М. Немкречым и Н.Н. Яковлевым); *его же*: Франция [в 1900-1914 гг.] // Всемирная история. Т. 7. М. 1960. С. 415-424. (В соавторстве с Б.А. Айзиным); *его же*: Империализм и малые страны Европы // Там же. С. 435-439; *его же*: Борьба революционной и реформистской тенденций в международном революционном движении // Там же. 478-490. (В соавторстве с Б.А. Айзиным и М.Я. Гефтером).

⁵² В 1955-1956 гг. он составил комментарии к избранным произведениям Ж.П. Марата, третий том которых перевел сам. Ж.П. Марат. Избранные произведения. Т. 1-3. М. 1956.

крупнейший историк Бабефа и бабувистского движения. В 1950-е годы его научные интересы были сосредоточены вокруг личности Гракха Бабефа. Впервые интерес к нему у В.М. Далина возник еще в 1947 г., при составлении комментариев к книге Буонарроти, с той поры он «начал мечтать о том, чтобы написать его биографию»⁵³. Упорная работа над богатым архивом Бабефа, практически не разработанным, позволила ему в сравнительно короткий срок осуществить заветную мечту. Приступив к систематическому исследованию деятельности Бабефа и его идейной эволюции накануне и во время Французской революции, В.М. Далин ввел в научный оборот огромное количество неопубликованных архивных материалов. Он написал ряд статей, посвященных идейной эволюции Бабефа и его отношениям с руководящими деятелями Революции⁵⁴. В них изучено меняющееся в ходе Революции отношение Бабефа к Марату, Робеспьеру, Дантону, вскрыты его идейные воззрения, послужившие, по мнению автора, основной причиной расхождений между ним и вождями якобинцев⁵⁵.

В 1962 г. В.М. Далин защитил докторскую диссертацию на тему: «Гракх Бабеф накануне и во время Великой французской революции», а через год на ее основе опубликовал

⁵³ В.М. Далин. Полвека изучения истории Франции. С. 9.

⁵⁴ В.М. Далин. Бабеф и Марат в 1789-1790 годах // ВИ. 1956. № 9. С. 45-58 (перепечатано в кн.: В.М. Далин. Из истории социальной мысли во Франции. С. 143-194); его же: Робеспьер и Бабеф // НиНИ. 1958. № 6. С. 88-97 (перепечатано в кн.: В.М. Далин. Люди и идеи. С. 22-36); его же: Новые документы об отношении Бабефа к Дантону // ВИ. 1959. № 4. С. 156-160; его же: Неизвестная рукопись Бабефа // ФЕ — 1958. М. 1959. С. 184-205; его же: Социальные идеи Бабефа накануне революции. (К 200-летию со дня рождения Бабефа) // НиНИ. 1961. № 1. С. 52-71. В 1961 г. в ГДР был опубликован сборник статей В.М. Далина о Бабефе: V.M. Dalin. Babeuf-Studen. Berlin. 1961.

⁵⁵ Попутно отметим, что в эти же годы он изучил также архив видного французского политического деятеля периода Революции М.-А. Жюльена. На основе никем не изученных до него документов В.М. Далин впервые рассмотрел деятельность Жюльена после 9 термидора, мастерски воспроизвел его политические блуждания, являвшиеся характерными для целого поколения демократов того времени. См.: В.М. Далин. М.-А. Жюльен после 9 термидора // ФЕ — 1959. М. 1961. С. 184-225 (перепечатано в кн.: В.М. Далин. Люди и идеи. С. 37-88).

монографическое исследование⁵⁶, которое он считал «главным трудом» своей жизни⁵⁷.

В книге В.М. Далина деятельность Бабефа представлена в плане изучения его политической активности и выяснения его социальных и политических идей. Сложный процесс формирования революционно-коммунистического мировоззрения Бабефа прослежен на широком фоне окружавшей социальной действительности и развертывавшихся политических событий, повлиявших на окончательное оформление его взглядов. В то же время подвергнуты доскональному изучению идейные истоки этой эволюции, влияние просветительской и коммунистической мысли XVIII в. (Руссо, Мабли), к которой Бабеф проявлял критическое отношение⁵⁸.

В.М. Далин впервые обратил внимание на то, что еще до Революции Бабеф был сторонником «коллективных ферм», т. е. по существу, коллективного производства. Тем самым Бабеф уже тогда, по его мнению, придерживался коммунистических взглядов. Он утверждал, что начиная с 1789 г. складывался «интерес Бабефа к совершенно определенной группе населения — к пролетариату и особенно полупролетариату мануфактурного периода»⁵⁹.

В.М. Далиным исследовано активное участие Бабефа в борьбе против косвенных налогов, в аграрном движении 1790-1792 гг., когда он выступал за «полную революционную ликвидацию феодализма и всех феодальных повинностей без какого бы то ни было выкупа»⁶⁰. Важное значение имеет наблюдение В.М. Далина о решающей роли опыта экономической политики якобинской диктатуры в окончательном формировании социально-экономических идей Бабефа⁶¹. В 1793 г., как он утверждал, «ком-

⁵⁶ В.М. Далин. Гракх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785-1794). Пер. на франц. яз.: V.M. Daline. Gracchus Babeuf à la veille et pendant la Révolution française. Moscou. 1976. 2me éd. : Moscou. 1987.

⁵⁷ В.М. Далин. Строили историю.

⁵⁸ См. об этом подробно: В.М. Далин. Руссо в оценке Бабефа. (К 250-летию со дня рождения Ж.Ж. Руссо и к 200-летию «Общественного договора») // Век Просвещения. М., Париж. 1970. С. 279-288.

⁵⁹ В.М. Далин. Гракх Бабеф... С. 201.

⁶⁰ Там же. С. 382-386.

⁶¹ Там же. С. 550.

мунистический идеал создания общества "совершенного равенства" являлся центральной идеей мировоззрения Бабефа»⁶².

Развитие политических идей Бабефа исследовано не менее досконально. Под влиянием Руссо Бабеф в 1790 г. настаивал на осуществлении «прямого народоправства», а затем, ведя последовательную борьбу против цензовой избирательной системы Национального собрания, стремился к осуществлению «подлинного народного суверенитета»⁶³. Как верно заметил В.М. Далин, лишь события последующих лет Революции привели Бабефа к идее необходимости установления временной революционной диктатуры, к которой он окончательно примкнул лишь в годы термидорианской реакции⁶⁴.

В.М. Далин внес крупный вклад в изучение не только деятельности Бабефа, но и самой Французской революции. На основе, главным образом, многочисленных документов архива Бабефа, он дал, с марксистских позиций, оценки многих важнейших проблем революционной эпохи, имеющих отнюдь не частное значение, таких, как усиление феодальной реакции в конце Старого порядка, упорно отрицавшееся представителями критического направления в историографии Французской революции, складывание революционной ситуации, аграрное движение в 1790-1792 гг. и др. В.М. Далин опроверг точку зрения Ж. Лефевра, считавшего, что конфискации 1790 г. имели чисто политический характер. Ссылаясь на «Петицию о фьефах» Бабефа, где выдвигалось требование конфискации всех сеньорий, он доказал, что этот процесс имел одновременно социальный характер⁶⁵.

Книга В.М. Далина была высоко оценена советскими и зарубежными историками. Как отмечали В.А. Дунаевский и Г.С. Кучеренко, «монография В.М. Далина значительно обогатила и упрочила более чем полуторавековую традицию

⁶² Там же. С. 590.

⁶³ Там же. С. 286, 362-363 и др.

⁶⁴ Там же. С. 363. См. об этом подробно: Г.С. Черткова. Гракх Бабеф в годы термидорианской реакции. М. 1980.

⁶⁵ В.М. Далин. Гракх Бабеф... С. 387. См. об этом подробно: А.В. Адо. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789-1794 гг. 2-е изд.: М. 1987. С. 185-190.

осмысления в нашей стране истории движения "равных"... Благодаря его трудам о Бабефе советская наука заняла ведущее положение в исследовании этого важного явления всемирной истории»⁶⁶. «Фигура Бабефа благодаря богатому и насыщенному исследованию В.М. Далина, выполненному со всей необходимой тщательностью, встает перед нами во весь свой рост... Человек действия и человек мысли, Бабеф предстает теперь как одна из самых выдающихся фигур в Революции, и притом с самого ее начала, с 1789 г.», — писал А. Собуль⁶⁷. По мнению Ж. Годшо, «никто отныне не сможет говорить о Бабефе, не читая книгу Далина»⁶⁸.

Отдавая должное капитальному труду В.М. Далина, специалисты высказывали и соображения дискуссионного порядка. Некоторые возражения, например, выдвинул А.Р. Иоаннисян, характеризовавший его книгу как наиболее выдающееся исследование, специально посвященное жизни и деятельности Бабефа⁶⁹. Он упрекал его, в частности, в «чересчур прямолинейном» рассмотрении идейного развития Бабефа в предреволюционные годы и в недостаточном внимании к его колебаниям той поры между эгалитаризмом и коммунизмом⁷⁰. А.Л. Нарочницкий выступал с уместным упреком об отсутствии у В.М. Далина критической оценки примитивного уравниательства в «крестьянском коммунизме Бабефа», которое привело бы «к стагнации производительных и всех других сил общества»⁷¹.

⁶⁶ В.А. Дунаевский, Г.С. Кучеренко. Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков. М. 1981. С. 114.

⁶⁷ См. рец. А. Собуля: НиНИ. 1965. № 1. С. 129-133.

⁶⁸ J. Godechot. La période révolutionnaire et impériale [publications de 1972 à 1978] (suite) // Revue historique. 1981. N 539. P. 195. В одном из своих последующих историографических обзоров Ж. Годшо, вновь обращаясь к монографии В.М. Далина, отмечал: «Лучшая книга о Бабефе — это книга русского историка Виктора Далина». J. Godechot. L'histoire de la Révolution française // Historiens-géographes. 1984. N 298. P. 748.

⁶⁹ А.Р. Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М. 1966. С. 60.

⁷⁰ См. рец. А.Р. Иоаннисяна: ВИ. 1965. № 1. С. 158. См. его развернутую точку зрения в кн.: А.Р. Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. С. 60-65.

⁷¹ А.Л. Нарочницкий. Юбилей Французской революции: поиски и

В галерее французских исторических деятелей Бабеф был самой любимой личностью В.М. Далина. Он и в дальнейшем неоднократно обращался к истории бабувизма⁷². Следует особо подчеркнуть его активнейшее участие в осуществлении международного издания сочинений Бабефа в четырех томах. В 1966 г. совместно с А. Собулем и А. Саетта он подготовил к публикации «Опись рукописных и печатных работ Бабефа»⁷³. Советским историком была составлена основная часть описи, включавшая материалы московского архива Бабефа. На основе этой описи, в 1970-х — начале 1980-х годов под руководством В.М. Далина и А. Собуля было осуществлено издание сочинений Бабефа⁷⁴, оставившее далеко позади имеющиеся до того издания произведений Трибуна народа⁷⁵. Ко всем томам В.М. Далиным были написаны обширные предисловия, имеющие самостоятельное исследовательское значение, и подробные комментарии.

Как историк Французской революции, В.М. Далин интересовался не одной историей бабувизма, несмотря на явные симпатии к Бабефу и его сподвижникам. Он принимал активное участие и в острых дискуссионных дебатах по различным проблемам истории Революции. В.М. Далин не остался безучастным в развернувшейся среди советских историков дискуссии по проблемам якобинской диктатуры. Он неоднократно выступал по проблемам исторической роли якобинцев и классовой

проблемы // НиНИ. 1989. № 3. С. 15.

⁷² В.М. Далин. К истории «Манифеста плебеев». Бабеф в Аррасской тюрьме // История социалистических идей. Сборник статей памяти академика В.П. Волгина. М. 1964. С. 475-485; его же: Наполеон и бабувисты // ВИ. 1970. № 7. С. 190-204 (перепечатано в кн.: В.М. Далин. Люди и идеи. С. 89-98); его же: Новейшая зарубежная литература о Бабефе // ВИ. 1972. № 3. С. 193-201; его же: Вандомский процесс // ФЕ — 1978. М. 1980. С. 187-198.

⁷³ V. Daline, A. Soboul, A. Saitta. Inventaire des manuscrits et des imprimés de Babeuf. Paris. 1966. См. рец. М. Домманже (Revue d'histoire économique et sociale. 1967. № 4. P. 554-555) и Е.В. Киселевой (НиНИ. 1968. № 1. С. 161-162).

⁷⁴ Г. Бабеф. Сочинения в четырех томах. Т. 1-4. М. 1975-1982; Œuvres de Babeuf. T. I. Paris. 1978.

⁷⁵ Pages choisies de Babeuf. Paris. 1935 ; *idem* : Textes choisis. Paris. 1951 ; *idem* : Textes choisis. Paris. 1965 ; *idem* : Le tribun du peuple (1794-1796). Textes choisis. Paris. 1969.

природы якобинской диктатуры, вызвавшим оживленные споры в исторической литературе. Этот этап Революции, с давних пор ставший в советской историографии одной из приоритетных тем и предметом пристального внимания⁷⁶, вызывал различные интерпретации, сводившиеся к двум основным. Н.М. Лукин, А.З. Манфред, А.В. Адо и многие другие исследователи, при наличии ряда расхождений в точках зрения, рассматривали якобинскую диктатуру как выразительницу интересов неоднородного блока социальных сил: средней и мелкой буржуазии, крестьянства, плебса⁷⁷. Начиная с 1960-х годов В.Г. Ревуненков в ряде работ выдвинул иную трактовку якобинского революционного правительства, которое, по его мнению, отражало интересы крупной и средней буржуазии⁷⁸.

Ученик Н.М. Лукина, В.М. Далин в оценке якобинской диктатуры придерживался концепции учителя, которая в дальнейшем была развита А.З. Манфредом. В.М. Далин полагал, что «якобинцы представляли далеко не только одну буржуазию. Они стояли во главе блока демократической (средней и мелкой) буржуазии, крестьянства и городского плебейства, руководили союзом классовых сил... Якобинцы были партией революционного блока, со всеми его сильными сторонами и со всеми присущими ему внутренними классовыми противоречиями»⁷⁹.

⁷⁶ О причинах см.: А.В. Гордон. Великая французская революция в советской историографии. М. 2009. С. 56, 197 и др.

⁷⁷ Н.М. Лукин. Максимилиан Робеспьер // Н.М. Лукин. Избранные труды. Т. 1. М. 1960. С. 15-156; его же: Ленин и проблема якобинской диктатуры // Там же. С. 322-388; А.З. Манфред. О природе якобинской власти // ВИ. 1969. № 5. С. 92-107; его же: Три портрета эпохи Великой французской революции. Руссо, Мирабо, Робеспьер. М. 1978; А.В. Адо. К вопросу о социальной природе якобинской диктатуры // НиНИ. 1972. № 1. С. 149-157.

⁷⁸ См. например: В.Г. Ревуненков. Марксизм и проблемы якобинской диктатуры. Л. 1966; его же: Парижские санкюлоты эпохи Великой французской революции. Л. 1971; его же: Якобинская республика и ее крушение. Л. 1983. См. рец. А.В. Адо на последнюю книгу (ВИ. 1986. № 8. С. 134-140), где высказан ряд возражений.

⁷⁹ В.М. Далин. Историки Франции XIX-XX веков. М. 1981. С. 79, 280. См. также: его же: Выступление на симпозиуме в секторе истории Франции Института всеобщей истории АН СССР 20 мая 1970 г. Проблемы якобинской диктатуры // ФЕ — 1970. М. 1972. С. 279-284; его же: Lénine et le Jacobinisme // AHRF. 1971. № 203. P. 89-112.

Как и А.З. Манфред, В.М. Далин был уверен, что восстание 31 мая — 2 июня привело «революцию к ее кульминационному пункту», установлению якобинской диктатуры⁸⁰. В этой связи необходимо осветить его отношение к периодизации Французской революции, другой существенной проблемы, вызвавшей в советской историографии оживленные споры и ставшей причиной расхождения мнений. В этом вопросе, в отличие от предыдущего, В.М. Далин не разделял мнения А.З. Манфреда, определявшего, в целом, весь период от 9 термидора до 18 брюмера как контрреволюционный. Считая 9 термидора поворотным пунктом в Революции, В.М. Далин утверждал в то же время, что «этим днем закончилась поступательная линия в развитии революции»⁸¹. «Великая французская революция, — писал он, — пережила две фазы: 1789-1794 гг., когда были совершены ее великие деяния, — фаза восходящего развития, и 1794-1799 гг. — нисходящая фаза, в которую революция вступила 9 термидора»⁸². Характеризуя переворот 9 термидора «контрреволюционным», он полагал, что после него «восходящая линия развития великой буржуазной революции заканчивалась, — предстоял ее стремительный скат вниз»⁸³.

Разумеется, с высоты наших дней не все интерпретации В.М. Далина истории Французской революции полностью сохранили актуальность. Надо иметь в виду, что он исследовал историю Революции в рамках марксистской методологии и опираясь на достижения науки своего времени. В данном случае речь идет не об одной апологетической оценке деятельности Бабефа⁸⁴. Вызывают возражения и некоторые интерпретации, данные В.М. Далиным самой революционной эпохе. К примеру, отметим о его довольно категорическом суждении о борьбе Бабефа за «полную революционную ликвидацию феодализма» (курсив наш — В.П.) в

⁸⁰ В.М. Далин. Гракх Бабеф... С. 592.

⁸¹ В.М. Далин. Падение первой республики (от 9 термидора до 18 брюмера) // История Франции в 3-х томах. Т. 2. М. 1973. С. 71.

⁸² В.М. Далин. Предисловие // А.З. Манфред. Великая французская революция. М. 1983. С. 12.

⁸³ В.М. Далин. Гракх Бабеф... С. 592.

⁸⁴ О пересмотре такого подхода некоторыми современными российскими исследователями см.: М.Ю. Чепурина. Бабеф в российской и советской историографии // ФЕ — 2008. М. 2008. С. 293.

первые годы Революции⁸⁵. Сегодня он, несомненно, предпочел бы избежать такой прямолинейной формулировки для характеристики французской экономики в начале 1790-х годов. Ведь при переиздании в 1983 г. книги А.З. Манфреда «Великая французская буржуазная революция» В.М. Далин счел необходимым внести маленькую, но существенную коррективу в одно из положений концептуального характера автора книги почти тридцатилетней давности. В 1956 г. А.З. Манфред характеризовал господствовавшие во французском сельском хозяйстве в конце XVIII столетия отношения как «феодалные». В.М. Далин же, учитывая новейшие достижения науки своего времени заменил это определение на «полуфеодалные»⁸⁶.

По поводу же интерпретации периодизации Французской революции имеет смысл хотя бы вкратце отметить новое в трактовке проблемы. В конце 1980-х годов с весьма обоснованным предложением о необходимости пересмотра периодизации Революции выступил Е.Б. Черняк, утверждавший, что «к концу 1793 г. революция достигла всего того, что было исторически возможно... Развитие революции по восходящей линии завершилось к концу 1793 г. — началу 1794 г.»⁸⁷.

В 1988 г. с острой критикой оценки переворота 9 термидора как «контрреволюционного» выступил Д.М. Туган-Барановский⁸⁸. В этом вопросе от своих советских предшественников отошел и Д.Ю. Бовыкин, интересные наблюдения которого о послетермидорианской Франции представляют несомненный интерес. Он полагает, что именно после 9 термидира «совершался переход от революционного к конституционному способу управления

⁸⁵ В.М. Далин. Грахх Бабеф... С. 382.

⁸⁶ См.: А.З. Манфред. Великая французская буржуазная революция XVIII века. М. 1956. С. 8; его же: Великая французская революция. М. 1983. С. 17.

⁸⁷ Е.Б. Черняк. 1794-й год. Некоторые актуальные проблемы исследования Великой французской революции // НиНИ. 1989. № 1. С. 78-79.

⁸⁸ Д.М. Туган-Барановский. О проблемах изучения нисходящей фазы революции // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции (материалы «круглого стола» 19-20 сентября 1988 г.). М. 1989. С. 184.

государством»⁸⁹.

Что касается трактовки роли якобинцев и исторического значения их деятельности, несмотря на критику некоторыми исследователями в адрес той точки зрения, которой придерживался и В.М. Далин⁹⁰, автор этих строк, в целом, разделяет его подход, с учетом конечно коррективы, внесенной А.В. Адо: якобинцы и их лидер, защищая интересы широких слоев общества, воспринимали понятие народ «сквозь призму мелкобуржуазного, в социальном плане довольно умеренного мировоззрения»⁹¹.

Марксистская методология в ее советской версии, основоположником которой был Сталин, в исследовании Французской революции за последние десятилетия уступила свои доминирующие позиции новым подходам современных российских историков. Изучение истории Французской революции продвигается и каждое поколение историков вносит свою лепту в ее исследование, впитав лучшее из трудов своих предшественников, в том числе принадлежавших перу В.М. Далина. Еще в 1990-х годах, незадолго до своей кончины, А.В. Адо писал китайскому историку Шен-Ченсиню: «Ныне, вероятно, можно констатировать, что эта школа [советская] (как и Советский Союз) уже принадлежит истории; время ее миновало. Но ее опыт и лучшее в ее наследии сохраняют свою ценность... *Советская историография Французской революции завершила свое существование. На смену ей идет становление новой российской* (курсивы автора – В.П.) *историографии Французской революции. Она не утрачивает преемственности с наиболее позитивным наследием историографии советской, но она принадлежит уже к иному времени и имеет свое особое лицо*»⁹².

⁸⁹ Д.Ю. Бовыкин. Революция окончена? Итоги Термидора. М. 2005. С. 5.

⁹⁰ См. например: Н.Н. Болховитинов. Новое мышление и изучение Великой французской революции XVIII в. // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. С. 20-39; Н.Н. Молчанов. Монтаньяры. М. 1989.

⁹¹ См. рецензии А.В. Адо на книги А.З. Манфреда «Три портрета эпохи Великой французской революции. .» (М. 1978) (НиНИ. 1979. № 2. С. 199) и «Великая французская революция» (М. 1983) (ВИ. 1985. № 6. С. 130).

⁹² [А.В. Адо.] Письмо Шен-Ченсиню // Вестник Московского универ-

Помимо углубленных изысканий в области истории Французской революции, В.М. Далин с середины 1960-х годов продолжал так же плодотворно исследовать и историю социалистического движения во Франции. Тщательно изучая имеющиеся в бывшем Институте марксизма-ленинизма личные архивы деятелей этого движения, в частности, А. Мерргейма, он написал ряд статей по этой теме⁹³. Обнаруженные архивные материалы позволили ему не только подтвердить свой основной вывод 1930-х годов об отсутствии левого крыла в социалистической партии⁹⁴, но и проследить борьбу течений во Всеобщей конфедерации труда, вскрыть имевшиеся в ней внутренние разногласия накануне и в начале Первой мировой войны. Опровергая бытующее во французской историографии мнение, отвергавшее наличие борьбы во Всеобщей конфедерации труда, В.М. Далин с большой убедительностью доказал отсутствие «единого руководящего ядра в конфедерации» еще в 1906-1909 гг.⁹⁵.

Материалы архива А. Мерргейма предоставили В.М. Далину возможность подробно осветить вопрос об отношении Всеобщей конфедерации труда к милитаристской опасности в первые месяцы Первой мировой войны. Им вскрыты имевшиеся к тому времени разногласия между двумя течениями конфедерации: группировка Жуо, явно перешедшая на позиции социал-

ситета. Серия 8. История. 1996. № 5. С. 27, 32.

⁹³ См. например: В.М. Далин. Было ли гедистское движение единым? // НиНИ. 1964. № 5. С. 96-108 (перепечатано в кн.: В.М. Далин. Люди и идеи. С. 167-188); его же: Альфонс Мерргейм и его «конфиденциальная переписка» // Европа в новое и новейшее время. С. 365-412 (перепечатано в кн.: В.М. Далин. Люди и идеи. С. 294-343; его же: Из истории социальной мысли во Франции. С. 143-194); его же: Гюстав Эрве и Домела Ньювенгуйс. (Из архива Домелы Ньювенгуйс) // ФЕ — 1966. М. 1967. С. 261-267; его же: Бакунист в двадцатом столетии. (Джеймс Гильом и французский синдикализм) // ФЕ — 1971. М. 1973. С. 195-224.

⁹⁴ В.М. Далин. Стачка почтовиков и кризис Всеобщей конфедерации труда // В.М. Далин. Из истории социальной мысли во Франции. С. 141-142.

⁹⁵ В.М. Далин. Альфонс Мерргейм и его «конфиденциальная переписка» // Там же. С. 189.

шовинизма, как это им доказано, подвергалась решительной критике со стороны Мерргейма, ставшего «на какой-то период времени центром движения для всех антишовинистов»⁹⁶.

В.М. Далин первым обратил должное внимание и на разногласия, имевшиеся внутри гедистского движения. Вводя в научный оборот вновь выявленные архивные документы, проливающие свет на взаимоотношения Геда и Лафарга со времени на шумевшего дела Дрейфуса, он рассматривал происходившую между ними борьбу как «эпизод из истории борьбы революционного марксизма с догматизмом»⁹⁷.

* * *

В.М. Далин на протяжении своей долгой научной деятельности, помимо изысканий в отмеченных областях⁹⁸, проявлял неизменный и с годами все возрастающий интерес к достижениям французской исторической науки. Еще в первой половине 1930-х годов он неоднократно откликался не только на книги своих советских коллег, но и на различные новейшие французские издания по истории, главным образом, партии радикалов и социалистического движения⁹⁹. В последние годы жизни он стал все больше увлекаться историографическими проблемами. Его главные историографические работы в 1981 г. были опубликованы отдельной книгой, подытожившей его многолетние размышления и свидетельствовавшей о колоссальной эрудиции, разносторонних интересах автора¹⁰⁰. Одно ознакомление с содержанием этого сборника позволяет оформить четкое представление о приоритетных областях отечественной и

⁹⁶ В.М. Далин. Всеобщая конфедерация труда в начале первой империалистической войны // ФЕ — 1964. М. 1966. С. 240.

⁹⁷ В.М. Далин. Было ли гедистское движение единым? // В.М. Далин. Люди и идеи. С. 188.

⁹⁸ Основные исследования В.М. Далина по истории французского социалистического движения, а также посвященные деятелям Французской революции, опубликованы в указанных нами двух его сборниках статей — «Люди и идеи» и «Из истории социальной мысли во Франции», которые далеко не полностью отражают широкий круг его интересов.

⁹⁹ См.: Библиография трудов Виктора Моисеевича Далина (1902-1985) и литература о нем. С. 70-72.

¹⁰⁰ В.М. Далин. Историки Франции XIX-XX веков.

французской историографий, находившихся в центре его научных интересов в 1960-1980-е годы. В.М. Далин сконцентрировал внимание на основополагающих этапах изучения французской истории во Франции (начиная от историков эпохи Реставрации и кончая своими современниками), в дореволюционной России и в СССР.

Большое место в книге уделено историографическим проблемам Французской революции. Работа по обобщению вклада русской и советской науки в исследование этой темы началась еще с середины 1960-х годов¹⁰¹, и В.М. Далин, будучи историком, стоявшим у истоков советской историографии, не мог бы остаться в стороне. Он внимательно изучил все основные работы советских исследователей, обстоятельно представил тот весомый вклад, который внесла советская историография в разработку социальной, политической, идеологической истории Французской революции. По праву отмечая, что советские историки уделяли основное внимание изучению борьбы классов в период якобинской диктатуры, деятельности отдельных политических группировок, особенно крайне левых, а также социальных идей накануне и в годы Революции¹⁰², он однако воздержался от научного обоснования такого неравномерного подхода к истории революционной эпохи, не объясняя, чем был обусловлен этот явно повышенный интерес со стороны его коллег, да и его самого к исследованию истории Французской революции «снизу». Не представляя научную интерпретацию истории Революции «вне» марксизма, он и не задумался о необходимости, даже желательности разъяснений на этот счет,

¹⁰¹ В.А. Дунаевский. Великая французская революция в советской историографии (1917-1941 гг.) // История и историки. Историография всеобщей истории. М. 1966. С. 45-88; его же: Советская историография новой истории Запада. С. 76-113; Б.Г. Вебер. Историографические проблемы. М. 1974. С. 201-330. Отметим также, что первые попытки освещения вклада советских историков в изучение истории Французской революции предприняли Н.И. Кареев и Н.М. Лукин (N. Loukine. La Révolution française dans les travaux des historiens soviétiques // AHRF. 1928. № 2. P. 128-138). Незавершенный же обзор Н.И. Кареева, написанный на французском языке, остался неопубликованным. См.: В.М. Далин. Указ. соч. С. 93.

¹⁰² Там же. С. 81, 87.

которые были бы весьма уместными¹⁰³. Однако, В.М. Далин в то же время сознавая необходимость изучения на основе марксистской методологии деятельности правых сил, поручил мне исследовать историю французской контрреволюции времен Директории.

Критический разбор некоторых основополагающих исследований, вышедших из-под пера знаменитых французских историков XX века различных направлений по истории Революции В.М. Далиным дан в обстоятельном обзоре, посвященном развитию основных тенденций французской историографии в XX столетии («Французские историки XX века. Судьбы школы "Анналов"»). Он, имея на это все основания, считал себя вправе обратиться к деятельности этого знаменитого в мировой историографии направления: «Пишущий настоящие строки полагает, что он имеет известное право высказаться о судьбах школы "Анналов". Полвека назад он с большой симпатией познакомился с первыми книжками журнала»¹⁰⁴.

В этой работе В.М. Далин проследил ход развития исторической мысли во Франции в XX столетии, в частности, сложную эволюцию школы «Анналов», показал ее место и роль во французской историографии, группировавшейся вокруг основанного в 1929 г. М. Блоком и Л. Февром журнала «Анналы экономической и социальной истории», во многом способствовавшего углубленному изучению экономической истории и превращению «истории в подлинную науку». Он доказал, что в произошедшем во французской историографии в 1930-х годах переломе, немаловажную роль сыграло творчество ряда виднейших историков (Ж. Жореса, А. Матьева, Ж. Лефевра), не связанных с «Анналами».

¹⁰³ Своеобразие развития советской науки в изучении Французской революции позднее было критически освещено А.В. Адо. См.: А.В. Адо. Французская революция в советской историографии // Исторические этюды о Французской революции. С. 310-318. И автор этих строк предпринял еще в 1988 г. робкую попытку если не научной интерпретации, то по крайней мере, констатации явно одностороннего подхода, проявлявшегося советскими историками в изучении Французской революции: В.А. Погосян. О некоторых аспектах истории Французской революции // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. С. 197-201.

¹⁰⁴ В.М. Далин. Указ. соч. С. 257.

В.М. Далин всегда с особым почтением говорил не только об «отцах-основателях» «Анналов», но и об их преемнике Ф. Броделе, хотя не разделял его взглядов во многих вопросах. Высоко оценивая творчество Ф. Броделя и отдавая ему дань глубокого уважения, он вместе с тем выступил с умеренной критикой в адрес некоторых его воззрений концептуального характера. В.М. Далин упрекал его, в особенности, в отделении материальной цивилизации от экономической жизни и капитализма, объясняя подход французского историка его незнанием ленинского определения, основанного на теории Маркса о том, что «капитализм вырастает как бы ежедневно, из простейших товарных отношений». В конечном итоге, он полагал, что это отразилось «отрицательно на всем построении труда Ф. Броделя» о материальной цивилизации¹⁰⁵.

В очерке сравнительно мало места уделено марксистской исторической науке, ибо автор делал упор в основном на творчество двух историков-марксистов — А. Собуля и К. Виллара. Несмотря на это, В.М. Далин дал весьма лестную оценку марксистской науке во Франции, упоминая «не только о влиянии марксизма на историков, не разделяющих марксистских идей, но и чисто марксистской историографии, стоящей на самом высоком научном уровне и занявшей, наконец, твердые позиции в высшей школе»¹⁰⁶.

В.М. Далин прекрасно раскрыл причины эволюции «Анналов», появления в середине 1960-х годов «третьего поколения» этой школы, полностью отошедшего от позиций основателей журнала и Ф. Броделя. Интерес журнала к экономической истории как самой приоритетной сфере научных поисков он связывал с деятельностью М. Блока, Л. Февра и Ф. Броделя. Однако, как он отмечал, с «приходом представителей "третьего поколения" положение существенно изменилось». Подробно исследуя труды представителей этого поколения — видных французских историков, в частности, Э. Леруа Ладюри, В.М. Далин, пришел к справедливому заключению об ослаблении интереса к экономической истории, переставшей быть основной тематикой и уступившей место демографическим и

¹⁰⁵ Там же. С. 204.

¹⁰⁶ Там же. С. 209.

биологическим процессам, оказавшихся в центре внимания учеников Ф. Броделя, заменивших его в руководстве журнала. Он подверг критике теорию «неподвижной истории» Э. Леруа Ладюри, обуславливающей экономику одними биологическими факторами¹⁰⁷. Другое дело, что В.М. Далин интерпретировал изменение тематики журнала после ухода Ф. Броделя в 1968 г. с односторонних и явно ограниченных позиций, утверждая как историк-марксист, что эта тенденция привела лишь к ограничению изучения истории классовой борьбы¹⁰⁸. С более объективных позиций вклад «Анналов» в изучении биологических процессов исследовал С.Ф. Блуменау¹⁰⁹.

Среди представителей «третьего поколения» «Анналов» В.М. Далин много места уделил историкам Старого порядка и Французской революции, в особенности, Г. Шоссинан-Ногаре, Э. Леруа Ладюри, Д. Рише, Ф. Фюре, кого характеризовал как «наиболее агрессивного противника марксистской концепции революции»¹¹⁰. Под огнем его критики оказались их интерпретации истории предреволюционной Франции и самой Революции, в частности, теории «элит», сводившейся к отрицанию роли буржуазии в Революции, «заноса» в период якобинской диктатуры и т. д.¹¹¹.

В целом, В.М. Далин в 1970-1980-х годах тяжело переносил перемены в тематике «Анналов» и отход руководителей журнала от методологических подходов его основателей и Ф. Броделя. Поэтому, для нуждающегося в моральной поддержке В.М. Далина была весьма кстати острая критика самого Ф. Броделя в адрес своих учеников, заявившего в 1982 г., что «Анналы» после его ухода стали ему «чужды». В.М. Далин незамедлительно и с большой радостью откликнулся на эту броделевскую оценку «третьего поколения» «Анналов», дав ее огласку в советской научной печати под псевдонимом Д. Берг¹¹².

¹⁰⁷ Там же. С. 236.

¹⁰⁸ Там же. С. 240.

¹⁰⁹ С.Ф. Блуменау. Споры о революции во французской исторической науке второй половины 60-х — 70-х годов. Брянск. 1994. Гл. 4.

¹¹⁰ В.М. Далин. Указ. соч. С. 242.

¹¹¹ Там же. С. 241-248. См. также: его же: К. Маркс и Великая французская революция // ФЕ — 1983. М. 1985. С. 11-19.

¹¹² Д. Берг. Ф. Бродель и «Анналы» // ФЕ — 1982. М. 1984. С. 258. О

Не все исследователи, и среди них западные историки-марксисты, полностью разделяли критические замечания В.М. Далина в адрес «Анналов». Недавно ряд обоснованных возражений выдвинул М. Вовель, отзывавшийся с большим уважением о мастите, «на редкость» сведущем и проницательном¹¹³ советском историке и его работе и выступивший, в принципе, в роли критика «далиновской критики» «Анналов». Что касается обсуждения В.М. Далиным историографических проблем Французской революции, то он, в частности, справедливо упрекал его в недооценке масштаба переворота, произведенного Ф. Фюре¹¹⁴. В связи с переоценкой творчества Ф. Фюре, один из французских историков уже после его кончины по праву заметил, что переосмыслением Французской революции французы (как и мы все) обязаны ему¹¹⁵.

В любом случае, этюд В.М. Далина об «Анналах» нашел среди специалистов весьма положительный отклик. Ф. Бродель, ознакомившись с ним в переводе на французский¹¹⁶, писал ему: «Я внимательно прочел последние страницы [книги], которые Вы посвятили французским историкам. Они, конечно, приносят Вам самую высокую честь. Чудо то, что Вы, находясь в Москве, сумели проследить за всеми подробностями бесконечно сложного историографического спора»¹¹⁷. В то же время он настаивал о своей готовности оспорить его выводы, не претендуя, при этом, как он писал скорее из вежливости, на последнее слово.

Профессор университета Монпелье III, известный специалист

негативном отношении Ф. Броделя к «третьему поколению» «Анналов» см. также: В.П. Смирнов. Фернан Бродель: жизнь и труды // ФЕ — 2002. С. 98-99. Несомненно прав М. Вовель, утверждающий, что эта оценка Ф. Броделя была каплей «бальзама на душу» В.М. Далина. См.: М. Вовель. Виктор Далин — поклонник Броделя // ФЕ — 2007. М. 2007. С. 262.

¹¹³ Там же. С. 257. О его почтительном отношении к В.М. Далину см. также: М. Vovelle. Les aventures de la raison. Paris. 1989. P. 127.

¹¹⁴ М. Вовель. Указ. соч. С. 257.

¹¹⁵ J. Daniel. Les révolutions de François Furet // Nouvel observateur. 1997. N° 1706. P. 39. С непредвзятых позиций творчество Ф. Фюре недавно оценила и М. Озуф. См.: М. Озуф. Франсуа Фюре // ФЕ — 2002. С. 147-157.

¹¹⁶ V. Daline. Hommes et idées. Moscou. 1983. P. 343-426.

¹¹⁷ Письмо Ф. Броделя В.М. Далину от 5 декабря 1983 г. Письмо было нам предоставлено М.В. Далиным.

по Новой истории Франции П. Барраль писал мне в той же связи: «Я высоко ценю критические статьи В. Далина о французских историках. Он всегда проявляет большую тонкость в своем анализе»¹¹⁸.

Негативное отношение В.М. Далина к любому отклонению от марксистской интерпретации истории наглядно проявилось и в его отклике на последние книги известного английского историка Р. Кобба¹¹⁹. Подвергнув жесткой критике воззрения Р. Кобба, он сильно порицал его за отказ от изучения деятельности левых сил в годы Французской революции. Эту позитивную, с нашей точки зрения, перемену научных интересов английского историка, сосредоточившего внимание в последних своих книгах на изучении, в частности, состояния простого люда Парижа, В.М. Далин объяснял его «крайним анархо-индивидуализмом»¹²⁰. На деле, по всей вероятности, под влиянием деятельности «Анналов», Р. Кобб в 1970-х годах проявляя намного более охватывающий подход к истории революционной эпохи, чем историки-марксисты, в последних своих книгах вышел за рамки теории классовой борьбы и исследовал историю французского общества под более широким углом зрения.

В связи с переменной тематики Р. Кобба Ж. Годшо полагал, что речь идет «о новом представлении Революции, несомненно, с точки зрения ее изучения «снизу», однако, через призму реакции того или иного человека, не являющегося обязательно типичным представителем какой-либо группы и еще меньше — класса. Таким образом, Кобб четко отходит от марксистской интерпретации Французской революции, которой придерживались Жорес, Матъез и Жорж Лефевр»¹²¹. Именно это обстоятельство вызвало

¹¹⁸ Письмо П. Барраля автору от 16 января 1988 г. Личный архив В.А. Погосяна. См. также рец. Ж. Годшо (AHRF. 1983. № 254. P. 639-641) и К. Мазорика (Humanité. 12 novembre 1983) на книгу « Hommes et idées ».

¹¹⁹ R. Cobb. The Police and the People. French Popular Protest. 1789-1820. Oxford. 1970; *idem*: Reactions to the French Revolution. Oxford. 1972.

¹²⁰ В.М. Далин. Пути и перепутья Ричарда Кобба // В.М. Далин. Историки Франции XIX-XX веков. С. 150. Впервые статья была опубликована под иным заглавием: «О новых работах Ричарда Кобба» // ФЕ — 1973. М. 1975. С. 260-273.

¹²¹ J. Godechot. Un jury pour la Révolution. Paris. 1974. P. 366.

у В.М. Далина вполне объяснимую обостренную реакцию¹²². Ведь исследования советских историков, и В.М. Далина в том числе, как метко заметил А.В. Гордон, «были проникнуты отождествлением *"народной истории"* революции с *революционной историей* народа» (курсивы автора)¹²³.

В этом вся суть марксистской методологии, сводившейся в советской науке к концентрации внимания, главным образом, если не исключительно, на истории классовой борьбы, способствовавшей поступательному движению истории и в конечном итоге, к смене общественно-экономических формаций. В то же время она не предоставляла ни малейшей возможности для комплексного изучения истории человеческого общества во всем его разнообразии и многогранности, начиная от обыденной жизни различных слоев общества, в том числе, попрошаек и уголовных элементов, и кончая деятельностью правых сил — аристократии, буржуазной верхушки, деятелей контрреволюции.

В.М. Далин был самым ярким, по крайней мере, известным мне, представителем своего поколения. Как отмечал А.В. Гордон, «мало сказать, что историки 20-х годов были носителями наследия революции, они по преимуществу были ее участниками. Свою судьбу они связывали с судьбой революции, благодаря которой многие из них стали профессиональными учеными, с утверждением и сохранением Советской власти»¹²⁴. Поэтому не нуждается в комментариях вопрос о том, что человек, посвятивший всю свою молодость утверждению советской власти и установлению марксистской методологии в советской исторической науке, не мог бы, естественно, и тем более уже в преклонном возрасте, равнодушно воспринимать отклонения от марксистской интерпретации истории Французской революции. Ведь хорошо знавшим В.М. Далина было ведомо: «печальные страницы» биографии Виктора Моисеевича, по сути, не повлияли на его мировосприятие до самой кончины. Это касается в равной мере как той скрытой надежды, которую он связывал с возможным приходом к власти в западных странах,

¹²² О критике взглядов Р. Кобба В.М. Далиным см. подробно: А.В. Гордон. Указ. соч. С. 253-270.

¹²³ Там же. С. 267.

¹²⁴ Там же. С. 28.

и, в особенности, во Франции, левых политических сил, так и изучения исторического прошлого исключительно на основе марксистско-ленинской методологии. По мнению А.В. Гордона, «позиции третьего поколения "школы Анналов", "ревизионизм" Франсуа Фюре... Далин воспринимал как покушение на высшие жизненные ценности, которые были выстраданы им, узником Гулага»¹²⁵. А С.В. Оболенская пошла еще дальше, верно заметив о предполагаемом его весьма негативном отношении к переменам, произошедшим в СССР во второй половине 1980-х годов. По ее словам, «отказ от социалистическо-коммунистических идеалов был бы для него немислим. Это перечеркнуло бы всю его жизнь и более всего — молодость. В нем странным образом сочетался упрямый оптимизм человека, не сдавшегося, несмотря на все испытания, и внезапно прорывавшийся глубокий пессимизм»¹²⁶. Я полностью разделяю такую оценку мировосприятия В.М. Далина, поскольку это обстоятельство проявлялось так или иначе почти при каждом его выступлении на заседаниях сектора Новой истории и группы по изучению истории Франции, а также зачастую при личном общении¹²⁷.

Со дня кончины В.М. Далина, последовавшей в октябре 1985 г. прошло два с половиной десятилетия. За минувшие годы многое изменилось в российской исторической науке. Благодаря переменам и, в особенности, исчезновению диктата господствовавшей коммунистической идеологии, в корне преобразившего облик российского общества, перед российскими историками открылись широкие возможности для исследования многих, долгое время остававшихся под строгим запретом «нежелательных» тем и пересмотра казалось бы незыблемых интерпретаций, выдвинутых советскими предшественниками по глобальным вопросам методологического характера.

Как отмечал Ф. Бродель, «история, которую непрерывно допрашивают, обречена на новшество, на последовательное и

¹²⁵ Там же. С. 253.

¹²⁶ С.В. Оболенская. Памяти Виктора Моисеевича Далина // Исторические этюды о Французской революции. С. 17.

¹²⁷ Летом 1983 г. в Узком я спросил у Виктора Моисеевича к чему хорошему приведет для французов установление во Франции власти левых сил? Мгновенно преклонив голову он приутих.

обязательное обновление»¹²⁸. Печально, но как бы ни был талантлив историк, со временем его работы в определенной степени утрачивают свою значимость. Несмотря на то, что в свете новейших достижений исторической науки не все, конечно, интерпретации В.М. Далина сегодня можно признать бесспорными, тем не менее, его вклад в разработку важнейших проблем истории Франции так весом, что к нему еще неоднократно будут обращаться исследователи будущих поколений различных стран. В этой связи небезынтересно мнение Э. Лёверса, недавно сообщившего мне, что «главный труд» В.М. Далина «все еще остается одной из тех работ о Бабефе, на которые во Франции ссылаются»¹²⁹.

Незадолго до своей безвременной кончины А.З. Манфред с горечью писал о том, что по различным причинам историки предали забвению своих великих и выдающихся предшественников, профессиональных историков, «отдавших науке всю жизнь и ставших славой своей страны»¹³⁰.

Сегодня отрадно отметить, что в российской науке намечались значительные сдвиги в этом направлении. За последние десятилетия созданы не только научные биографии некоторых дореволюционных и российских историков¹³¹, но и

¹²⁸ Цит. по: **G. Thuillier, J. Tulard.** *Les écoles historiques.* Paris. 1990. P. 5.

¹²⁹ Письмо Э. Лёверса автору от 13 декабря 2010 г. Личный архив В.А. Погосяна.

¹³⁰ **А.З. Манфред.** Милица Васильевна Нечкина — мастер исторического повествования // Проблемы истории общественной мысли и историографии. (К 75-летию академика М.В. Нечкиной). М. 1976. С. 24.

¹³¹ См. например: **М.В. Нечкина.** Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М. 1974; **В.Е. Иллерицкий.** Сергей Михайлович Соловьев. М. 1980; **И.С. Галкин.** Н.М. Лукин — революционер, ученый. М. 1984; **К.Н. Юзбашян.** Академик Иосиф Абгарович Орбели, 1887-1961. М. 1986; **В.А. Дунаевский, В.А. Цфасман.** Указ. соч.; **Е.И. Гневушева.** Академик Александр Андреевич Губер. М. 1987; **Е.В. Чистякова.** Михаил Николаевич Тихомиров (1893-1965). М. 1987; **Е.И. Чапкевич.** Евгений Викторович Тарле. М. 1977; *его же:* Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Евгения Викторовича Тарле. Орел. 1994; **Б.С. Каганович.** Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. Санкт-Петербург. 1995; **В.М. Панеяха.** Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб. 2000; **Т.В. Андреева, В.А. Соломонов.** Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов 1887-1941. Саратов. 2006; **Д.Ю. Бовыкин.** Указ. соч.

благодаря усилиям крупного организатора науки академика Г.Н. Севостьянова заложены основы для написания биографий многих из них¹³². Будем надеяться, что со временем среди биографических исследований отечественных историков свое достойное место займет и биография Виктора Моисеевича Далина, историка яркого, незаурядного таланта, обогатившего советскую и мировую историческую науку выдающимися трудами.

¹³² Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1. Отечественная история. Ответственные редакторы Г.Н. Севостьянов и Л.Т. Мильская. М. – Иерусалим. 2000; Т. 2. Всеобщая история. Ответственные редакторы Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. М. – Иерусалим. 2000; Т. 3. Древний мир и Средние века. Ответственный редактор Г.Н. Севостьянов. М. 2004; Т. 4. Новая и новейшая история. Ответственный редактор Г.Н. Севостьянов. М. 2004.

ГЛАВА II

В.М. ДАЛИН, КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ.

Для тех, кому было суждено общаться с Виктором Моисеевичем Далиным лично, он навсегда остался выдающимся историком, деятельность которого является образцовым примером беззаветного служения исторической науке. Яркий исследовательский талант, колоссальная работоспособность, нестигаемая сила воли и чувство высокой ответственности перед избранной профессией позволили ему на протяжении долгого жизненного пути, отнюдь не усыпанного розами, создать ценнейшие труды по ряду ключевых вопросов Новой и новейшей истории Франции, обеспечившие ему почетное место среди блестящей плеяды русских и советских служителей музы Клио, изучавших историю Франции.

Вклад В.М. Далина в разработку многих узловых проблем франковедения и, в частности, истории Французской революции XVIII в. по достоинству оценен зарубежными историками, которые неоднократно откликались на его исследования, переведенные на иностранные языки¹³³. Признанием заслуг советского историка за рубежом стало его избрание почетным председателем Комиссии по изучению истории Французской революции при Международном комитете исторических наук, почетным доктором Безансонского университета, членом административного совета французского Общества робеспьеристских исследований, членом Итальянского научного центра по изучению эпохи Наполеона¹³⁴.

* Первоначальный вариант статьи опубликован в кн.: ФЕ — 2002. С. 8-20.

¹³³ См.: Библиография трудов Виктора Моисеевича Далина (1902-1985) и литература о нем. С. 70-87.

¹³⁴ В.М. Далин, как и многие другие его советские коллеги, был гораздо больше оценен за рубежом, чем на своей родине. Об этом неоднократно писали их ученики и младшие коллеги. См. например: **Л.И. Гинцберг, Л.В. Поздеева.** Аркадий Самсонович Ерусалимский (1901-1965) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. С. 352; **Р.Ф. Иванов.** Алексей Владимирович Ефимов (1896-1971) // Там же. С. 370.

Перед нами трудная задача: писать о личности В.М. Далина, незаурядного человека, осложняющаяся еще и тем, что автору сих строк довелось долгие годы работать под его руководством, а это обстоятельство, на первый взгляд, предполагает наличие субъективного подхода. Но, тем не менее, считаю необходимым обрисовать портрет В.М. Далина — исследователя и гражданина.

В.М. Далин был одним из самых ярких представителей своего поколения, которое вступило в жизнь в переходную эпоху и получило воспитание в соответствии с повелительными требованиями революционного времени. Его юность и молодость были озарены лучами Октябрьской революции, и это обстоятельство наложило неизгладимый отпечаток на формирование его психологии, мышления и поведения. Романтизм в сочетании с неудержимым желанием скорейшего коренного переустройства общественной жизни был характерной чертой творцов революции на ее заре. До самой кончины В.М. Далин свято верил в идеалы далекого 1917 года, претворению в жизнь которых он всецело посвятил все силы и знания.

Участник первых боев за установление советской власти, активный комсомольский работник, занимавший высокие посты, В.М. Далин пришел в науку в ту пору, когда марксистская методология вела непримиримую борьбу за самоутверждение. Став под руководством академика Н.М. Лукина одним из самых последовательных историков-марксистов первой волны, В.М. Далин, во имя утверждения господства новой методологии, активно включился в беспощадную идеологическую борьбу против историков, полностью или даже частично не принимавших марксизм и не разделявших взглядов Н.М. Лукина. Возможно, в те годы иначе не могло и быть, ибо речь идет о поколении молодых исследователей, получивших историческое образование сразу же после победы социалистической революции, которая открывала, как им представлялось, новую эру в судьбе человечества. Они горели желанием все перевернуть вверх дном, сметая на своем пути все то, что олицетворяло старые порядки.

Чтобы не быть голословным, приведу для характеристики позиции самого В.М. Далина такой пример: в те годы с присущим ему пылким молодым задором, в порыве преклонения перед

новой методологией, он страстно выступал против академика Е.В. Тарле, воспринимая его как «буржуазного» историка¹³⁵. Даже во время научной командировки во Францию в 1929-1930 гг., по собственному признанию В.М. Далина, у него не было ни малейшего желания присутствовать на публичной лекции находившегося тогда в Париже «идеологического противника», на которую он все же пошел, но с большой неохотой.

Однако в последние годы жизни В.М. Далин считал Е.В. Тарле выдающимся ученым, которого высоко ценил. С особым почтением он говорил о его работах дореволюционного времени, которые он в далекие 1920-1930-е годы подвергал беспощадной критике, отмечал обширнейшую эрудицию и литературное мастерство. Что же касается негативного отношения представителей школы Н.М. Лукина к Е.В. Тарле, то В.М. Далин с горечью признавал, что и он сам в те годы такое отношение разделял.

В.М. Далин прожил содержательную, интересную жизнь. Ему довелось, как уже отмечалось, лично общаться и сотрудничать со многими руководящими деятелями советского государства и международного рабочего движения. Но в отличие от многих других, В.М. Далин без большой охоты говорил о своих встречах и общении с людьми, олицетворявшими целую эпоху. Исключение он делал только для ученых с мировым именем. До конца своих дней В.М. Далин, к примеру, с особой гордостью и с большим восторгом вспоминал о своих встречах в Париже с одним из крупнейших исследователей истории Французской революции Альбером Матъезом, которого наряду с Н.М. Лукиным и В.П. Волгиным считал одним из своих учителей¹³⁶. Он не только во

¹³⁵ См. рецензию В.М. Далина на книгу: **Е.В. Тарле**. Краткий очерк истории Европы (1814-1919). 2-е изд.: Л. 1929 // Книга и революция. 1929. № 15/16 (под псевдонимом К. Винтер). См. также: **В.М. Далин**. Выступление на методологической секции от 18 декабря 1930 г. // ИМ. 1931. № 21. С. 55-60. О гонениях, которым подвергался Е.В. Тарле в 1920-1930-х годах, в том числе самим Сталиным, написано не мало, однако, я предпочитаю отослать читателя к книге А.В. Гордона, более подробно и, что для нас важнее, разносторонне осветившего этот вопрос: **А.В. Гордон**. Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918-1941. Саратов. 2005.

¹³⁶ **С.В. Оболенская**. В.М. Далин — почетный доктор Безансонского университета // ФЕ — 1985. М. 1987. С. 310-311.

всех деталях передавал содержание своих с ним бесед на научные темы, рассказывал об оценках, данных А. Матъезом Сталину, Троцкому, а также А. Олару и другим историкам, но и описывал его внешность, манеру держаться, особенности характера и т. д.

Однако А. Матъез, научным наследием которого он восхищался, не был для него предметом слепого поклонения даже в годы его молодости. В 1930-1931 гг. В.М. Далин вместе со своими коллегами выступил против А. Матъеза, когда тот подверг резкой критике сложившуюся в СССР политическую систему, превращение исторической науки в априорную догму, «которая и является своеобразным марксизмом, понимаемым и применяемым на манер катехизиса»¹³⁷, а также те гонения, которым подвергся ряд советских историков (Е.В. Тарле и др.) со стороны Сталина. В 1931 г. вместе с Н.М. Лукиным и еще шестью коллегами (Р.А. Авербух, Н.П. Фрейнберг, С.Д. Куниским, С.М. Моносовым, Я.В. Старосельским, С.П. Завитневичем) он подписался под критическим письмом, адресованном А. Матъезу¹³⁸, свидетельствовавшим о мировоззрении советских историков давно минувшего времени. Здесь не место подробно обсуждать эту, мягко говоря, неплодотворную для советских исследователей дискуссию¹³⁹, в ходе которой А. Матъез разгромил своих оппонентов, назвав их «сталинскими историками»¹⁴⁰. Отметим, однако, что советские историки в своих выступлениях против него с радостью ухватились за такую, более чем лестную, на их взгляд, оценку, которой они гордились и восхищались¹⁴¹.

¹³⁷ Цит. по: Н.М. Лукин. Новейшая эволюция Альбера Матъеза // ИМ. 1931. Т. 21. С. 40.

¹³⁸ Полемика Альбера Матъеза с советскими историками 1930-1931 гг./ Предисловие В.А. Дунаевского // НиНИ. 1995. № 4. С. 205-207.

¹³⁹ См. об этом: J. Friguglietti. Albert Mathiez historien révolutionnaire (1874-1932). Paris. 1974. P. 210-216 ; Полемика Альбера Матъеза с советскими историками 1930-1931 гг. С. 199-211; В.А. Дунаевский. Николай Михайлович Лукин (1885-1940) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. С. 316-317.

¹⁴⁰ См. письмо А. Матъеза Ц. Фридлянду от 20 декабря 1930 г. // Полемика Альбера Матъеза с советскими историками. С. 205.

¹⁴¹ Ц. Фридлянд. «Казус Матъеза» // Борьба классов. 1931. № 1. С. 104. Всесторонняя и объективная оценка этой, скорее политизированной, чем научной дискуссии дана сравнительно недавно А.В. Гордоном: А.В.

В связи с этим нам хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Во время «перестройки» некоторые авторы, ссылаясь на этот пример и на выдвинутую советскими историками 1920-1930-х годов концепцию якобинской диктатуры, однозначно одобрявшую все имевшие место за годы Французской революции эксцессы, с язвительной и непростительной иронией упоминали о трагической судьбе тех, кто, восхваляя Робеспьера или якобинский террор, сами вскоре стали жертвами сталинских репрессий¹⁴². Никто из писавших подобным образом почему-то не задумался над тем, что речь шла о ничем не отличавшемся от настоящей трагедии коллективном менталитете целого поколения исследователей, над головой которых был занесен меч сталинизма.

Помимо А. Матьеа, среди французских историков разных направлений, с которыми В.М. Далина связывала многолетнюю творческую дружба, он особенно высоко ценил творчество Ф. Броделя, Э. Лабрусса, А. Собуля, Ж. Годшо и Ж. Брюа. Неоднократно общаясь с ними лично во время их московских визитов, В.М. Далин установил с французскими коллегами очень дружеские отношения и в конце жизни признавал, что это общение во многом способствовало расширению его научного кругозора¹⁴³. В то же время отметим, что общение с В.М. Далиным было весьма полезным и для его французских коллег. Р. Легран, один из крупнейших специалистов по истории бабувистского движения, признавал: «Наша переписка, длившаяся четверть века, чрезвычайно много мне дала: он был примером для меня, я глубоко его уважал и постоянно пользовался его советами»¹⁴⁴.

Особо теплыми были его отношения с А. Собулем¹⁴⁵, вместе с которым, как уже отмечалось, он подготовил в 1960-х годах опись рукописных документов Гракха Бабефа, а в дальнейшем осуществил международное издание его сочинений в четырех томах. В то же время В.М. Далин не испытывал особых симпатий

Гордон. Указ. соч. С. 93-96, 230-232.

¹⁴² См. например: Н.Н. Молчанов. Указ. соч. С. 555.

¹⁴³ V. Daline. Hommes et idées. P. 5.

¹⁴⁴ Р. Легран. Памяти профессора В.М. Далина // ФЕ — 2002. С. 54.

¹⁴⁵ См. его трогательные воспоминания о нем: V. Daline. Albert Soboul. Un ami fidèle... // AHRF. 1983. N° 253. P. 359-363.

к представителям так называемого «ревизионистского», т. е. критического направления французской историографии, принципиально не принимая их воззрений. К примеру, называя Э. Леруа Ладюри талантливым историком, он весьма сожалел, что тот не придерживался марксистской методологии. Здесь уже, на мой взгляд, давало о себе знать не только историческое воспитание В.М. Далина, однозначно отвергавшее все отклонения от марксизма, но и возраст.

С В.М. Далиным, помимо крупнейших западных ученых поддерживали тесные научные контакты и представители молодого поколения исследователей различных стран (Франции, Венгрии, Португалии и ряда других), для которых он был непререкаемым научным авторитетом. Однако его вклад в науку был высоко оценен в первую очередь светилами французской историографии, такими, как Ф. Бродель, А. Собуль, назвавшего В.М. Далина в разговоре с автором этих строк в июне 1978 г. «хорошим другом и крупным ученым». Восторженные оценки его трудов неоднократно высказывались и Ж. Годшо¹⁴⁶.

Судьба уготовила В.М. Далину трудную участь. Лучшие годы творческой жизни ему было суждено провести в сталинских лагерях. Будучи человеком крайне сдержанным, он редко и весьма неохотно говорил про этот период своей биографии. Но однажды все же коснулся этой темы. По его словам, ему предъявлялись обвинения в связях с троцкистами. На вопрос были ли у него такие связи, В.М. Далин, с грустной улыбкой ответил: «В те годы достаточно было человека увидеть в разговоре с кем-то». Несмотря на беспочвенность этого обвинения¹⁴⁷, ему, тем не менее, не удалось избежать осуждения на десять лет и ссылки, ибо как отмечал Д.А. Волкогонов, «в те годы слово троцкист звучало как приговор»¹⁴⁸. «Следователь, который вел мое дело, сказал: "В Вашем деле цыпленок еще не вылупился из яйца, но как минимум лет десять Вам дадут"», — вспоминал В.М.

¹⁴⁶ Об оценках Ф. Броделя и Ж. Годшо см. в главе I настоящей книги.

¹⁴⁷ См. об этом: **М.В. Далин**. «Запечатленные моменты» из жизни В.М. Далина. С. 24-30.

¹⁴⁸ **Д.А. Волкогонов**. Троцкий. Политический портрет. Кн. 2. М. 1992. С. 188.

Далин¹⁴⁹. Однако ему пришлось провести в заключении, в общей сложности, около семнадцати лет¹⁵⁰.

Незаконный арест, заключение и ссылка безусловно наложили глубокий след на его дальнейшее поведение и образ мысли. Он избегал разговоров на политические темы, не одобрял критических высказываний о политике правительства или о каких-либо пороках советской действительности, рекомендовал проявлять большую сдержанность при разговорах на эти темы, а лучше и вовсе избегать их, порицал за знакомство и общение с иностранцами, не являвшимися гостями Академии Наук.

Прошлое В.М. Далина во многом помешало гармоничному развитию его научной карьеры. Приведем самый разительный пример. Глубоко преклоняясь перед творчеством советского историка, французские коллеги и, в частности, Ф. Бродель, неоднократно изъявляли желание пригласить его во Францию для совместной работы. Но все эти попытки закончились ничем. Еще в 1960 г. советские власти запретили В.М. Далину участвовать в международном colloquium в Стокгольме, посвященном 200-летию со дня рождения Бабефа, а его доклад там был зачитан Б.Ф. Поршневым¹⁵¹. Ему дали понять, что он, бывший политзаключенный, не был полностью реабилитирован и не имел права на выезд за пределы СССР¹⁵².

На столь грустную ситуацию В.М. Далин смотрел более чем философски, однако избегал разговоров на эту щекотливую тему. В последние годы жизни он на приглашения зарубежных

¹⁴⁹ В этой связи, чтобы получить представление о царившей в стране обстановке, можно вспомнить свидетельство А.И. Солженицына, который в своей книге приводит характерный разговор одного из начальников конвоя со своим подчиненным. На вопрос, за что дали одному из заключенных двадцать пять лет, последний ответил: «Да ни за что». На это начальник конвоя возразил: «Врешь. Ни за что — десять дают». См.: А.И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования. Т. 1. М. 1990. С. 210.

¹⁵⁰ См. об этом в главе I настоящей книги.

¹⁵¹ А.В. Гордон. Великая французская революция в советской историографии. С. 237.

¹⁵² А.И. Солженицын в этой связи метко заметил: «Освободились-то мы еще очень мало — головы да рты, но по плечи мы увязали по-прежнему в болоте рабства». А.И. Солженицын. Указ. соч. Т. 3. М. 1990. С. 427.

коллег (Ж. Шарля и др.) отвечал вежливым отказом, ссылаясь на состояние здоровья. Не впадая в уныние, что, в принципе, было не совместимо с характером такого волевого человека, как В.М. Далин, он часто подчеркивал, что можно писать по истории Франции интересные научные работы и в Москве, имея в распоряжении богатые архивы.

В связи с этим следует обязательно сказать об одной из особенностей творчества В.М. Далина. В науке он выбирал непроторенные пути, и все основные труды, вышедшие из под его плодovitого пера в 1950-1980-е годы, — результат тщательного изучения многочисленных архивных первоисточников, к которым до него не прикасалась рука историка. Как профессионал он придавал первостепенное значение исследованию архивных документов, без чего, в принципе, немыслимо всестороннее и глубокое изучение прошлого. Впоследствии он об этом писал: «Историк, никогда не работавший в архиве, подобен футболисту, ни разу в жизни не забившему ни одного гола»¹⁵³. Именно поэтому В.М. Далин с удовольствием и часто приводил пример Ж. Лефевра. Этого историка он высоко ценил и, к слову сказать, очень переживал, что был лишен возможности личного общения с ним во время своей единственной научной командировки во Францию, ибо тот находился тогда в провинции. В.М. Далин подчеркивал, что при написании своей книги о крестьянах департамента Нор Ж. Лефевр вел архивные изыскания в течение нескольких десятилетий¹⁵⁴.

Страстный труженик, крупный знаток всех тонкостей исследовательской работы, В.М. Далин и от своих учеников требовал упорной, многолетней работы в архивах, бережного отношения к документам, поверхностного изучения которых категорически не принимал. Дабы помочь молодым историкам сориентироваться в этой не очень простой, особенно в начале исследовательской работы, области, он при необходимости, несмотря на преклонный возраст, даже зимой ходил вместе с ними в архивы, помогая при расшифровке неразборчивых рукописных материалов. В.М. Далин считал архивные изыскания

¹⁵³ В.М. Далин. Полвека изучения истории Франции. С. 10.

¹⁵⁴ См. об этом: J. Godechot. Op. cit. P. 311-313.

непременным условием успеха исторических исследований и неотъемлемой частью творчества научного сотрудника. Он высоко ценил профессионализм в науке, ведь его собственные работы, как отмечал В.П. Смирнов, «дают нам образец высококачественного научного исследования; могут служить примером научной добросовестности и высочайшего профессионализма»¹⁵⁵.

До конца своих дней В.М. Далин свято чтит память своих учителей и безвременно ушедших из жизни коллег. Преданность и высочайшее чувство долга перед памятью покойных друзей — выдающихся историков с мировым именем, украшали его как человека и гражданина. По его инициативе созывались заседания группы по изучению истории Франции при Институте всеобщей истории АН СССР, руководителем которой он стал после кончины А.З. Манфреда, посвященные памяти Н.М. Лукина, В.П. Волгина, А.З. Манфреда, Б.Ф. Поршнева, А. Собинова и др., где он выступал с душевными, пламенными и искренними речами. Когда В.М. Далин говорил об этих людях, об их подчас горькой судьбе, его глаза нередко наполнялись слезами.

С особой признательностью он вспоминал имя академика В.П. Волгина, называя его «благороднейшим человеком»¹⁵⁶. С большой теплотой он рассказывал о том радушном приеме, который В.П. Волгин, в то время вице-президент АН СССР, оказал ему в 1946 г. после отбытия первого срока заключения. «Кем я был, беспаспортным бродягой. Другие головы отворачивали, а он, приоткрыв двери своего кабинета, принял меня как самого близкого человека», — отметил он во время одного из своих выступлений на заседании группы по изучению истории Франции. Именно благодаря помощи В.П. Волгина, В.М. Далину после окончательного обретения свободы был поручен перевод второго тома избранных произведений Марата¹⁵⁷, что, в частности, стало важным материальным подспорьем для бывшего заключенного.

¹⁵⁵ В.П. Смирнов. Виктор Моисеевич Далин // Исторические этюды о Французской революции. С. 21.

¹⁵⁶ См.: В.М. Далин. Благороднейший человек. (Из воспоминаний о В.П. Волгине) // ФЕ — 1979. М. 1981. С. 5-14. См. также: его же: Полвека изучения истории Франции. С. 16-31.

¹⁵⁷ Ж.П. Марат. Избранные произведения. Т. 2. М. 1956.

В.М. Далин около полувека дружил и сотрудничал с Альбертом Захаровичем Манфредом. Познакомившись с ним еще в 1920-х годах, в семинаре Н.М. Лукина по истории французского социалистического движения, он на протяжении всей жизни остался верным этому замечательному историку, которого ценил больше всех остальных. Его отношение к А.З. Манфреду служит образцовым примером преданности и верности памяти ушедшего из жизни друга.

А.З. Манфред был для В.М. Далина высочайшим научным авторитетом. Виктор Моисеевич оценивал его намного выше себя, хотя на самом деле, в своем «ремесле историка» вряд ли уступал другу, занимая в науке равное с ним положение. При возникновении спорных вопросов В.М. Далин неоднократно подчеркивал: «А Вы посмотрите, как пишет Альберт Захарович. Какие он дает объяснения». Правда, считая А.З. Манфреда, историка поистине незаурядного таланта, одаренного редчайшим литературным дарованием, недостижимым в науке, он, тем не менее, все время отмечал, что материал следует излагать не сухо, сугубо академично, а в литературном виде — именно так, как это умел делать Альберт Захарович. Поэтому, не случайно, что 16 декабря (в день смерти А.З. Манфреда) 1978 г. подарив мне «Французский ежегодник — 1976», он сделал следующую надпись: «Дорогому Варужану, dans l'espoir qu'il deviendra digne élève d'Albert Manfred » («в надежде, что он станет достойным учеником Альберта Манфреда»).

Помимо того, давая, при необходимости, советы в жизненных вопросах, он часто ставил в пример поведение А.З. Манфреда, с удовольствием обращая внимание на то, каким тот был галантным в общении человеком. Как-то, во время одного из своих выступлений в секторе, в связи с праздником 8 марта, он рассказывал о том, что долгие годы обычно здоровался сперва с мужчинами, а потом с женщинами. Однако со временем, заметил, что А.З. Манфред поступает по-другому, здороваясь сперва с женщинами, а потом уже с мужчинами. Только после этого он стал подражать примеру друга. Однако, такое поведение по отношению к представителям красивого пола в наше время, как показал мой собственный опыт, к сожалению, не воспринимается

в современном обществе, по крайней мере, на постсоветском пространстве, как положено, что неоднократно заставляло меня вспоминать слова О.В. Серовой: «Манфред был представителем своего поколения», отличающегося во многом как от моего, так от идущего за ним на смену поколений.

Помню, как при жизни В.М. Далина некоторые из его коллег снисходительно констатировали, что он боготворил Альберта Захаровича. Отчасти это и действительно было так. Я никогда не позволял себе затрагивать в разговоре с ним эту болезненную тему и, естественно, не претендую на исчерпывающее суждение по этому поводу. Думаю, что основная причина проявления с его стороны столь подчеркнутого пиетета по отношению к памяти безвременно ушедшего из жизни друга, по всей вероятности, крылась в том, что заслуги А.З. Манфреда так и не были по достоинству оценены советской Академией Наук. Ее члены упорно не хотели принимать в свои ряды этого выдающегося и, по справедливому замечанию Ю.В. Борисова, «достойнейшего из достойных» историка¹⁵⁸.

В.М. Далин, тяжело переживая его безвременную кончину,

¹⁵⁸ Ю.В. Борисов. Указ. соч. С. 414. На одну из причин, не имевшую ничего общего с научными дарованиями А.З. Манфреда, препятствовавшей его избранию академиком, обратил внимание Ю.И. Рубинский: «Терновый венец диссидента его не прельщал. Однако ему всегда претило ползание «по-пластунски», не поднимать головы, чтобы не попасть под перекрестный огонь противника. Поскольку же в противниках, завистниках, недоброжелателях недостатка у него не было никогда, он находил в себе мужество открыто противостоять им, не бояться конфронтации, а порой даже провоцировал ее сам. Было в нем что-то не только от язвительного Вольтера, но и от задорного, непочтительного к авторитетам галльского петуха-Шантеклера». Ю.И. Рубинский. А.З. Манфред и Франция // Россия и Франция: исторический опыт XVIII-XIX веков. С. 21. Как подтверждение этих слов сошлемся на свидетельство вдовы А.З. Манфреда, ныне покойной, Н.В. Кузнецовой, сообщившей мне в 1979 г., что незадолго до злополучных выборов 1976 г. в АН СССР, где ее муж собирался баллотироваться, к нему обратились с предложением написать биографию Л.И. Брежнева, к семидесятилетию со дня рождения Генерального Секретаря ЦК КПСС. А.З. Манфред дипломатично отказался от этого лестного предложения, а Н.В. Кузнецова так объяснила его поведение: «Он бы перестал уважать себя».

с глубокой грустью говорил, что жизнь Альберту Захаровичу укоротили надвигавшиеся в декабре 1976 г. выборы в АН СССР. Не раз терпевший неудачу на предыдущих выборах, А.З. Манфред, как рассказывал В.М. Далин, сильно переживал накануне голосования, и, в конце концов, нервы не выдержали этого напряжения: он не дожидаясь выборов четыре дня¹⁵⁹.

В.М. Далин очень многое сделал для подготовки к печати рукописей А.З. Манфреда, чьи посмертные работы вышли под его редакцией и с его предисловиями¹⁶⁰. В.М. Далин выступал также с интересными статьями, посвященными жизни и творчеству А.З. Манфреда¹⁶¹. Его памяти он посвятил и свою книгу об историках Франции.

Разумеется, В.М. Далин не во всем, мягко говоря, подражал своему другу (по свидетельствам их младших коллег, они были совершенно разными людьми)¹⁶². К примеру, он был очень

¹⁵⁹ Любопытно, что сразу же после кончины, словно по мановению волшебной палочки, А.З. Манфред превратился в «виднейшего» и «крупнейшего» советского историка, «крупнейшего советского ученого». См.: Известия. 24 декабря 1976 г. С. 4; Советская культура. 24 декабря 1976 г. С. 4; Литературная газета. 26 января 1977 г. С. 14; ВИ. 1977. № 3. С. 219. Такова была советская действительность. Впрочем, и великий Бальзак получил за год до кончины на выборах во Французскую Академию два голоса, так и не пополнив ряды сегодня уже давно забытых и ни кому не известных «бессмертных»: за него проголосовали Гюго и де Виньи. См.: А. Моруа. Прометей, или жизнь Бальзака. М. 1988. С. 571. Впоследствии, действовавшие при выборах во Французскую Академию драконовские механизмы были подвергнуты беспощадной критике, в стиле вольтеровского сарказма, Доде в опубликованном в 1885 г. романе «Бессмертный».

¹⁶⁰ А.З. Манфред. Три портрета эпохи Великой французской революции. Руссо, Мирабо, Робеспьер. М. 1978; его же: Великая французская революция. М. 1983; A.Z. Manfred. Napoléon Bonaparte. Moscou. 1980.

¹⁶¹ См. например: В.М. Далин. Последние годы (по записным книжкам А.З. Манфреда) // ФЕ — 1981. М. 1983. С. 166-174; его же: Французская печать о «Наполеоне Бонапарте» А.З. Манфреда // ФЕ — 1982. С. 256-257 (под псевд. И. Мохов); его же: Albert Manfred // АНRF. 1978. № 231. Р. 153-155.

¹⁶² См. например: С.В. Оболенская. Человек, обладавший даром привлекать сердца // ФЕ — 1981. С. 165. То же констатировала в личном разговоре со мной хорошо знавшая их Н.В. Емельянова.

скуп на похвалы, в отличие от А.З. Манфреда¹⁶³. Восторженные оценки В.М. Далин высказывал редко: он отзывался об А.Р. Иоаннисяне как о «крупнейшем специалисте по истории французской общественной мысли»¹⁶⁴, А.В. Адо характеризовал как «крупнейшего у нас специалиста по истории Французской революции», высоко ценил свою ученицу Г.С. Черткову за проявляемую тщательность и добросовестность в научных изысканиях. По поводу вынужденного отъезда А.С. Кана в Швецию на постоянное жительство, как-то грустно заметил: «Это большая потеря». Зато, за долгие годы совместной работы, не помню такого, чтобы о себе он обмолвился хотя бы одним словом. Кстати, это было ведомо не только мне одному¹⁶⁵. Человек неподдельной скромности, в разговорах на научные темы он избегал, по возможности, упоминания своих исследований, о весомом вкладе, привнесенном им в науку, тем самым подтверждая правдивость высказывания Бальзака о том, что «выдающиеся таланты никогда не говорят о своих творениях»¹⁶⁶. Правда, перевод его книг на французский язык и появление на них рецензий за рубежом приносили ему на старости лет большую радость.

В.М. Далин был на редкость честолюбивым, но тщеславие было ему совершенно чуждо. Пользуясь огромным авторитетом в научных кругах в нашей стране и за рубежом, Виктор Моисеевич, в отличие от многих советских выдающихся историков, никогда не изъявлял желания баллотироваться на выборах в АН СССР. Одна из моих старших коллег из Института всеобщей истории, долго беседуя со мной в 1986 г. в Российской государственной библиотеке о многих из наших предшественников и проведя аналогии между ними, заключила: «Ученый, конечно, Ваш Далин», тем самым ставя его выше других. В чисто научном плане мнение о В.М. Далине, как талантливом историке по призванию, никем не подвергалось, да и не могло бы подвергаться, ни малейшему

¹⁶³ Там же. С. 161-162.

¹⁶⁴ См. об этом также в его отзыве на книгу А.Р. Иоаннисяна «Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840-1841 гг.»: А.Р. Иоаннисян. Неопубликованные произведения. Составитель, автор предисловия и комментария д.и.н. В.А. Погосян. Ереван. 2009. С. 168.

¹⁶⁵ См.: Е.В. Старостин. Указ. соч. С. 56.

¹⁶⁶ О. Бальзак. Собр. соч. в 24-х томах. Т. 13. М. 1960. С. 399.

сомнению. Не случайно, руководители журнала «Новая и новейшая история» намереваясь в 1987 г. открыть новую рубрику — «Портреты советских историков», первой изъявили желание опубликовать его научную биографию, которая, тем не менее, была опубликована второй по счету¹⁶⁷.

В творческой жизни В.М. Далин особое место занимала редакторская работа, съедавшая львиную долю времени. В отличие от многих своих коллег, не жалея своего времени и сил, он выполнял эту работу с охотой, получая от этого большое удовольствие. Он самым тщательным образом редактировал не только «Французский ежегодник». Еще в 1930-х, а затем и в 1960-1980-х годах он состоял в редакционных коллегиях таких авторитетных изданий, как «Историк-марксист», «Борьба классов», «История второго Интернационала», «Маркс-историк», «История Франции» и др.¹⁶⁸ В 1972-1981 гг. он входил также в редакционную коллегию серии «Памятники исторической мысли», насчитывавшей в годы его нахождения в редколлегии десять книг, одна из которых была опубликована под его непосредственной редакцией и с его обширным послесловием¹⁶⁹.

Помимо издания сочинений Бабефа, о чем уже было отмечено, В.М. Далин принимал также деятельное участие в подготовке к публикации собрания сочинений Н.М. Лукина и переиздании книг В.П. Волгина¹⁷⁰. Им было тщательно прочитано и бережно отредактировано более пятнадцати научных монографий по Новой истории Западной Европы¹⁷¹; а как много времени он уделял своим аспирантам, да и другим молодым историкам, не

¹⁶⁷ З.С. Белоусова, В.А. Погосян. Виктор Моисеевич Далин (1902-1985) // НиНИ. 1989. № 5. С. 174-188.

¹⁶⁸ История второго Интернационала. Т. 1-2. М. 1965-1966; Маркс-историк. М. 1969; История Франции. Т. 1-3. М. 1972-1973.

¹⁶⁹ П.А. Кропоткин. Великая французская революция 1789-1793. М. 1979.

¹⁷⁰ Н.М. Лукин. Избранные труды в трех томах. Т. 1-3. М. 1960-1963; В.П. Волгин. Очерки истории социалистических идей. С древности до конца XVIII в. М. 1975; его же: Очерки истории социалистических идей. Первая половина XIX в. М. 1976; его же: Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М. 1977; его же: Французский утопический коммунизм. М. 1979; его же: Статьи и выступления. М. 1979.

¹⁷¹ См.: Библиография трудов Виктора Моисеевича Далина (1902-1985) и литература о нем. С. 84-86.

устава по несколько раз возвращаясь к текстам их работ.

Особо следует отметить неоценимый вклад В.М. Далина в редактирование «Французского ежегодника», душой которого, по общим оценкам, он был со дня его основания. Сначала как член редакционной коллегии, а затем, почти четверть века, как заместитель главного редактора, он приложил много сил для сохранения высокого научного уровня этого издания. После безвременной кончины А.З. Манфреда, он взял на себя основную тяжесть по подготовке к изданию «Французского ежегодника», тем более, что в трех томах нашего академического издания, вышедших за 1977-1979 гг., как это ни парадоксально, не значился главный редактор. Оно выходило за его, как заместителя главного редактора, подписью. После того, как на должности главного редактора ежегодника был наконец-то утвержден, к моему изумлению, В.В. Загладин, не скрывая своего возмущения, я спросил у В.М. Далина, как можно понять такое назначение. Намекая на свой преклонный возраст, он тихим голосом ответил: «Мы сами так захотели. Это перспективное назначение».

Тем не менее, ни для кого не было секретом, что и после назначения В.В. Загладина на пост главного редактора, основное бремя по редактированию ежегодника возлагалось на плечи В.М. Далина. Как-то в разговоре со мной, учитывая тематику одной моей статьи по истории французской контрреволюции времен первой Директории, что не могло не создавать в те годы дополнительных препон для ее публикации в советских исторических журналах, Г.С. Кучеренко сказал: «Во "Французском ежегоднике" это возможно, потому что его главным редактором является Загладин, а фактическим Далин». Я могу свидетельствовать, что это на самом деле было так. В этой связи мне бы хотелось подтвердить тот вывод, к которому пришла хорошо знавшая его С.В. Оболенская в связи с определением того места, которое в его жизни занимало редактирование «Французского ежегодника» после смерти А.З. Манфреда: «В последние годы жизни Виктора Моисеевича Далина не было для него, может быть, более важного дела, чем "Французский ежегодник"»¹⁷². В этом, несомненно, единственно возможном заключении, мне бы очень хотелось

¹⁷² С.В. Оболенская. Первая попытка истории «Французского ежегодника» // ФЕ — 2002. С. 78.

опустить слова «может быть».

Более четверти века принимая самое активное участие в редактировании «Французского ежегодника», В.М. Далин приглашал к сотрудничеству таких известнейших зарубежных историков, как Ф. Бродель, А. Собуль, Ж. Годшо, Ж.-Р. Сюратто, Р. Легран, В. Марков¹⁷³ и др., в то же время от всей души одобрял и приветствовал публикацию статей молодых исследователей. Он тщательно подбирал материалы для каждого тома, по несколько раз прочитывал намеченные к публикации материалы.

При этом нелишне обратить внимание на одно существенное обстоятельство: к В.М. Далину с просьбой отредактировать свои работы обращались и его зарубежные коллеги. Об этом можно судить по свидетельству Р. Леграна: «Когда я готовил к изданию свою книгу о Бабефе¹⁷⁴, я посылал ему верстку этой книги — главу за главой, и он возвращал мне ее со своими замечаниями и соображениями»¹⁷⁵.

Рассказывая о редакторском мастерстве В.П. Волгина, В.М. Далин отмечал: «Он вносил не только принципиальные изменения, но делал литературную правку, отмечал и исправлял неточности, порядок слов, неудачные выражения, устранял повторения, машинописные погрешности, исправлял даже знаки препинания»¹⁷⁶. Все это в равной степени применимо и для характеристики самого В.М. Далина как редактора.

Основными принципами, которыми руководствовался В.М. Далин на протяжении своей жизни, как он сам отметил во время своего последнего выступления, были трудолюбие, честность и добросовестность¹⁷⁷. В.М. Далин был человеком исключительного трудолюбия. Даже в последние месяцы жизни, после перенесенного в сентябре 1984 г. инсульта, он рано вставал и сразу же садился за письменный стол, единственным

¹⁷³ Академик Марков его характеризовал как «нашего дорогого друга многих лет». Письмо В. Маркова автору от 21 октября 1990 г. Личный архив В.А. Погосяна.

¹⁷⁴ Речь идет о книге: R. Legran. Babeuf et ses compagnons de route. Paris. 1981.

¹⁷⁵ Р. Легран. Указ. соч. С. 54.

¹⁷⁶ В.М. Далин. Полвека изучения истории Франции. С. 20.

¹⁷⁷ С.В. Оболенская. В.М. Далин — почетный доктор Безансонского университета. С. 311.

украшением которого был макет Эйфелевой башни, привезенный им когда-то из Парижа. В первой половине дня он обычно писал, а во второй читал книги, газеты, редактировал работы коллег и учеников, отвечал на письма многочисленных корреспондентов. Несмотря на то, что писать ему становилось все труднее (последнее письмо, которое я получил от него, было написано уже рукой его сына М.В. Далина), В.М. Далин был на редкость обязательным и аккуратным корреспондентом. Он отвечал на письма сразу же после их получения, вне зависимости от того, кто их прислал — А. Собоуль, Ж. Годшо или какой-нибудь начинающий исследователь, которого он и в лицо-то не знал.

В.М. Далин был человеком кристальной честности и порядочности. Честность, по его убеждению, должна была быть *conditio sine qua non*, без которого немислима подлинная научно-исследовательская работа. Этому обстоятельству он придавал первостепенное значение, о чем свидетельствуют даже сделанные им дарственные надписи на разных подаренных мне книгах. На третьем томе сочинений Бабефа, например, в 1978 г. он написал: « *À mon cher Varoujean, dans l'espoir qu'il travaillera assidûment et qu'il lira immensément comme il le faut pour devenir un véritable et honnête historien* » («Моему дорогому Варужану, в надежде, что он будет работать усидчиво и читать очень много, на должном уровне, чтобы стать настоящим и честным историком»). Надпись же, сделанная в августе 1983 г. на книге « *Hommes et idées* », гласит: « *À mon cher Varoujean, dans l'espoir qu'il deviendra un véritable savant bien honnête et très erudit, en souvenir de deux grands savants qu'il connu, Albert Manfred et Albert Soboul* » («Моему дорогому Варужану, в надежде, что он станет настоящим ученым, очень честным и очень эрудированным и на память о двух крупных ученых, которых он знал — Альберта Манфреда и Альбера Собоуля»).

Если помимо честности, В.М. Далин требовал в науке упорства и добросовестного отношения к выполняемой работе, то в жизни он настаивал также на проявлении терпимости и сохранении чувства собственного достоинства. «Заниматься наукой похоже на поднятие на гору», — при необходимости подчеркивал он. К сожалению, я это поздно усвоил. А как-то посоветовав обратиться для публикации одной статьи в редакцию журнала

«Новая и новейшая история», он сразу же добавил: «Ничего не надо просить, не надо унижаться».

В.М. Далин был не только весьма заботливым, но и на редкость требовательным научным руководителем. Он полагал, что начинающий исследователь обязан на перекрестках исторической науки выбирать, по возможности, самый сложный путь. Он очень переживал, что молодые историки почти полностью игнорируют изучение экономической истории. От своих же учеников В.М. Далин требовал тщательного подбора источников, проявления критического к ним отношения, чтения современных зарубежных исторических журналов, знание классической, в особенности, французской и русской художественной литературы (сам он очень ценил творчество Л.Н. Толстого), повседневного расширения знаний и исторического диапазона. Следует особо отметить, что, сам обладая колоссальной эрудицией, он придавал ее развитию первостепенное значение. При этом В.М. Далин очень не любил, когда другие говорили про его глубокие, разносторонние познания. В апреле 1979 г., при обсуждении в секторе Новой истории Института всеобщей истории АН СССР рукописи его книги «Историки Франции XIX-XX веков», он вежливо перебил одного из выступавших, заявив: «Товарищи, не надо так часто упоминать про мою эрудицию: что она из себя представляет в сравнении с эрудицией моих предшественников — Лукина, Савина, Тарле». В связи с этим присутствовавший на заседании В.П. Смирнов, имея на это все основания воскликнул: «Виктор Моисеевич, а теперь сравните Вашу эрудицию с эрудицией идущего за Вами поколения историков!» Полностью принимая правдивость замечания многоуважаемого нами В.П. Смирнова, хотелось бы разъяснить, что этот печальный факт был обусловлен множеством веских причин: ведь не сравнить образование, полученное В.М. Далиным в царской гимназии, с образованием, полученным моими сверстниками в советских школах. Даже в советских вузах самым основополагающим историческим предметам не уделялось должного внимания (в связи с этим члены ученого совета исторического факультета ЕГУ в бытность мою студентом в 1970-х годах не раз поднимали голос протеста, но безрезультатно), а взамен, упор делался, главным образом,

на преподавании общественных дисциплин на основе изучения произведений основоположников марксизма-ленинизма.

В.М. Далин, по его же свидетельству, в одесской гимназии выучил, как уже отметили, французский, немецкий и латынь. Впоследствии он изучил также английский и итальянский языки. Полагая по праву, что исследователь, занимающийся историей западных стран, обязан свободно владеть несколькими языками (в особенности, языком изучаемой страны), В.М. Далин требовал от своих учеников безукоризненного знания иностранных языков. В разговорах часто переходя на французский язык, он упрекал за каждую, казалось бы, малейшую ошибку. Как-то он привел мне пример одного из своих коллег: «Он грамматику французского языка очень плохо знал и все время с трибуны выступал с ошибками. Но он был крупным ученым, ему это было прощительно, а Вы молодой, Вас никто прощать не будет. Вы обязаны говорить на этом языке без ошибок».

Основательно овладев рядом ведущих европейских языков, В.М. Далин еще с 1920-х годов пристально следил за достижениями зарубежной науки. Я об этом впервые узнал при составлении после его кончины библиографии его трудов, когда передо мной открылась целая панорама, насыщенная яркими цветами зарубежной, в особенности, французской историографии. Библиография эта включает помимо его основных научных работ, еще и многочисленные рецензии, написанные на различные европейские издания, в частности, по истории французского рабочего движения, историю которого он сам глубоко изучал в те годы.

В.М. Далин проявлял все возрастающий с годами интерес к достижениям дореволюционной, советской и западной исторической мысли, регулярно выступая в советских изданиях не только с обстоятельными, глубоко научными статьями историографического характера, но и с рецензиями на новейшие труды своих отечественных и зарубежных коллег. Он был первым, кто в годы моего обучения в аспирантуре объяснил мне суть научной рецензии: узнав как-то, что я, начинающий исследователь, имею желание написать рецензию на книгу одного из моих советских коллег по истории наполеоновской Франции, он сказал: «Можно, если сможете показать, что там нового». По признанию же

одного из моих коллег, В.М. Далин, не очень удовлетворенный уровнем написанной им рецензии, деликатно дал понять то же самое: «И я пишу рецензии, но когда владею материалом».

В.М. Далин был глубоко принципиальным историком, не отступавшим от своих позиций. Тем не менее, он никогда не принуждал других, в том числе своих учеников, разделять его взгляды, не подчеркивал имевшуюся между ним и молодыми историками разницу, а в разговорах с ними обычно отмечал: «Это мое мнение, Вы можете его не принимать». На это обстоятельство по праву обратил внимание и А.В. Гордон, отметивший: «Хотелось бы... заявить об уважении Далина к иной позиции, к ее принципиальному отстаиванию. Но, сколько не роюсь в памяти, не нахожу хотя бы следа неприязни или огорчения, которые бы выразил он в связи с нашими разногласиями»¹⁷⁸.

Будучи человеком очень сдержанным, В.М. Далин редко кому-либо делал замечания, заранее при этом извиняясь. Он никогда не позволял себе говорить о тех историках, с которыми по той или иной причине у него не сложились добрые отношения, или же к которым, в глубине души, не относился с симпатией. Лишь однажды, смущаясь, робко упоминая о своем негативном отношении к одному из советских франковедов, он добавил: «И Альберт Захарович ее не любил».

И еще об одной особенности его характера. В.М. Далин был очень доброжелательным человеком, всегда готовым протянуть руку помощи тем, кто находился рядом. К нему за консультациями обращались не только его коллеги и ученики, но и посторонние исследователи, о существовании которых он до этого понятия не имел. Его личная библиотека мало чем отличалась от публичной, ибо он никогда не отказывал окружающим в возможности пользоваться полученными в дар от зарубежных коллег книгами, которых еще не было в московских библиотеках.

Таким он был, Виктор Моисеевич Далин, цельная личность, историк огромного таланта, оставивший яркий след в советской и мировой исторической науке.

¹⁷⁸ А.В. Гордон. Встречи с В.М. Далиным // ФЕ — 2002. С. 49.

ГЛАВА III

ЖАК ГОДШО: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Имя Жака Годшо (1907-1989), выдающегося французского историка, заслуженно пользовавшегося в международных научных кругах непререкаемым авторитетом, широко известно во многих странах и, в частности, среди историков Французской революции XVIII столетия. На протяжении своей долгой научной деятельности он внес неоценимый вклад в разработку политической истории Революции и ее влияния на другие страны. Ж.-Р. Сюратто по праву считал его одним из пяти крупнейших в XX столетии специалистов по истории Французской революции, наряду с А. Оларом, А. Матъезом, Ж. Лефевром и А. Собулем¹⁷⁹.

Ж. Годшо вступил в большую науку в переломную для французской историографии пору, когда четко обозначилась тенденция возрастания интереса к исследованию экономической истории, что нашло отражение в деятельности Ж. Жореса и созданной в 1903 г. по его предложению Комиссии по изучению экономической и социальной истории Революции, а позднее привело к основанию в 1929 г. Л. Февром и М. Блоком журнала «Анналы экономической и социальной истории». И тем не менее, внимание начинающего исследователя было приковано к проблемам политической истории. Ученик А. Матъеза, Ж. Годшо по его совету приступил в 1920-х гг. к систематическому исследованию тогда еще слабо изученного периода Революции — Директории¹⁸⁰. После безвременной кончины А. Матъеза в 1932 г., Годшо продолжил изыскания под руководством Ж. Лефевра, которого считал одним из своих учителей¹⁸¹. В 1933 г. он даже специально переехал в Страсбург, где работал Ж. Лефевр, а с 1935 г. преподавал в Высшем военно-морском училище Бреста¹⁸².

* Опубликовано в кн.: ФЕ — 2010. М. 2010. С. 410-432. Статья частично дополнена.

¹⁷⁹ J.-R. Suratteau. Jacques Godechot et le Directoire // AHRF. 1990. № 281. P. 329.

¹⁸⁰ J. Godechot. Mes souvenirs sur Albert Mathiez // AHRF. 1959. № 156. P. 104-105.

¹⁸¹ J. Godechot. Un jury pour la Révolution. P. 285.

¹⁸² Ibid. P. 316-317.

С началом гитлеровской агрессии, Ж. Годшо, будучи истинным патриотом, счел своим долгом, как и многие французские историки, сменить перо на оружие. В годы оккупации Франции упорно преследуемый нацистами за еврейское происхождение, он принял участие в движении Сопротивления и смог вернуться к научной работе лишь после изгнания захватчиков с родной земли. Расцвет его творчества пришелся на послевоенный период, когда Ж. Годшо обосновался в Тулузе, где стал преподавать в местном университете. В 1961-1971 гг. он занимал там должность декана гуманитарного факультета. В Тулузе Ж. Годшо провел большую часть своей жизни и создал там свои основные труды, переведенные на многие иностранные языки. Будучи прекрасным организатором науки, он многое сделал для развития исследований по истории Революции на юге Франции¹⁸³.

В 1975-1985 гг. Ж. Годшо возглавил Комиссию Французской революции при Международном комитете историков, а с 1959 г. и до конца своей жизни являлся одним из сопредседателей Общества робеспьеристских исследований.

Я не ставлю себе целью дать здесь всестороннее освещение богатого творческого наследия Ж. Годшо — более двадцати пяти книг и двухсот статей по различным сюжетам политической истории Французской революции и наполеоновской эпохи, многочисленные историографические обзоры и т. д.¹⁸⁴. Такую задачу просто не осилить в рамках одной статьи. Моя цель скромнее: воссоздать портрет знаменитого историка через призму моего личного восприятия, а также коснуться темы его научных связей с советскими коллегами, свидетельствовавших о бескорыстной заинтересованности французского ученого в углублении и расширении сотрудничества историков двух стран.

¹⁸³ J. Godechot. *La Révolution dans le Midi toulousain*. Toulouse. 1986. См. о его многоплановой деятельности в этом направлении: G. Fournier. Jacques Godechot et le Midi toulousain // AHRF. 1990. № 281. P. 318-328.

¹⁸⁴ См. не полный список его трудов: *Bibliographie des travaux de Jacques Godechot* // J. Godechot. *Regards sur l'époque révolutionnaire*. Toulouse. 1980. P. 11-26.

Поступив в декабре 1977 г. в аспирантуру Института всеобщей истории АН СССР, я под руководством В.М. Далина занялся изучением политической истории времен Директории. Этот период Французской революции был совершенно неразработан ни в дореволюционной, ни в советской историографии. Удивляться здесь нечему, если учесть своеобразие развития советской исторической науки: тому были весьма веские причины, суть которых я тогда не понимал. Во-первых, долгое время история Директории, в соответствии со сталинской интерпретацией Французской революции, не рассматривалась в качестве составной части последней¹⁸⁵. Кроме того, французское крестьянство, удовлетворенное приобретением земельной собственности в предшествующий период Революции, не проявляло при Директории особой активности. Пассивностью тогда отличалось и поведение городских низов. Иначе говоря, в этот период не было во Франции широкомасштабных социальных конфликтов. А поскольку для марксистской исторической науки наибольший интерес представляла именно тема классовой борьбы, история Директории почти полностью выпадала из поля зрения советских историков. По существу, их интересовала лишь история бабувистского движения¹⁸⁶.

Деятельность правых политических сил, не говоря уж об истории контрреволюции, а также многие другие аспекты Французской революции, не имеющие прямой связи с классовой борьбой и идеологией народных масс, оставались для советской историографии сюжетами не слишком желательными. И сегодня, оглядываясь на обстоятельства выбора предложенной В.М. Далиным темы моей кандидатской диссертации о перевороте 18 фрюктидора (то есть, по сути, о французской контрреволюции), я поражаюсь, как она вообще была утверждена.

В первом же разговоре со мной на этот счет В.М. Далин посоветовал прочесть обобщающие монографии А. Матьеа и

¹⁸⁵ См.: А.В. Гордон. Великая французская революция в советской историографии. С. 108-109.

¹⁸⁶ См. об этом: М.Ю. Чепурина. Указ. соч. С. 271-294.

Ж. Лефевра по истории «Директории»¹⁸⁷. И вот в первых числах января 1978 г., открыв в библиотеке ИНИОНа «Директорию» А. Матъеза, я впервые увидел фамилию его ученика — Жака Годшо, взявшего на себя труд подготовить к печати книгу после безвременной кончины ее автора (впоследствии он называл эту работу честью для себя)¹⁸⁸. После ознакомления с книгами двух выдающихся историков, я не дожидаясь указаний В.М. Далина, начал сам искать необходимую мне литературу в каталоге библиотеки и первым делом просмотрел карточки на книги Ж. Годшо. Передо мной открылся многообразный и радужный мир истории не только Директории, но и всей революционной эпохи. Правда, тогда же состоялось и мое первое знакомство с трудами других крупных специалистов по истории Директории — А. Собуля (его переведенные на русский язык книги я успел приобрести еще в студенческие годы)¹⁸⁹, Ж.-Р. Сюратто, И. Волоха и др. Но поскольку книги Ж. Годшо по моей тематике представляли для меня наибольший интерес, я первым делом заказал его исследования о контрреволюции¹⁹⁰. Только после этого на моем письменном столе появились и другие его монографии, такие как «Комиссары армии в годы Директории», «Учреждения Франции в годы Революции и Империи»¹⁹¹ и др., в том числе те, где излагалась теория «атлантической» революции, хотя я ничего тогда о ней еще не знал. Признаюсь, я довольствовался пока лишь беглым просмотром его книг, по сути дела не вникая в них,

¹⁸⁷ **A. Mathiez.** Le Directoire du 11 brumaire an IV au 18 fructidor an V, publié d'après les manuscrits de l'auteur par Jacques Godechot. Paris. 1934 ; **G. Lefebvre.** Le Directoire. Paris. 1946.

¹⁸⁸ **J. Godechot.** Un jury pour la Révolution. P. 305. Досадно, что издание книги А. Матъеза было недавно, по недоразумению, приписано Ж. Лефевру. См.: **C. Delacroix, F. Dosse & P. Garcia.** Les courants historiques en France XIXe-XXe siècle. Édition revue et augmentée. Paris. 2009. P. 180.

¹⁸⁹ Примечательно, что сам А. Собуль, человек исключительно скромный, себя не считал специалистом по истории Директории, о чем сказал мне в июне 1978 г. в Ясной Поляне, при нашем совместном посещении дома-музея Л.Н. Толстого.

¹⁹⁰ **J. Godechot.** La propagande royaliste aux armées sous le Directoire. Paris. 1933 ; *idem* : La contre-révolution. Doctrine et action, 1789-1804. Paris. 1961.

¹⁹¹ **J. Godechot.** Les commissaires aux armées sous le Directoire. Paris. 1937. Т. 1-2 ; *idem* : Les institutions de la France sous la Révolution et l'Empire. Paris. 1951.

поскольку для глубокого осмысления у меня не хватало времени: я готовился к выступлению на заседании сектора Новой истории капиталистических стран Европы, где должны были утвердить тему моей кандидатской диссертации.

Тем не менее, первое, даже беглое, знакомство с богатейшим творчеством Ж. Годшо произвело на меня неизгладимое впечатление. Было очевидно, что природа наделила его не только нестигаемой волей, но и завидным трудолюбием, сопоставимым лишь с «титанической» работоспособностью Жильята — героя романа «Труженики моря» Гюго. Я был поражен тем, как много он успел написать, в отличие от советских франковедов. Тогда я еще не понимал, что нелепо прибегать к столь прямолинейному сравнению. Мало того, что французский историк проживал в непосредственной близости от мест хранения необходимых ему источников, он еще имел широкие возможности для длительных заграничных научных командировок в другие страны, тогда как его советские коллеги, за редкими исключениями, были этого лишены.

Уже впоследствии я с особым вниманием и с большой для себя пользой прочел основные труды Ж. Годшо и быстро понял, как истории Французской революции повезло, что этот французский историк еврейского происхождения¹⁹² выбрал именно ее. Происхождение, по признанию самого Ж. Годшо, сыграло решающую роль в окончательном определении его научных интересов. Лишившись материнской ласки в шестилетнем возрасте, Ж. Годшо много позже вспоминал об одном из эпизодов своего детства: в 1911 или 1912 гг., в своем родном городе Люневилле, проходя в одном из парков мимо памятника аббату Грегуару, он спросил у матери, кто это? Мать ответила: человек, которому они, французские евреи, обязаны тем, кем они есть. Пятилетний ребенок, естественно, не мог осмыслить всю суть ответа, но позднее он узнал о деятельности аббата Грегуара, ратовавшего в 1791 г. в Учредительном собрании за предоставление проживавшим во Франции евреям полной свободы

¹⁹² Как это ни парадоксально, о его еврейском происхождении, о чем он не раз упоминал, Ж. Ле Гофф и П. Тубер с изумлением узнали от автора этих строк в Павловске, при посещении императорского дворца российского венценосца в октябре 1989 г.

передвижения, равенства в гражданских правах с французами¹⁹³ и достигшего на этом неимоверно сложном пути блестящего успеха. По признанию историка, после этого «откровения» он стал испытывать восхищение Французской революцией, что побудило его с самого начала своей учебы в высшем учебном заведении заинтересоваться ею и специализироваться на этом важном периоде истории Франции¹⁹⁴.

С годами, по мере углубления в сложные перипетии французской историографии, интерес к этому именитому исследователю у меня возрос. Тому были разные причины. Прежде всего я заметил, что Ж. Годшо был историком-архивистом, а это обстоятельство для меня имеет первостепенное значение: так меня воспитывали мои наставники еще в студенческие годы, а позднее на необходимости использования архивной документации для воссоздания полноценной картины исторических событий упорно настаивал и В.М. Далин. Еще первая серьезная монография Ж. Годшо о комиссарах Директории поразила меня обилием использованных первоисточников, извлеченных из архивов различных европейских стран (Германии, Швейцарии, Италии и др.), и скрупулезным их изучением.

Со временем я стал еще выше его ценить за колоссальные, разносторонние знания, обширнейшую эрудицию (я всегда считал ее одним из основных достоинств историка), во многом способствовавшую расширению моей собственной. Особо хотелось бы подчеркнуть также ясность его языка. Блестящий стилист, Ж. Годшо, как никто из его французских коллег, умел выражать сложнейшие мысли доступным языком и зачастую в художественной форме. Ряд его глубоко научных книг, таких как «Взятие Бастилии», «Контрреволюция» или «Граф д'Антрэг», написаны столь живо и увлекательно, что почти не отличаются

¹⁹³ См. о нем: **A. Soboul.** Une conscience religieuse au temps de la Révolution, l'abbé Grégoire (1750-1831) // **A. Soboul.** Portraits de révolutionnaires. Paris. 1986. P. 137-156.

¹⁹⁴ **J. Godechot.** La Révolution française et les Juifs (1789-1799) // **AHRF.** 1976. N° 223. P. 47. Отметим, что первые его научные статьи были посвящены истории еврейской общины Нанси. См. об этом: **B. Gainot.** La contribution de Jacques Godechot aux *Annales historiques de la Révolution française* // **AHRF.** 2008. N° 353. P. 114.

от остросюжетных художественных романов Санд, Сю или Дюма отца, когда захваченный повествованием читатель ни на мгновение не может оторваться от строк автора.

Мне особо импонировал постоянный интерес Ж. Годшо к самой сложной дисциплине исторической науки — историографии, к которой я сам со студенческих лет относился равнодушно, с большим интересом читая изредка появлявшиеся в советских научных изданиях статьи о жизненном пути и творчестве некоторых крупных историков, таких как Е.В. Тарле, М.В. Нечкина и др. Испытывая особый интерес к этой отрасли науки, я, однако, еще не представлял себе, что она отнюдь не для начинающего исследователя. С первых месяцев обучения в аспирантуре, в поисках материалов по истории Директории в журнале «Исторические анналы Французской революции», я заметил, что буквально в каждом номере Ж. Годшо, помимо собственно статей, публиковал по несколько рецензий на книги французских и зарубежных исследователей¹⁹⁵. Столь щедрое отношение к автору со стороны руководства периодического издания не могло не поразить советского историка, привыкшего к тому, что авторы у нас порою ждали годами права даже на одну-единственную публикацию в журнале.

Для меня своего рода «открытием» явилось сотрудничество Ж. Годшо с журналом «Ревю историк», где он регулярно публиковал написанные на высоком научном уровне пространственные историографические обзоры, в которых подвергал критическому анализу достижения мировой науки за семь-восемь лет в изучении Французской революции. К сожалению, эта позитивная тенденция, присущая французской историографии в целом, не нашла подражателей в советской науке. Правда, советские историки изредка освещали достижения отечественной науки в области изучения Французской революции, но поскольку их итоговые обзоры не носили, к сожалению, регулярного характера¹⁹⁶, проделанная ими работа была не сопоставима с

¹⁹⁵ См. о его плодотворном сотрудничестве с журналом: Ibid. P. 114-116.

¹⁹⁶ См.: В.А. Дунаевский. Великая французская революция в советской историографии (1917-1941 гг.). С. 45-88; В.М. Далин. Изучение Великой французской революции в СССР // В.М. Далин. Историки Франции XIX-XX веков. С. 65-95; Л.А. Пименова. О советской историографии Великой французской революции (1979-1986 гг.) // Великая французская

колоссальными усилиями Ж. Годшо.

Меня также в немалой степени привлекал независимый характер Ж. Годшо — беспартийного историка, не примыкавшего ни к одному из направлений французской исторической науки и не принадлежавшего ни к одной исторической школе. Его ученик К. Птифрер считал такую позицию одним из достоинств своего учителя, делавшим ему честь. По свидетельству К. Птифрера, Ж. Годшо «восхищался одновременно и Жаном Жоресом, и Шарлем де Голлем. Он с интересом следил за работами "школы Анналов", не принадлежа к ней. Ни в коей мере не будучи марксистом, он признавал значение некоторых аспектов марксистской интерпретации и при необходимости прибегал к ней. Он с большой гордостью носил эпитет независимого историка»¹⁹⁷.

Советским историкам, и в том числе В.М. Далину и А.В. Адо, было известно, что Ж. Годшо не принимая марксизм полностью, тем не менее, в оценке истории Французской революции как социального переворота придерживался сходной с ними позиции. Примечательна одна из наших бесед с А.В. Адо. В ноябре 1983 г. Анатолий Васильевич заговорил о том, что концепция Французской революции Ж. Годшо близка к интерпретации истории Революции советскими историками. В то же время он высказал свое недовольство его рецензией на книгу «Постижение Французской революции» Ф. Фюре¹⁹⁸. По мнению А.В. Адо Ж. Годшо «не понял ее главного содержания». Поскольку прошедшие годы стерли из моей памяти содержание рецензии, я ограничился замечанием, что французский историк все же не обязан смотреть на историю Французской революции

революция и Россия. Под ред. А.В. Адо и В.Г. Сироткина. М. 1989. С. 119-125. Отрадно, что Д.Ю. Бовыкин недавно написал обстоятельный аналитический обзор на эту тему: Д.Ю. Бовыкин. О современной российской историографии Французской революции XVIII века (полемические заметки) // НиНИ. 2007. № 1. С. 48-73.

¹⁹⁷ С. *Petitfrère*. Jacques Godechot (1907-1989) // AHRF. 1990. № 281. P. 317. Он также вспоминал различные мысли о жизни и о науке, которыми делился с ним Ж. Годшо. И выражал ему свою беспредельную признательность за осознание «цены свободы» (курсив наш — В.П.). Ibidem.

¹⁹⁸ См. рец. Ж. Годшо на книгу: F. Furet. *Penser la Révolution française*. Paris. 1979 // AHRF. 1979. № 235. P. 135-139. Русск. пер.: Ж. Годшо. О книге Ф. Фюре // ФЕ — 1979. С. 255-260.

глазами советского историка-марксиста, с чем он согласился.

Однако пять лет спустя, вспомнив про этот разговор, я перечел указанную рецензию Ж. Годшо. Оказалось, что в 1983 г., и А.В. Адо, *sit venia verbo*, и я, упустили одну важную деталь в тексте Ж. Годшо. Суть дела такова: А.В. Адо, долгие годы полимизировал с представителями критического течения французской историографии, в том числе с одним из лидеров «третьего поколения» «Анналов» Ф. Фюре, о направлении социально-экономического развития Франции при Старом порядке и о характере Французской революции. Читая рецензию Ж. Годшо, он, в отличие от меня, несомненно, обратил внимание на то, что ее автор обошел молчанием эти важнейшие аспекты, что по-видимому и вызвало реплику А.В. Адо о проявленном Ж. Годшо «непонимании», так как именно их советский историк считал осью той концепции Французской революции, которую во второй главе своей книги предложил Ф. Фюре. Не случайно, что после того, как эта глава в виде статьи была в 1971 г. опубликована в «Анналах», А.В. Адо написал на нее критическую рецензию¹⁹⁹.

Между тем, Ж. Годшо вполне осознанно воздержался от обсуждения соответствующей главы книги Ф. Фюре, отметив: «Я не заговорю о второй главе, посвященной революционному катехизису», так как она, как он разъяснял, представляет собой критику воззрений А. Собуля и К. Мазорика, на которую оба уже ответили. В заключение Ж. Годшо подчеркнул: «Я предпочитаю четкие и логичные выводы Собыля и Мазорика слишком усложненным и туманным рассуждениям Франсуа Фюре»²⁰⁰. Таково было его отношение к марксистской интерпретации истории Французской революции.

Это отнюдь не означает, что между подходами Ж. Годшо и советских историков к освещению Французской революции не было подчас довольно существенных расхождений методологического характера. В связи с этим необходимо упомянуть о нашумевшей теории «атлантической» революции и на отношении к ней самого ее автора. Указанная теория, впервые выдвинутая Ж. Годшо вместе с американским историком Р. Палмером в 1955 г. на Римском

¹⁹⁹ А.В. Адо. Очередная атака на марксистскую концепцию Французской революции конца XVIII века // ВИ. 1973. № 4. С. 178-180.

²⁰⁰ АНRF. 1979. № 235. Р. 138.

конгрессе по историческим наукам, была позднее развита им в ряде книг²⁰¹, представляющих значительный научный интерес.

С самого начала оба автора новой теории неоднократно подвергались ожесточенной критике со стороны представителей различных историографических направлений²⁰², прежде всего, со стороны советских и французских историков-марксистов²⁰³. Обуславливая появление этой теории, главным образом, необходимостью обоснования созданного в 1949 г. при «холодной войне» военно-политического блока НАТО, оппоненты Ж. Годшо и Р. Палмера, исходя из сложившейся на международной арене напряженной политической обстановки, сконцентрировали внимание исключительно на представлявших для них наибольший интерес политических обстоятельствах, послуживших, как они полагали, единственной причиной, побудившей авторов теории интерпретировать историю Французской революции под новым углом зрения.

В то же время, как нам представляется, критики теории «атлантической» революции и впредь избегали ее всестороннего анализа, а это, подчас существенное обстоятельство привело, в конечном счете, к отрицанию какой бы то ни было ее познавательной ценности. Между тем, теория Ж. Годшо и Р. Палмера имела, на мой взгляд, важное позитивное значение, предлагая не ограничиваться при исследовании революционной эпохи одними лишь национальными рамками, а рассматривать революционные события на широком фоне европейской и всемирной истории, заниматься сравнительным изучением революционных мутаций

²⁰¹ **J. Godechot.** *La Grande Nation. L'expansion révolutionnaire de la France dans le monde de 1789 à 1799.* Т. 1-2. Paris. 1956 ; 2ème éd. : 1983 ; *idem* : *Les révolutions (1770-1799).* Paris. 1963 ; 4ème éd. : 1986 ; *idem* : *L'Europe et l'Amérique à l'époque napoléonienne.* Paris. 1967.

²⁰² См. об этом: **B. Gainot.** *Op. cit.* P. 124-126.

²⁰³ См. например: **А.З. Манфред.** Великая французская революция XVIII в. и современность: (к 175-летию революции) // *НиНИ.* 1964. № 4. С. 71-72; *его же:* О некоторых спорных и нерешенных вопросах историографии Великой французской революции // *ФЕ* — 1976. М. 1978. С. 172-173; **А. Собыль.** Классическая историография Французской революции. О нынешних спорах // Там же. С. 157-159; **A. Soboul.** *La civilisation et la Révolution française.* Т. 2. *La Révolution française.* Paris. 1982. P. 35, 38-39.

в различных странах. Подход Ж. Годшо и Р. Палмера позволял также пролить свет на влияние Французской революции за пределами Франции, до того времени досконально не исследованного. К тому же книги обоих авторов содержали богатейший фактический материал, значение которого трудно переоценить.

Политические и идеологические аспекты критики, безусловно, полностью превалировали над чисто научным обсуждением этого нового подхода в изучении революционных потрясений конца XVIII — начала XIX столетия в мировом масштабе и лишали оппонентов Ж. Годшо и Р. Палмера возможности проявить многоплановый и глубоко научный подход. По моему мнению, именно такая интерпретация теории «атлантической» революции позволила бы критикам намного более объективно оценить вклад обоих авторов и способствовала бы не только выяснению легших в ее основу политических обстоятельств, наличие которых я не оспариваю, но и точному определению места этого оригинального подхода.

Ж. Годшо не раз отвечал на явно одностороннюю интерпретацию его теории марксистскими коллегами. Чтобы сохранить беспристрастность, отмечу, однако, что он и сам не всегда отличался последовательностью в трактовке критических замечаний некоторых из своих оппонентов, то полностью отрицая какую-либо политическую подоплеку теории «атлантической» революции²⁰⁴, то уклончиво возлагая ответственность за ее привнесение на одного Р. Палмера, кого позднее стал подозревать в тайном замысле дать «историческое оправдание атлантическому союзу» в 1955 г., как представленным конгрессу самим докладом, так и предстоявшими неизбежными обсуждениями²⁰⁵. В любом случае, на склоне лет Ж. Годшо, отвечая на политические и подчас крайне тенденциозные обвинения²⁰⁶, писал: «В этом анализе [теории] есть и соответствующие действительности, и ложные тезисы (*il y a du vrai et du faux dans cette analyse*)... Но ни Палмер, ни я, никогда не имели желания отрицать характерные черты Французской революции и ее величие»²⁰⁷. Хочу обратить внимание на эти его

²⁰⁴ J. Godechot. Un jury pour la Révolution. P. 358-360.

²⁰⁵ J. Godechot. Soboul, tel que je l'ai connu // AHRF. 1982. N° 250. P. 544.

²⁰⁶ См.: J. Godechot. La Grande Nation. 2ème éd. P. 9.

²⁰⁷ J. Godechot. Soboul, tel que je l'ai connu. P. 544.

слова, поскольку А. Собуль и А.З. Манфред даже в середине 1970-х гг. продолжали, на мой взгляд, явно несправедливо, критиковать Ж. Годшо за отрицание «исторического величия» и «национальных цветов» Французской революции²⁰⁸, несмотря на заметную эволюцию его взглядов в 1960-1970-х гг., проявившуюся в усилении внимания к социальной стороне Революции²⁰⁹. Не могу не согласиться с выводом Ж. Годшо о том, что этот спор был проекцией идеологических баталий «холодной войны» на плоскости исторической науки²¹⁰.

Намного более объективная оценка теории «атлантической» революции была дана во французской исторической науке уже после кончины Ж. Годшо, в частности, историком-марксистом М. Вовелем. Он по праву подчеркнул неоспоримые заслуги Ж. Годшо в расширении перспектив исследований о влиянии Французской революции на обширные географические пространства и подчеркнул плодотворность такого метода в изучении революционной эпохи, открывающего, в особенности, новые рубежи для сравнительного исследования европейских революций в различных странах — от Италии и до Центральной Европы²¹¹. Полностью разделяю такую оценку.

О решительности самого Ж. Годшо отстаивать необходимость изучения истории Французской революции на широком фоне революционных событий в Европе и в Америке свидетельствует хотя бы тот факт, что он не отказался от теории «атлантической» революции не только после выхода Франции из НАТО в 1966 г., но и в последующие годы²¹², в отличие от Ф. Фюре, часто

²⁰⁸ А. Собуль. Указ. соч. С. 158; А.З. Манфред. О некоторых спорных и нерешенных вопросах историографии Великой французской революции. С. 173.

²⁰⁹ См. об этом: О. Bétourné, A.I. Hartig. *Penser l'histoire de la Révolution. Deux siècles de passion française*. Paris. 1989. P. 123.

²¹⁰ J. Godechot. *Op. cit.* P. 544.

²¹¹ M. Vovelle. Jacques Godechot, historien de la Révolution française // AHRF. 1990. N° 281. P. 305 ; см. также: C. Petitfrère. *Op. cit.* P. 314-315 ; B. Gainot. La place de l'historiographie italienne dans l'œuvre de Jacques Godechot sur le Triennio // I lumi e la rivoluzione francese nel dibattito italiano del XX secolo. Firenze. 2010. P. 144.

²¹² J. Godechot. *La Révolution française. Chronologie commentée, 1787-1799*. Paris. 1988 ; *idem* : *L'ère des révolutions // L'état de la France pendant la Révolution (1789-1799)*. Sous la direction de Michel Vovelle. Paris. 1988. P. 12-16.

менявшего свои взгляды по частным вопросам, не всегда это обосновывая²¹³.

* * *

Если советские историки были в курсе всех основных процессов, происходивших во французской историографии, то, к сожалению, того же нельзя сказать об осведомленности французских исследователей относительно достижений советской исторической науки. Причина тому — их незнание русского языка. Однако несмотря на это и на имевшиеся существенные разногласия, Ж. Годшо проявлял к работе советских историков неизменный интерес и прилагал активные усилия для развития сотрудничества. Он неоднократно принимал участие в двухсторонних встречах историков СССР и Франции, выступал с рецензиями на работы советских коллег (в частности, А.З. Манфреда и В.М. Далина), переведенные на французский язык, сам неоднократно публиковался во «Французском ежегоднике» и выступил одним из авторов сборника «Великая французская революция и Россия»²¹⁴.

Словом, с советскими историками Ж. Годшо связывала многолетняя творческая дружба. В свою очередь, и А.З. Манфред высоко ценил личный вклад «крупнейшего специалиста по проблемам истории Французской революции» «в развитие научного сотрудничества историков наших двух стран»²¹⁵. Но мне все же гораздо проще судить о связях Ж. Годшо с советскими историками на примере его взаимоотношений с В.М. Далиным, и в особенности, их переписки, поскольку возможностей лично встретиться у них было немного: Виктор Моисеевич принадлежал к числу «невъездных», а французскому историку довелось побывать в СССР лишь дважды — для участия в работе IV коллоквиума советских и французских историков в Ереване (1969 г.) и XIII Международного конгресса историков в Москве (1970 г.).

В.М. Далин, человек крайне добросовестный и высокоот-

²¹³ См. об этом: О. Bétourné, A.I. Hartig. Op. cit. P. 32-33.

²¹⁴ Ж. Годшо. Революционная экспансия в Европе и Америке // Великая французская революция и Россия. С. 82-90.

²¹⁵ А.З. Манфред. Указ. соч. С. 172, 173.

ветственный, с удовольствием держал французского коллегу в курсе новейших советских публикаций по истории Франции, отправлял ему не только выпуски «Французского ежегодника», очередные тома сочинений Г. Бабефа, свои монографии и статьи, но и другие советские издания²¹⁶.

Поэтому после выхода первых же моих статей по истории Директории В.М. Далин сразу рекомендовал мне отправить их оттиски на просмотр Ж. Годшо, тем более, что тот публиковал в «Ревю историк» аналитические обзоры по историографии. В отличие от некоторых своих французских коллег, Ж. Годшо, несмотря на преклонный возраст, не считал ниже своего достоинства отвечать на мои письма и высказать мнение о первых работах начинающегося советского исследователя. Его послания свидетельствовали о том пристальном внимании, с которым он следил за публикациями во «Французском ежегоднике», ибо относительно опубликованных в нем моих статей он неизменно сообщал, что еще до получения оттисков был знаком с их содержанием, поскольку в ежегоднике тогда все статьи сопровождались резюме на французском языке.

Особенно мне запомнилось первое письмо Ж. Годшо о моей статье «Павел I и Людовик XVIII»²¹⁷, пришедшее ко мне в Ереван с невероятными затруднениями: оно было получено Институтом истории СССР АН СССР, оттуда было отправлено в Институт археологии и этнографии АН АрмССР, и только потом доставлено в Институт истории, где я работаю. Так же, как В.М. Далин, я не сомневался, что Ж. Годшо, крупнейшего специалиста по истории французской контрреволюции, тематика моей статьи, написанной на основе неопубликованных документов Архива внешней политики Российской империи, заинтересует. Но письменного отклика с его стороны, признаюсь, не ожидал. На основе одного резюме им была дана всесторонняя, глубоко научная оценка моего текста. Было, в особенности, приятно

²¹⁶ К В.М. Далину с просьбой помочь им в приобретении советских изданий неоднократно обращались и многие другие его зарубежные коллеги, что и побудило Е.В. Киселеву не без иронии как-то сказать: «Эти французы Виктора Моисеевича разорят».

²¹⁷ В.А. Погосян. Павел I и Людовик XVIII // ФЕ — 1980. М. 1982. С. 204-210.

прочитать следующее: «Сожалею только, что не знаю русского языка, чтобы прочитать ее полностью»²¹⁸. В тот же вечер я отправил копию этого письма В.М. Далину, вскоре приславшего лапидарный ответ: «Очень за Вас рад»²¹⁹.

Ж. Годшо и в последующих письмах неоднократно высказывал свое сожаление из-за незнания русского языка. Меня очень огорчило одно из его писем, после того, как я отправил ему свою статью о выборах V года (1797 г.) в Законодательный корпус при Директории²²⁰. Он писал: «Поскольку, к несчастью, я не знаю русского, то не смог ее прочитать»²²¹. Правда, он поблагодарил меня за ссылки на его исследования: на сей раз это оказалось единственно доступным для него в моей статье, ибо в журнале «Новая и новейшая история» статьи публиковались тогда без резюме на европейских языках.

Поскольку его мнение о некоторых затронутых мною дискуссионных темах представляло для меня несомненный интерес, мне ничего не оставалось, как отправить ему написанное специально для него резюме статьи на французском языке. Незамедлительно последовал его ответ. Однако, на этот раз, в отличие от предыдущих, он высказал соображения, свидетельствующие о его неполном согласии с некоторыми из моих интерпретаций, что, впрочем, меня не удивило. Ж. Годшо, в частности, выразил удивление в связи с приведенным мной сообщением российского посла в Испании Бицова о создании в годы Директории на Пиренеях войскового подразделения французских эмигрантов. Первостепенное значение в победе роялистов на выборах V года он придавал роялистской пропаганде, а не недовольству народа внутренней политикой Директории, как я утверждал. Он обращал также мое внимание на деятельность на Юге секретной организации «Аа», что мною было упущено из-за отсутствия необходимой

²¹⁸ Письмо Ж. Годшо автору от 20 июня 1983 г. Личный архив В.А. Погосяна.

²¹⁹ Письмо В.М. Далина автору от 9 ноября 1983 г. Личный архив В.А. Погосяна.

²²⁰ В.А. Погосян. Роялисты, Директория и выборы 1797 года // НиНИ. 1988. № 2. С. 247-262.

²²¹ Письмо Ж. Годшо автору от 1 октября 1988 г. Личный архив В.А. Погосяна.

источниковой базы. И, что для меня было еще существеннее, он настаивал на решимости Директории прибегнуть к помощи армии для осуществления государственного переворота, начиная с июня 1797 г.²²².

Мне, как автору, письмо Ж. Годшо не только дало повод для размышлений, но и доставило большое удовольствие, ибо наконец-то мне предоставилась возможность полемизировать с ним напрямую. В ответном письме я безоговорочно принял его замечание, связанное с деятельностью роялистских организаций на Юге, и выразил уверенность в достоверности информации Бицова, ссылаясь, при этом и на его донесения за 1798 г., которые в статье не использовал. Что касается спорного вопроса об осмыслении Директорией роли армии в судьбах Республики, я подтвердил свою прежнюю позицию, согласно которой, в понимании некоторыми членами правительства роли армии решающим рубежом стали выборы V года, открывшие путь для государственного переворота 18 фрюктидора (4 сентября). При этом я отлично сознавал, что наша полемика о существенных вопросах по истории Директории все же не была, да и не могла быть полноценной, поскольку с текстом моей статьи он не был знаком. Как бы то ни было, Ж. Годшо не обошел молчанием мой ответ: «Меня очень заинтересовали Ваши соображения по поводу моего письма от 30 марта. Они мне представляются очень верными», — писал он в ответном послании²²³.

Учитывая постоянный и не ослабевающий с годами интерес Ж. Годшо к советской науке, я после кончины В.М. Далина взял на себя труд отправлять ему не только мои статьи, но и, по возможности, книги других советских историков по истории Французской революции. Запомнилась его восторженная реакция на монографию Б.С. Итенберга «Россия и Великая французская революция»²²⁴, автор которой применял совершенно новый подход к исследуемой теме, впервые обратившись к изучению образа Революции в коллективной памяти россиян на протяжении XIX

²²² Письмо Ж. Годшо автору от 30 марта 1989 г. Личный архив В.А. Погосяна.

²²³ Письмо Ж. Годшо автору от 28 мая 1989 г. Личный архив В.А. Погосяна.

²²⁴ Б.С. Итенберг. Россия и Великая французская революция. М. 1988.

столетия. После ознакомления с этой книгой Ж. Годшо писал: «Я никогда так не сожалел о моем незнании русского языка. Я смог прочесть всего-навсего заглавия [глав]»²²⁵. Интересно отметить, что здесь он практически дословно процитировал своего учителя А. Матьеа, как-то заявившего: «Я никогда так не сожалел, как сейчас, что не использовал своей молодости для того, чтобы приобрести это совершенно необходимое знание»²²⁶.

Это обстоятельство, являвшееся, к сожалению, своего рода «ахиллесовой пятой» для представителей различных поколений и направлений французской исторической науки, во многом ограничивало их возможности получить полноценное и многогранное представление о достижениях в тех областях науки, которым они посвятили свою жизнь. Об этом они неоднократно отзывались с большой досадой.

* * *

Будучи с 1978 г. постоянным читателем «Исторических анналов Французской революции», я с большим интересом просматривал, в частности, обширный раздел рецензий, где разные авторы, и в особенности, Ж. Годшо, регулярно освещали новейшие достижения исторической науки в изучении истории Революции не только во Франции, но и за ее пределами. В то же время у меня душа болела из-за того, что за долгие годы ни разу мне так и не попала на глаза хотя бы одна рецензия на русскоязычное советское издание. Ж. Годшо, о чем я уже говорил, подвергал критическому разбору лишь те книги и статьи советских историков, что переводились на французский язык.

Мое терпение, наконец, лопнуло, и зимой 1988 г., разговаривая с находившимся в Ереване Ш.-О. Карбонелем, учеником Ж. Годшо, я критически высказался о том, что французские коллеги «пренебрегают» достижениями советской науки, и предложил писать для «Исторических анналов Французской революции» рецензии на книги советских франковедов. Выслушав это предложение, мой собеседник после некоторых раздумий и не

²²⁵ Письмо Ж. Годшо автору от 12 февраля 1989 г. Личный архив В.А. Погосяна.

²²⁶ Цит. по: В.М. Далин. Указ. соч. С. 91.

слишком охотно — советские-то журналы, как он заявил, уделяют внимание лишь работам французских историков-марксистов — пригласил меня выступить в роли рецензента и представить в журнале пару рецензий на новейшие советские издания.

После его отъезда я написал две рецензии на книги В.А. Дунаевского и А.Б. Цфасмана о Н.М. Лукине и Л.А. Пименовой о дворянстве накануне Французской революции²²⁷. Их я отправил на просмотр Ж. Годшо как одному из руководителей журнала — после кончины А. Собуля у меня тогда еще не было других выходов на руководство издания. Вскоре я получил одобрительный ответ, где отмечалось: «С большим интересом прочел Ваши рецензии и отправляю их той же почтой Мишелю Вовелю с просьбой опубликовать их как можно быстрее в "Исторических анналах Французской революции". Думаю, что книги, на которые Вы написали рецензии, неизвестны большинству наших французских коллег. Чтение этих рецензий доставит им радость»²²⁸.

Почти год спустя я написал еще одну рецензию на упомянутую монографию Б.С. Итенберга, но при этом посчитал нелишним заранее посоветоваться с Ж. Годшо. Узнав о моем намерении, он и на сей раз поддержал мое предложение: «Исследуемая тема интересна и оригинальна. Ваша рецензия для "Исторических анналов Французской революции" будет желанной»²²⁹. По стечению обстоятельств, М. Вовель опубликовал все три рецензии в одном номере журнала, причем, именно в том, который был посвящен памяти Ж. Годшо²³⁰. Мне было очень грустно, что мой вдохновитель не смог прочесть их в опубликованном виде. Но, в глубине души не сомневался, что выйди они в свет при его жизни, он бы, конечно, на них откликнулся. С другой стороны, я воспринял эти публикации в посвященном ему номере как возвращение моего скромного долга светлой и незабвенной памяти этого историка, которому я столь многим был обязан в

²²⁷ В.А. Дунаевский, А.Б. Цфасман. Указ. соч.; Л.А. Пименова. Дворянство накануне Великой Французской революции. М. 1986.

²²⁸ Письмо Ж. Годшо автору от 19 августа 1988 г. Личный архив В.А. Погосяна.

²²⁹ Письмо Ж. Годшо автору от 12 февраля 1989 г. Личный архив В.А. Погосяна.

²³⁰ АНRF. 1990. № 281. Р. 363-368.

науке.

То, что не довелось сделать Ж. Годшо, после его кончины выполнил А.В. Адо. О выходе этого номера журнала я, находясь в конце 1990 г. в Ереване, узнал из письма Анатолия Васильевича, которому мой ереванский адрес до того времени даже не был известен. В отличие от многих своих советских коллег, не считавших, по-видимому, необходимым уделять внимание популяризации своих достижений во Франции, он сразу же откликнулся на мою инициативу: «Только что получил « AHRF » № 281, и увидел там Ваши рецензии на книги В.А. Дунаевского, Л. Пименовой и Б. Итенберга. Поздравляю Вас с их выходом, в [этой] связи и хочу сказать Вам, что Вы сделали очень нужное дело. Обычно за границей очень плохо знают о том, что мы публикуем о Фр[анцузской] рев[олюции], и в этом плане информация, которую Вы делаете, очень существенна. Если найдете Вы время — думаю, не плохо Вам и дальше продолжать это (стать в том смысле советским Годшо), держать французских коллег в курсе того, что мы делаем»²³¹.

Весьма тронутый, я в ответном письме поблагодарил А.В. Адо за информацию, за проявленное внимание и добрые слова. Заинтересованный в продвижении нашего общего дела, он и впредь неоднократно поддерживал меня как в своих письмах, так и в личных разговорах, высказывая свое твердое убеждение в необходимости упрочения этой позитивной тенденции. Так, в письме от 12 января 1991 г. он писал: «Полностью разделяю Ваши мысли о необходимости как можно полнее информировать французских коллег о наших работах, тем более, что М. Vovelle (он и мне говорил об этом) тоже так считает. Просто мы очень неповоротливы в этом деле, и тем более надо приветствовать Вашу инициативу и Ваши усилия. Очень надеюсь, что Вы и далее сможете выкраивать время для этой столь нужной работы»²³².

²³¹ Письмо А.В. Адо автору от 2 декабря 1990 г. Личный архив В.А. Погосяна.

²³² Письмо А.В. Адо автору от 12 января 1991 г. Личный архив В.А. Погосяна. К слову сказать, его позицию неоднократно поддерживали и мои французские коллеги. См. письма автору С. Бианши от 11 февраля 1991 г., Б. Гэно от 10 апреля 1991 г. Однако, самым страстным поборником расширения нашего сотрудничества стал нынешний главный редактор «Исторических анналов Французской революции» Э. Лёверс, о чем свидетельствуют почти все его письма ко мне за последние два года.

Попутно отметим, что первые попытки в этом направлении были предприняты еще крупнейшим представителем дореволюционной российской науки Н.И. Кареевым, а затем одним из основоположников советской марксистской исторической школы Н.М. Лукиным. Оба они выступали в авторитетных французских журналах с обстоятельными обзорными статьями о достижениях российской и советской науки²³³. К сожалению, последователей у них не было.

Я давно заметил, что Анатолий Васильевич, с которым я общался не так часто, будучи крупным организатором науки, внесшим неоценимый вклад в развитие советской исторической науки, так же как В.М. Далин и Г.С. Кучеренко, был всецело поглощен бескорыстным служением этому делу, не стремясь выставлять напоказ свое имя²³⁴.

В то же время, после разговора с Ш.-О. Карбонелем, я задумался над тем, что его упреки в адрес советских историков не лишены основания. Ведь мы, теперь уже бывшие советские историки, концентрировали внимание главным образом на достижениях марксистской науки во Франции, а что касается представителей других направлений и, в частности, критического, группировавшихся вокруг школы «Анналов» и именуемых у нас в стране «ревизионистами», то к их научному творчеству проявлялось очевидно предвзятое отношение. Мы либо обходили молчанием труды этих авторов по истории Французской революции, либо писали о них под определенным, четко выявленным негативным углом зрения, подвергая их взгляды жесткой критике только на том основании, что они шли в разрез с марксистской интерпретацией истории Революции. Обе тенденции прекрасно прослеживались

²³³ N. Karéiev. La Révolution française dans la science historique russe // La Révolution française. 1902. T. 42 ; *idem* : Les travaux russes sur l'époque de la Révolution française depuis dix ans // Bulletin de la société d'histoire moderne. 1912 ; *idem* : Les derniers travaux des historiens russes sur la Révolution française (1912-1924) // AHRF. 1925. N° 9. P. 252-262 ; *idem* : Les études sur l'histoire de France en Russie depuis vingt ans (1911-1931) // Revue d'histoire moderne. 1931. N 35. P. 369-389 ; N. Loukine. La Révolution française dans les travaux des historiens soviétiques // AHRF. 1928. N° 2. P. 128-138.

²³⁴ Это было ведомо не только мне одному. Вспоминая об А.В. Адо, и А.В. Чудинов отмечает, что тот «никогда не показывал, что он мэтр». См.: Д.Ю. Бовыкин. Анатолий Васильевич Адо. С. 94.

на Западе, о чем не раз писали и напрямую нам говорили многие выдающиеся французские исследователи, в том числе Э. Леруа Ладюри и М. Ферро.

Не одобряя в глубине души такое отношение к французской исторической науке, я поделился этими мыслями с А.В. Адо. Вскоре выяснилось, что и он ратовал за представление на должном научном уровне достижений французской немарксистской науки в советских журналах, а потому одобрил мою позицию и на этот раз, за что я ему был весьма признателен. В январе 1991 г. он писал мне в этой связи: «Разумеется, справедливо и другое — наши отклики на французские работы; и здесь Ваши усилия очень уместны. Рецензия З.А. Чеканцевой прошла редколлегию ["Новой и новейшей истории"] (см. об этом ниже — В. П.), надеюсь, скоро будет опубликована. Отклик Ваш на « Dictionnaire historique de la Rév[olution] fr[ançai]se » был бы очень нужен²³⁵; и, одновременно, очень бы важно откликнуться на изданный под руков[одство]м Furet и Ozouf « Dictionnaire critique de la Révolution française ». Словом, я желаю Вам всякого успеха в том важном и нужном деле, которому Вы посвятили усилия»²³⁶.

Но в годы советской власти дать объективную оценку достижениям западной немарксистской науки было делом не из простых. Ведь даже Ж. Годшо, не раз выступивший с острой критикой в адрес Ф. Фюре, был «удостоен» со стороны одного из советских авторов, М.Н. Соколовой, для которой марксистские постулаты были в буквальном смысле слова « *idées fixes* », «почетного» титула «буржуазного историка»²³⁷. Попутно отмечу, что в 1984 г. при подготовке одного историографического обзора²³⁸ у меня появилось желание выступить против такой несправедливой, по моему убеждению, оценки Ж. Годшо. Однако Е.Б. Черняк, человек крайне осторожный и очень доб-

²³⁵ Речь идет о моей рецензии на книгу, посвященную памяти А. Собыля: *Dictionnaire historique de la Révolution française*. Publié sous la direction scientifique de J.-R. Suratteau. Paris. 1989 // ВИ. 1991. № 11. С. 227-229.

²³⁶ Письмо А.В. Адо автору от 12 января 1991 г. Личный архив В.А. Погосяна.

²³⁷ М.Н. Соколова. Современная французская историография. М. 1979. С. 250; *ее же*: Жак Годшо // НиНИ. 1989. № 3. С. 189.

²³⁸ В.А. Погосян. Директория в исторической литературе // ФЕ — 1983. С. 237-254.

рожелательно ко мне относившийся, с советами которого я неизменно считался как в научных, так и в жизненных вопросах, категорически воспротивился этому, исходя из моих интересов. Выслушав внимательно его возражения, я решил воздержаться от своего намерения. Однако, когда «горбачевская оттепель», неудачно названная «перестройкой», всколыхнула все сферы жизни советского общества, открыв их новым веяниям, я все же не упустил первую же появившуюся возможность, чтобы хотя бы в общих чертах выразить свое негативное отношение по поводу такой оценки.

Итак, после разговора с Ш.-О. Карбонелем я решил в меру своих возможностей, предпринять кое-какие шаги, направленные на популяризацию в советских журналах достижений французских историков, не придерживавшихся марксистской методологии. После кончины В.М. Далина в 1985 г. у меня возникли затруднения с публикацией статей во «Французском ежегоднике», и я стал сотрудничать с журналом «Новая и новейшая история». К руководителям журнала, ныне покойному Е.И. Тряпицину и В.Д. Вознесенскому, к которому до сих пор отношусь с глубоким и искренним уважением, я обратился в 1988 г. с предложением написать рецензию на только что появившуюся книгу Ж. Годшо «Французская революция. Комментированная хронология, 1787-1799». Вот там-то, в одной из сносок, с согласия В.Д. Вознесенского, я выразил свое недоумение характеристикой Ж. Годшо, как «буржуазного историка»²³⁹.

Как только эта рецензия была написана, я сообщил о том Ж. Годшо. Будучи олицетворением пунктуальности, о чем я могу судить исходя из нашей переписки²⁴⁰, он сразу же мне ответил и выразил свою признательность²⁴¹. Увы, эту рецензию ему уже было не суждено увидеть в опубликованном виде. Но на этот раз меня поблагодарили члены его семьи. Несмотря на

²³⁹ См. рец. В.А. Погосяна на книгу Ж. Годшо: **J. Godechot. La Révolution française. Chronologie commentée, 1787-1799** // НиНИ. 1989. № 6. С. 204.

²⁴⁰ О присущей ему обязательности упоминал и один из его близких друзей М. Булуазо. См.: **M. Bouloiseau. Mon ami Jacques Godechot** // АНRF. 1990. № 281. Р. 343.

²⁴¹ Письмо Ж. Годшо автору от 30 марта 1989 г. Личный архив В.А. Погосяна.

высказанные мной некоторые критические соображения, в том числе в связи с теорией «атлантической» революции, его сын Тьерри Годшо, проживающий в Париже, написал: «Рецензия на работу моего отца "Хронологические комментарии Французской революции" в журнале "Новая и новейшая история", получена моей матерью, поручившей мне поблагодарить Вас. Она очень тронута вниманием и хвалебными оценками, которые Вы сочли желательным высказать о последней книге моего отца»²⁴².

Помня о замечании Ш.-О. Карбонеля, я посчитал целесообразным организовать, уже после смерти Ж. Годшо, публикацию рецензии и на переиздание его книги «Взятие Бастилии»²⁴³, тем более, что его постоянный оппонент по теории «атлантической» революции А.З. Манфред в свое время охарактеризовал ее (наряду с монографией «Комиссары армии в годы Директории») как «образцовую»²⁴⁴. Поскольку за короткий срок в журнале «Новая и новейшая история» мне пришлось выступить о Ж. Годшо дважды²⁴⁵, было бы желательно, чтобы рецензию на эту книгу написал бы кто-то из моих коллег, лучше даже специалист по истории Старого порядка. Поэтому, с такой просьбой я обратился к моему хорошему другу, З.А. Чеканцевой, которая сразу же любезно согласилась²⁴⁶. К слову, после прочтения книги она сказала: «Теперь я понимаю почему А.З. Манфред называл ее образцовой». За короткий срок она написала квалифицирован-

²⁴² Письмо Т. Годшо автору от 10 марта 1990 г. Личный архив В.А. Погосяна.

²⁴³ J. Godechot. La prise de la Bastille. 14 juillet 1789. [Paris]. 1989.

²⁴⁴ А.З. Манфред. Указ. соч. С. 172.

²⁴⁵ Помимо упомянутой рецензии, буквально в следующем номере журнала я опубликовал, без подписи, еще и его некролог: Памяти Жака Годшо (1907-1989) // НиНИ. 1990. № 1. С. 221. «Я уполномочен поблагодарить Вас от имени всей нашей семьи и сказать Вам, насколько мы были тронуты восторженными словами, которыми Вы оценили историческое наследие моего отца», — писал мне его сын. Письмо Т. Годшо автору от 24 мая 1990 г. Личный архив В.А. Погосяна.

²⁴⁶ Несомненно, прав А.В. Чудинов, обративший недавно внимание на «сплоченность» сообщества отечественных историков Французской революции, как на фактор, обеспечивающий успешную работу на этом поприще. См.: А.В. Чудинов. И пятьдесят, и десять лет спустя... Двойной юбилей «Французского ежегодника» // ФЕ — 2009: Левые во Франции. М. 2009. С. 11.

ную рецензию²⁴⁷, которую после выхода я незамедлительно отправил вдове историка, ныне покойной, Арлетт Годшо. Вскоре Т. Годшо писал мне: «Моя мать получила в прошедшем году номер журнала "Новая и новейшая история", и я организовал перевод весьма восторженной рецензии, написанной Вашей коллегой. Просьба Вам передать ей нашу благодарность»²⁴⁸. Но на этот раз сочла своим долгом ко мне обратиться и вдова Ж. Годшо: «Мой муж был бы очень рад, если бы узнал, что его "Взятие Бастилии" было оценено в России... Я счастлива, что его работы продолжают цениться»²⁴⁹.

* * *

Хотя мне так и не суждено было общаться с Ж. Годшо лично, однако исследования, вышедшие из-под плодovitого пера этого маститого исследователя, не только существенно обогатили мои знания в области истории Французской революции и наполеоновской империи, но и в значительной степени послужили ориентирами в такой сложной отрасли исторической науки, как историография (выбор и принципы классификации литературы, методы изложения материала, формы научной полемики, в частности, критики и т. д.). Книги и обзоры историографического характера, а также рецензии, я научился писать именно у него. Хочу, чтобы меня правильно поняли: я не претендовал и не претендую на столь же высокий уровень, как у Ж. Годшо. Тем не менее, в силу многих причин, я, начиная с 1980-х гг., стал открыто именовать этого историка, далекого от марксистской методологии, одним из своих учителей наряду с А.З. Манфредом и В.М. Далиным. Любопытно, что Виктор Моисеевич, обычно резко выступавший против любых отступлений от марксистской интерпретации Французской революции, отнесся к моему пиетету перед французским историком весьма спокойно и, как мне казалось, даже со скрытым одобрением. По своей натуре человек

²⁴⁷ НиНИ. 1991. № 3. С. 235-238.

²⁴⁸ Письмо Т. Годшо автору от 14 июня 1992 г. Личный архив В.А. Погосяна.

²⁴⁹ Письмо А. Годшо автору от 11 июля 1991 г. Личный архив В.А. Погосяна.

весьма сдержанный и довольно осторожный, В.М. Далин редко открыто высказывал свои мысли.

Не скажу ничего нового, констатируя, что личное общение с крупными учеными, безусловно, весьма полезно для любого историка: оно обогащает его знания, вдохновляет (тем более молодого) исследователя²⁵⁰, способствует расширению научного кругозора и, что не менее важно, лучшему осмыслению сути их концепций, пусть даже подчас для него и неприемлемых. Об этом могу судить по своему общению с крупнейшим наполеоноведом наших дней Ж. Тюларом. Побывав в 1991 г. на его лекциях в МГУ и лично беседуя с ним о наполеоновской эпохе, я лучше осмыслил некоторые его трактовки, не разделяя, однако, его концепцию о так называемой «диктатуре общественного спасения», созданной Наполеоном в 1799 г. К слову сказать, за это же Ж. Тюлара подверг весьма обоснованной, на мой взгляд, критике и Ж. Годшо²⁵¹.

И тем не менее, первостепенную, определяющую значимость в формировании начинающего исследователя я все же склонен придавать не столько личному общению с выдающимися историками, сколько глубокому осмыслению их творчества. В этой связи интересно мнение одного из светил французской и мировой исторической науки XX столетия — Ж. Дюби. В октябре 1989 г. во время его московского визита мне посчастливилось неоднократно общаться и беседовать с ним. О кончине Ж. Годшо, последовавшей 24 августа, за полтора месяца до его приезда в Москву, я узнал от Ж. Дюби в гостинице «Спорт», где проходили заседания международного colloquium, посвященного 60-летию образования школы «Анналов». И когда я ему сказал, что считаю Ж. Годшо одним из своих учителей, хотя и не встречался с ним лично, Ж. Дюби тихо промолвил: «Да, это не главное».

В мире науки личное общение с историками, как мне представ-

²⁵⁰ Ж. Годшо признавал, что в середине 1920-х годов и он сам «горел желанием познакомиться с Матъезом», чье имя он знал с 1922 г., но на лекцию которого ему впервые довелось попасть лишь 3 ноября 1927 г. *J. Godechot. Un jury pour la Révolution*. P. 307-308.

²⁵¹ См. рецензию Ж. Годшо на биографию Наполеона, написанную Ж. Тюларом: *J. Tulard. Napoléon ou le mythe du sauveur*. Paris. 1977 // *AHRF*. 1978. № 232. P. 331-333.

ляется, и в самом деле не самое существенное, что косвенно признавал и Ж. Лефевр. На склоне лет, будучи уже известным в Европе историком, он заявил, что ему довелось увидеть и услышать Ж. Жореса лишь дважды, будучи затерянным в толпе, что однако не мешало ему признавать того своим учителем²⁵². В.П. Смирнов высказал аналогичное суждение, приведя в пример отношение к А.В. Адо некоторых исследователей, не посещавших его лекций и семинаров, но знакомых с его работами или состоявших с ним в переписке²⁵³.

В декабре 1992 г. А.В. Адо в разговоре с В.П. Смирновым и со мной высказал мнение о целесообразности написать для журнала «Исторические анналы Французской революции» обстоятельный историографический обзор многотомного издания «Великая французская революция. Документы и исследования», опубликованного под его редакцией. Он обратился ко мне с вопросом, могу ли я найти время для выполнения этой задачи. Не дав мне ответить, В.П. Смирнов сразу же отклонил его предложение, обратив наше внимание на то, что я уже писал рецензии на две книги, вышедшие в этой серии, причем, для того же самого журнала. Он имел в виду мои рецензии на монографию Л.А. Пименовой о французском дворянстве и на работу о традициях Революции, написанную им самим, в соавторстве с моим близким другом, ныне покойным В.С. Поскониным²⁵⁴, талантливым историком и очень честным, на редкость порядочным человеком с трагической судьбой. Одна из этих рецензий была тогда уже опубликована, вторая находилась в редакции журнала, о чем В.П. Смирнов знал²⁵⁵. Выслушав его возражение, А.В. Адо после небольшой паузы тихим голосом добавил: «У Варужана это получается лучше, чем у других».

Я, следуя завету великого русского пиита, кто нам помогает легче жить, всегда относился равнодушно к «хвале и клевете»,

²⁵² J. Godechot. Un jury pour la Révolution. P. 292 ; J.-R. Suratteau. Georges Le-fevre disciple de Jaurès ? // AHRF. 1979. № 237. P. 374.

²⁵³ В.П. Смирнов. Анатолий Васильевич Адо: человек, преподаватель, ученый (1928-1995) // НиНИ. 1997. № 1. С. 208.

²⁵⁴ В.П. Смирнов, В.С. Посконин. Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции, 1789-1989. М. 1991.

²⁵⁵ AHRF. 1990. № 281. P. 364-366 ; Ibid. 1994. № 296. P. 359-361.

но столь высокой оценкой крупного специалиста по истории Французской революции и французской историографии, полностью был обязан Жаку Годшо.

По многочисленным, в том числе и объективным причинам мне так и не довелось стать летописцем советской историографии или, говоря словами А.В. Адо, «советским Годшо» (из-под пера Ж. Годшо, напомним, вышло больше двух тысяч рецензий²⁵⁶). Исчезла с карты мира великая, могучая страна, гражданами которой мы некогда были и которую зачастую подвергали, правда, только в кулуарных разговорах, самой беспощадной критике. Прекратила свою деятельность и советская Академия Наук, между бывшими союзными республиками скоро стали, по словам В.А. Дунаевского, «дико рваться все связи», в том числе научные.

Сегодня нет в живых ни А.В. Адо, ни Ж. Годшо, которого Анатолий Васильевич характеризовал как очень доброжелательного человека²⁵⁷, много помогавшего ему во время одной из его научных командировок во Францию. Один за другим нас покинули и другие наши старшие коллеги — В.А. Дунаевский, Г.С. Кучеренко, Г.С. Черткова. Однако наставлениям Ж. Годшо и А.В. Адо я, в меру возможностей, оставался и впредь постараюсь остаться верным. И каждый раз при написании для журнала по истории Французской революции очередной рецензии на какое-либо российское издание, я с благодарностью и с чувством глубокой душевной боли вспоминаю их имена.

Они нас оставили — никому не суждено жить вечно. Неумолимы законы природы, и человеку отмерен краткий срок существования. Но они от нас ушли только физически и, безусловно, некоторое облегчение приносит мысль о том, что с нами остались не только украшающие наши книжные полки их выдающиеся научные труды по истории Французской революции, но и те советы, указания и наставления, которые они

²⁵⁶ M. Vovelle. *Op. cit.* P. 304.

²⁵⁷ Примечательно, что согласно свидетельству одного из коллег Ж. Годшо, Ж. Фурнье, он «имел для каждого дружескую улыбку, несколько воодушевляющих слов или уместных советов», а одно его присутствие, вселяя уверенность, способствовало тому, что все обыденные заботы отходили на второй план. G. Fournier. *Op. cit.* P. 328.

нам оставили, те соображения, которыми они с нами поделились. В этом смысле наши учителя и старшие коллеги, несомненно, продолжают находиться рядом с нами и ничуть не сомневаюсь, они останутся с нами навсегда. За это постоянное присутствие в нашей трудной жизни я им весьма признателен.

В своих воспоминаниях о Е.В. Тарле М.Б. Рабинович рассказывал, как супруга академика О.Г. Тарле, в 1945 г. показала ему бесценные реликвии их семьи, хранившиеся в резном ларце: письмо Л.Н. Толстого Е.В. Тарле по поводу его книги о Т. Море, датированное 1901 г., и акварель Лермонтова²⁵⁸. Я же не сомневаюсь, что моими реликвиями являются письма многих крупнейших французских и советских историков, наиболее ценными среди которых я всегда считал письма Жака Годшо.

Полагаю, к Ж. Годшо полностью применимы слова, произнесенные Гюго на похоронах Бальзака 20 августа 1850 г. на кладбище Пер-Лашез: «Великие люди сами себе сооружают пьедестал; статую воздвигнет будущее»²⁵⁹. *Sit ci terra levis.*

²⁵⁸ М.Б. Рабинович. Лектор, ученый, человек // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М. 1982. С. 291.

²⁵⁹ В. Гюго. Собрание сочинений в 15-и томах. Т. 15. М. 1956. С. 219. Попутно отметим, что история доказала правоту единственно возможного прогноза Гюго: даже во Франции на рубеже 1870-1880-х гг. никто не изъявлял желания воздвигнуть памятник Бальзаку, что побудило Золя, его достойного преемника во второй половине XIX столетия, написать при обсуждении в 1880-1881 гг. вопроса о сооружении памятника Дюма-отцу: «Он (Бальзак — В. П.) человек гениальный и может подождать, он рано или поздно получит свой памятник». См.: Э. Золя. Памятник Бальзаку // Э. Золя. Рассказы и статьи. М. 1952. С. 234.

ГЛАВА IV

А.Р. ИОАННИСЯН: ПОРТРЕТ ИСТОРИКА*

Значение вклада советских исследователей в изучение истории Франции трудно переоценить. Советская историография изначально проявляла повышенный и с течением времени все более возрастающий интерес к Новой истории этой страны, активно разрабатывая проблематику французских революций XVIII-XIX вв., эволюцию социально-экономических отношений и общественной мысли, в частности, коммунистических идей. Этими сюжетами занималась целая плеяда выдающихся ученых с мировым именем, исследования которых были высоко оценены в международных научных кругах.

Академики В.П. Волгин и Н.М. Лукин в 1920-х годах приступили к обучению и воспитанию первого поколения советских историков, став основоположниками марксистской исторической науки, многим представителям которой (А.З. Манфред, Б.Ф. Поршнев, В.М. Далин, Ф.В. Потемкин) было суждено не только достойно продолжить заложенные «русской школой» добрые давние традиции в исследовании истории Франции, но в дальнейшем достичь и новых высот.

Ученик В.П. Волгина, академик АН АрмССР Абгар Рубенович Иоаннисян (1908-1991), получив научное крещение в 1920-1930-х гг., посвятил себя бескорыстному служению исторической науки, в отличие от других советских франковедов, создал ценные научные труды не только о французской общественной мысли XVIII-XIX вв., но и об армянском освободительном движении XVIII в., прославившие его имя в советской и мировой исторической науке.

А.Р. Иоаннисян родился в Тифлисе (ныне Тбилиси), в семье юриста. Его дед по отцовской линии Абгар Арутюнович Иоаннисян (1849-1904) был известным общественным деятелем, видным публицистом, возглавлявшим армянское национально-консервативное движение в последней четверти XIX в.²⁶⁰

* Опубликовано в кн.: ФЕ — 2008. С. 246-258. Статья частично дополнена.

²⁶⁰ См. о нем подробно: М.А. Мхитарян. Из истории восточноармянской периодической печати второй половины XIX века («Пордз», «Ардзаганк»). Ереван. 1976 (на армянском яз.).

Профессиональное становление А.Р. Иоаннисяна совпало со сложной эпохой формирования советской марксистской исторической школы. Я отнюдь не склонен утверждать, что самоутверждение марксистской исторической науки в 1920-1930-е гг. привело к однозначно положительным результатам. Она не только открыла широкие возможности для углубленного познания исторического прошлого через изучение социально-экономических отношений, но одновременно во многом ограничила возможности свободного развития исторической мысли в СССР. Стремясь к идеологической монополии в историографии, исследователи-марксисты почти полностью игнорировали достижения зарубежной немарксистской исторической мысли, подвергая суровой, подчас ничем не оправданной критике новые, далекие от марксизма подходы, предлагавшиеся западными исследователями.

В таких условиях, представители первого поколения историков-марксистов сознательно умаляли значение деятельности немарксистских исторических школ и направлений, с молодым задором и страстью вели непримиримую борьбу не только против полностью не принимавших марксизм выдающихся представителей «русской школы», таких, к примеру, как Н.И. Кареев и Е.В. Тарле, но и против авторитетных зарубежных исследователей (как А. Матъез, например), не признававших марксизм единственно возможной методологией в интерпретации истории человечества. При этом на оппонентов возлагались не имевшие ни малейшей основы политические обвинения²⁶¹.

Еще на заре своего возвышения марксистская наука четко определила приоритетные для нее сферы исследований, а именно изучение политической истории и идеологии левых течений в тесной связи с историей социально-экономических отношений.

Человек своей эпохи, А.Р. Иоаннисян как историк не составлял исключения из общего правила. Его творчеству были полностью присущи многие из характерных для марксистской исторической науки черт. После окончания ЕГУ он приступил под руководством В.П. Волгина к углубленному изучению истории

²⁶¹ См. например: Г. Зайдель, М. Цвибак. Классовый враг на историческом фронте. М.; Л. 1931; Полемика Альбера Матъеза с советскими историками. 1930-1931 гг.

французского утопического коммунизма, интерес к которой, по его признанию, у него возник еще в студенческие годы, когда он в Национальной библиотеке Армении впервые познакомился с работами французских утопистов.

Первые работы А.Р. Иоаннисяна 1920-1930-х гг., посвященные Ретифу де ла Бретону и Шарлю Фурье²⁶², были написаны на опубликованных источниках и легли в основу его кандидатской и докторской диссертаций, которые он защитил соответственно в 1935 г. в АН СССР и 1938 г. в МГУ. Такое отношение к источниковедческой базе было, в целом, весьма характерно для молодой поросли советских историков. Воодушевленные новой марксистской методологией, имевшей, как это им представлялось, неоспоримое превосходство над всеми остальными, в 1920-1940-х гг. советские исследователи истории стран Западной Европы в большинстве своем не придавали должного значения изучению архивных документов. В равной степени это относилось и к тем немногим из них, кому была предоставлена возможность поработать в зарубежных странах²⁶³. Очевидно, что речь шла о специфическом менталитете целого поколения исследователей.

Тем не менее, уже первые работы А.Р. Иоаннисяна прочно обеспечили ему репутацию зрелого исследователя. В.П. Волгин в письме от 10 февраля 1931 г. к руководству ЕГУ так характеризовал своего ученика: «Тов. Абгар Иоаннисян ведет под моим руководством работу по изучению французского социализма XVIII в. Считаю эту работу имеющей большое значение для выявления предшественников научного социализма, а следовательно и для построения общей концепции развития социалистических идей. Тов. Иоаннисян обладает для выполнения этой задачи достаточными знаниями и незаурядными способностями научного исследователя»²⁶⁴. О приобретенной А.Р. Иоаннисяном в те годы известности свидетельствует также предложение

²⁶² А.Р. Иоаннисян. Ретиф-де-ла Бретон // Ретиф-де-ла Бретон. Южное открытие, произведенное летающим человеком, или французский Дедал. М.-Л. 1936. С. V-LVIII; его же: Генезис общественного идеала Фурье. М.-Л. 1939.

²⁶³ См. например: В.М. Далин. Из истории социальной мысли во Франции. С. 6-8.

²⁶⁴ НАА. Ф. 1169 (А.Р. Иоаннисяна). Оп. 1. Д. 251. Л. 1.

принять его, в числе других видных специалистов по истории Запада, на постоянную работу в Институт истории АН СССР, с которым в 1940 г. выступил один из руководителей сектора Новой истории этого института Ф.В. Потемкин²⁶⁵.

И все же в дальнейшем одной из главных особенностей творчества А.Р. Иоаннисяна стало скрупулезное изучение прошлого на основе широчайшего круга неопубликованных архивных документов. В 1940-х гг. он приступил к исследованию еще никем до того времени не разрабатывавшейся истории армянского освободительного движения XVIII в., широко используя материалы советских архивов. Он посвятил этой теме две книги, впервые раскрыв многие совершенно неизвестные страницы данной темы, в частности, сюжет о важной положительной роли России в исторических судьбах армянского народа²⁶⁶.

На одну из этих книг сразу же откликнулся академик Е.В. Тарле, написавший А.Р. Иоаннисяну в письме от 18 декабря 1946 г.²⁶⁷: «Только что получил Ваш труд "Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия". Уже из беглого просмотра получается впечатление очень интересного и солидного исследования. Прочту его немедленно; я как раз скоро буду обрабатывать главу о походе В. Зубова и его антецедентах [предшествовавших действиях]»²⁶⁸. Из этих строк не трудно понять, сколь большой интерес он проявил к этой книге.

Поэтому вполне закономерно, что, учитывая научные достижения своего подопечного, вице-президент АН СССР В.П. Волгин в связи с выборами в 1947 г. в АН АрмССР, выдвинул его кандидатуру на место академика²⁶⁹ и тогда еще молодой историк был избран членом Академии.

Однако судьба уготовила его книге, столь высоко оцененной

²⁶⁵ А.В. Ревякин. Федор Васильевич Потемкин // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. С. 398.

²⁶⁶ А.Р. Иоаннисян. Иосиф Эмин. Ереван. 1945; его же: Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван. 1947.

²⁶⁷ Книга А.Р. Иоаннисяна, по всей вероятности, была опубликована уже в конце 1946 г.

²⁶⁸ НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 250. Л. 9-9 об. См. также: А.Р. Иоаннисян. Неопубликованные произведения. С. 172.

²⁶⁹ НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 261. Л. 9-10.

Е.В. Тарле, трудную участь, ибо она далеко не у всех вызвала положительную реакцию. На закате сталинской эпохи, при неизвестных нам обстоятельствах, А.Р. Иоаннисян, подобно Галилею, фактически, был вынужден отречься от своих научных убеждений и публично выступить в научной печати с «самокритикой»²⁷⁰. Судя по его выступлению, на него возложили вымышленные политические обвинения, суть которых сводилась, в частности, к недооценке автором прорусской ориентации азербайджанского народа и исторического значения его борьбы против турецких и персидских поработителей. Последняя не получила в книге такого же отражения, как борьба армянского и грузинского народов. А.Р. Иоаннисяну ничего не оставалось, как «признать» свои мнимые ошибки, каковые он объяснил тем, что якобы попал под влияние «буржуазной историографии».

С высоты наших дней его поведение может показаться странным. Но если иметь в виду сложившуюся тогда в СССР политическую ситуацию, то станет очевидным, что в противном случае, перед ним вырисовывалась бы печальная, но весьма реальная перспектива оказаться в числе политзаключенных сталинских лагерей. Поскольку такой оборот событий его, естественно, не прельщал, он, дабы не разделить горькую судьбу многих своих коллег (В.М. Далина, Я.М. Захера и др.), вынужден был принять ничем не обоснованную с научной точки зрения «критику» в свой адрес.

А.Р. Иоаннисян олицетворял, как уже отметились, свою эпоху и механизмы власти функционировали не только для него одного. Для сравнения приведем два примера. Касаясь трудных условий работы в годы советской власти, которые выпали на долю своих старших коллег, С.В. Оболенская на примере поведения Б.Г. Вебера, а также многих его сверстников, констатировала печальное обстоятельство их вынужденного лавирования. Тем не менее, имея на это все основания, она заключила: «Наши "старички", лавируя, страшась, приспособляясь, находя лазейки для собственной совести, в трагическую эпоху нашей истории все-таки сохранили научные и этические традиции и не дали

²⁷⁰ А.Р. Иоаннисян. По поводу моей книги «Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия» // Известия: общественные науки (Ереван). 1950. № 4. С. 83-88.

погибнуть самой науке, хотя и приходилось им "петлять" — ведь их травили с собаками, как зайцев травят»²⁷¹. И Е.В. Гутнова, обратившаяся к деятельности академика Е.А. Косминского, не обошла молчанием жесткие тиски, в которых тот работал, заставлявшие во второй половине 1940-х годов даже такого именитого историка, как он, неоднократно «каяться», чтобы спасти сборник «Средние века» от ликвидации²⁷².

Однако в последние годы жизни, уже в новых исторических обстоятельствах, А.Р. Иоаннисян переиздал обе книги по истории армянского освободительного движения²⁷³, тем самым, как и Галилей, фактически объявив недействительным прежнее отречение от своих взглядов.

Завершением цикла исследований по истории армянского народа стала его монография о перипетиях политики европейских держав на Востоке в эпоху наполеоновских войн²⁷⁴. В отличие от предыдущей темы, здесь уже он имел предшественников, в том числе известных. Привнесенная им в наполеоноведение научная новизна была обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, он по-новому интерпретировал политику европейских держав, доказав, в отличие, от своих французских предшественников²⁷⁵, антирусскую направленность политики Наполеона на Востоке, в том числе после заключения Тильзитского договора²⁷⁶. Во-

²⁷¹ С.В. Оболенская. О Борисе Георгиевиче Вебере и не только о нем // Россия и Европа. Дипломатия и культура. Вып. 4. М. 2007. С. 190.

²⁷² Е.В. Гутнова. Евгений Алексеевич Косминский (1886-1959) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. С. 175. О его поведении в те годы см. также: Д.Ю. Бовыкин. Указ. соч. С. 22.

²⁷³ А.Р. Иоаннисян. Иосиф Эмин. Ереван. 1989; его же: Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван. 1990.

²⁷⁴ А.Р. Иоаннисян. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван. 1958.

²⁷⁵ H. Castonnet des Fosses. Les relations de la France avec la Perse. Angers. 1889. P. 46 ; A. Vandal. Napoléon et Alexandre Ier. T. I. Paris. 1891. P. 225 ; Quarré de Verneuil. Napoléon Ier et la Perse. Paris. 1904. P. 20.

²⁷⁶ К сожалению, некоторые зарубежные исследователи, для которых из-за незнания русского языка книга А.Р. Иоаннисяна оставалась недостижимой, в 1990-х годах трактовали политику Наполеона на Востоке в духе своих французских предшественников, обойдя более достоверные интерпретации советского историка. См. например: I.

вторых, А.Р. Иоаннисян ввел в научный оборот неизвестные зарубежным историкам архивные и опубликованные источники, в частности, на русском и армянском языках, что позволило ему нарисовать гораздо более многогранную картину событий, чем у его немногочисленных предшественников, в том числе в известной книге Э. Дрио²⁷⁷.

Однако незаурядный исследовательский талант и высочайшие научные дарования А.Р. Иоаннисяна особенно проявились в 1960-1980-х гг. Если почти все его коллеги вынужденно ограничивались изучением материалов отечественных архивов, то он с начала 1960-х гг. получил редкую для советских историков возможность регулярно проводить научные изыскания в архивохранилищах и библиотеках Франции. За этот период он написал пять монографий, посвященных неизученным или слабо изученным аспектам истории французской коммунистической и социалистической мысли XVIII-XIX вв. Первостепенной заслугой А.Р. Иоаннисяна является исследование творчества некогда достаточно известных, а впоследствии преданных забвению социальных мыслителей. Наилучшим примером такой работы является его фундаментальный труд о развитии коммунистических идей в годы Французской революции XVIII в., где представлена целая галерея малоизвестных ныне представителей коммунистической мысли: Г. Борье, Ж.К. Шапюи, Ж.А.В. Юпей, Ж. Греню, Р.Ф. Дебон, М. Кюбер и др.²⁷⁸. Проведя глубокий анализ их учений, А.Р. Иоаннисян первым из историков Французской революции выявил не только важнейшие особенности развития коммунистических идей во Франции в 1789-1794 гг., но и уточнил географию их распространения²⁷⁹. В.М. Далин по праву охарактеризовал эту книгу как сплошную цепь находок и открытий²⁸⁰.

Amini. Napoléon et la Perse. Paris. 1995.

²⁷⁷ E. Driault. La politique orientale de Napoléon. Sébastiani et Gardane (1806-1808). Paris. 1904.

²⁷⁸ А.Р. Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М. 1966. Пер. на франц. яз.: А. Ioannissian. Les idées communistes pendant la Révolution française. Moscou. 1984.

²⁷⁹ См. подробно: В.А. Дунаевский, Г.С. Кучеренко. Указ. соч. С. 122-127.

²⁸⁰ В.М. Далин. Указ. соч. С. 159.

В последующих работах А.Р. Иоаннисян первым проанализировал эволюцию коммунистической мысли во Франции периода Первой империи, а затем на примере таких мыслителей, как Ж. Гей, Ж. Рей и М.-А. Жюльен, проследил пути и перепутья ее развития в годы Второй Реставрации²⁸¹. В последних же своих книгах он досконально изучил влияние коммунистических идей на развитие революционного движения во Франции в 1840-х гг.²⁸². Предшественники А.Р. Иоаннисяна изучали историю коммунистической мысли преимущественно на основе опубликованных источников, он же ввел в научный оборот массу впервые обнаруженных им архивных документов, благодаря чему мы вправе оценить его труды как новаторские. О том же свидетельствуют и многочисленные оценки ведущих специалистов в этой области²⁸³.

На протяжении всей своей научной деятельности А.Р. Иоаннисян неоднократно обращался к сложному для историка биографическому жанру. Его привлекали как крупные фигуры, оставившие глубокий след в истории, так и, казалось бы, прочно забытые деятели, чьи имена стали достоянием научной общественности именно благодаря его кропотливым изысканиям. Последнее обстоятельство отличает Абгара Рубеновича от его коллег, таких больших мастеров исторического портрета, как А.З. Манфред, В.Г. Трухановский, Н.Н. Молчанов, С.Л. Утченко, которые изучали деятельность только очень известных государственных, политических и военных деятелей.

Биографические исследования А.Р. Иоаннисяна о видном деятеле армянского освободительного движения XVIII в. И. Эмине и французском социалисте Ш. Фурье, наряду с книгами

²⁸¹ А.Р. Иоаннисян. К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX столетия. М. 1981.

²⁸² А.Р. Иоаннисян. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840-1841 гг. М. 1983; *его же*: Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842-1847 гг. М. 1986; *его же*: Революция 1848 года во Франции и коммунизм. М. 1989.

²⁸³ См. например: В.М. Далин. Указ. соч. С. 159-160, 280; В.А. Дунаевский, Г.С. Кучеренко. Указ. соч. С. 49-50, 58-61, 73-74, 77-78, 122-127. См. также рецензию В. Маркова на его книгу «Коммунистические идеи в годы Великой французской революции»: *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1968. Н. 2. S. 238-239.

того же жанра вышедшими из под пера его близкого друга А.З. Манфреда²⁸⁴, являются образцовыми примерами глубокого изучения процесса эволюции политических и общественных взглядов того или иного деятеля на фоне исторической эпохи. К вполне законченным, самостоятельным исследованиям биографического характера можно по праву отнести также его обстоятельные этюды, посвященные Ретифу де ла Бретону и Буасселю в монографии «Коммунистические идеи в годы Великой французской революции». Тем самым А.Р. Иоаннисян выполнил волю своего учителя В.П. Волгина, посоветовавшего ему еще в 1947 г., при выдвижении в академики АН АрмССР, написать полную биографию Ретифа де ла Бретона²⁸⁵.

Как и подавляющее большинство историков его поколения, независимо от гражданства и национальной принадлежности, А.Р. Иоаннисян был строго кабинетным и профессиональным исследователем. В XX в. историки разрабатывали либо одну-единственную, но широкую тему (классическим тому примером служат такие французские ученые, как А. Собуль, Ж.-Р. Сюратто, М. Вовель), или же испытывали свои силы как максимум в области двух больших тем. При существовавшем в ту эпоху уровне развития исторической науки иначе и быть не могло.

В 1920-х годах большинство отечественных исследователей, принадлежавших к формировавшейся советской исторической школе, избрали второй путь, на наш взгляд, более предпочтительный. В известной мере такой выбор был обусловлен спецификой того четырехгодичного образования, которое они получали в ИКП, где на каждом курсе слушатели принимали участие, как уже отметили, в работе двух семинаров по разным темам. Подобный опыт способствовал определению научных интересов будущих исследователей и оказывал влияние на выбор тех тем, изучению которых они посвятили всю свою жизнь. А.Р.

²⁸⁴ В личном архиве А.Р. Иоаннисяна сохранилось множество теплых писем А.З. Манфреда, написанных в 1960-1970-х гг. Письма эти, личного и служебного характера, являются неопровержимым доказательством бескорыстной дружбы и тесного научного сотрудничества двух выдающихся историков, внедрявших все усилия для оказания, по возможности, содействия друг другу. См.: НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 257.

²⁸⁵ Там же. Д. 261. Л. 10.

Иоаннисян так же, как и его сверстники, в духе времени избрал себе две области научных интересов и никогда не проявлял ни малейшего желания выйти за их рубежи.

Но при этом А.Р. Иоаннисян, как и все профессиональные историки, говорил о своих научных заслугах очень редко, неохотно, лишь при крайней необходимости и весьма сдержанно. Хотя его имя уже с достаточно давних пор было широко известно в международном сообществе историков Французской революции, он, беседуя с автором этих строк в декабре 1975 г., сказал о себе следующее: «Обо мне говорят, что я специалист по истории Французской революции. Но это не так. Если вы прочтете мою книгу, вы ничего там не найдете по истории самой Революции. Я специалист только по истории идей». С того времени прошло уже больше тридцати лет. И сегодня, оглядываясь назад, могу констатировать, что на протяжении десятилетий в узких научных кругах специалистов по истории Франции о нем высказывалось именно такое мнение — как о крупнейшем специалисте по истории общественной мысли периода Французской революции²⁸⁶.

Уже первые научные работы А.Р. Иоаннисяна ярко демонстрировали одну из характерных черт его творчества — стремление идти непроторенными путями. В обеих областях своих научных интересов он неизменно выбирал слабо освещенные или вовсе неисследованные аспекты прошлого. При этом он отнюдь не стремился подчеркнуть собственное новаторство. В предисловиях к своим книгам А.Р. Иоаннисян добросовестно указывал имена всех тех немногих предшественников, кто внес хоть какой-то, пусть даже самый незначительный вклад в разработку изучаемых им проблем, причем он всякий раз воздерживался от акцентирования отличий между его книгами и работами других авторов. Так же скромно обходил он молчанием вопрос об определении своего места в историографии указанных тем, предпочитая оставлять комментарии на сей счет другим

²⁸⁶ Отметим, однако, что в 1982 г. А.Р. Иоаннисян был по праву включен в образованную Национальным комитетом историков СССР советскую секцию Международной комиссии по истории Французской революции при комитете, взявшем на себя организационные функции в связи с исполняющимся в 1989 г. двухсотлетием революции. См.: А.В. Гордон. Указ. соч. С. 320.

специалистам. Зато при необходимости он непременно указывал на собственные неточности, которые изредка допускал в своих предыдущих исследованиях²⁸⁷.

Следует подчеркнуть, что в некоторых принципиальных вопросах А.Р. Иоаннисян занимал позицию отличную от позиции большинства других представителей его поколения. Речь, в частности, идет об отношении к выдвинутым зарубежными немарксистскими исследователями новым концептуальным подходам, противоречившим марксистской интерпретации истории. А.Р. Иоаннисян в этом вопросе проявлял обычно гораздо больше сдержанности и объективности, нежели большинство его коллег. Я могу об этом судить, главным образом, по личным разговорам с ним. Однажды он заговорил о теории «атлантической» революции Ж. Годшо, полностью шедшей вразрез с марксистской интерпретацией революций XVIII в. Тогда эта теория, как уже отмечалось, оказалась под огнем беспощадной критики советских и зарубежных историков-марксистов (А.З. Манфреда, А. Соболя и др.). А.Р. Иоаннисян же в ходе нашей беседы отозвался о ней намного более умеренно: «Если бы Годшо не назвал свою теорию "атлантической", вокруг нее не поднялось бы такого шума», — тихим голосом сказал Абгар Рубенович.

В условиях крайней политизации и идеологизации исторической науки в СССР, советские историки не только в первые послереволюционные десятилетия, но и в 1960-1970-х гг. крайне остро реагировали на изредка появлявшиеся в отечественной историографии отклонения от общепринятых трактовок отдельных проблем истории Французской революции. В 1970 г. руководство Института всеобщей истории АН СССР официально пригласило А.Р. Иоаннисяна принять участие в симпозиуме по проблемам якобинской диктатуры, организованном сектором истории Франции²⁸⁸. Зная о политизированном характере предстоявшей полемики²⁸⁹, он предпочел уклониться от присутствия

²⁸⁷ См. например: А.Р. Иоаннисян. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840-1841 гг. С. 10.

²⁸⁸ В его архиве сохранилось официальное приглашение руководства Института всеобщей истории от 21 апреля 1970 г. См.: НИА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 257. Л. 30.

²⁸⁹ Проблемы якобинской диктатуры. Симпозиум в секторе истории

на этом мероприятии.

Одной из характерных черт творческого почерка А.Р. Иоаннисяна являлась концентрация сил, главным образом, на написании монографий. Отлично сознавая, что долгая жизнь суждена одним только книгам, а не статьям, он однажды в нашей беседе честно признал: «Я статей писать не люблю»²⁹⁰. В негативном отношении А.Р. Иоаннисяна к написанию статей далеко не последнюю роль играло то, что его крайне раздражали сокращения или «исправления», которые редакции советских исторических журналов зачастую делали без ведома авторов. Как бы то ни было, на статьи он старался не размениваться. Помню, как в 1982 г. он дипломатично отклонил предложение В.М. Далина предоставить в виде статьи для публикации во «Французском ежегоднике» одну из глав будущей книги «Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840-1841 гг.»²⁹¹. К слову сказать, в архиве А.Р. Иоаннисяна я обнаружил многочисленные тексты его выступлений на русском и французском языках, как по истории французской общественной мысли, так и по истории армянского народа, которые он представлял, в основном, на международных коллоквиумах, но потом так и не захотел опубликовать в виде статей²⁹².

В отличие от советских и французских коллег — А.З. Манфреда, В.М. Далина, А.В. Адо, Ж. Годшо и др., А.Р. Иоаннисян на протяжении всей своей долгой деятельности никогда не выказывал

Франции Института всеобщей истории АН СССР 20-21 мая 1970 г. // ФЕ — 1970. С. 272-313. См. об этом: С.Е. Летчфорд. В.Г. Ревуненков против «московской школы»: дискуссия о якобинской диктатуре // ФЕ — 2002. С. 207-222; А.В. Чудинов. Размышления о скрытых смыслах дискуссии по проблемам якобинской диктатуры (60-е — 80-е годы XX в.) // ФЕ — 2007. С. 256-265.

²⁹⁰ В этом можно легко убедиться после беглого просмотра библиографии его трудов. См.: Библиография трудов А.Р. Иоаннисяна и литература о нем. Составитель В.А. Погосян // ФЕ — 2008. С. 259-266.

²⁹¹ В архиве А.Р. Иоаннисяна сохранилось множество предложений на счет написания статей, поступивших из самых авторитетных советских исторических изданий, на которые, однако, он неизменно реагировал отрицательно.

²⁹² Представляющие по сей день интерес его труды я недавно опубликовал отдельной книгой: А.Р. Иоаннисян. Неопубликованные произведения.

интереса к самой сложной из дисциплин исторической науки — историографии, явно не имея вкуса к критическому анализу научного наследия своих предшественников. Почти такое же отношение он проявлял к исследованиям современников. Оценка новейших достижений исторической науки его не привлекала. За все годы им было опубликовано лишь несколько рецензий, при том, что, к примеру, перу Ж. Годшо, как уже отметили, их принадлежало больше двух тысяч.

В научной деятельности А.З. Манфреда, В.М. Далина, В.Г. Трухановского и многих других коллег и современников А.Р. Иоаннисяна немалое место занимала редакторская работа. О нем самом того же сказать нельзя. Он, конечно, внес свою лепту в редактирование таких авторитетных коллективных изданий, как «Всемирная история», Армянская советская энциклопедия, возглавлял работу редколлегии серии «Литературные памятники», издававшейся на армянском языке. Тем не менее, едва ли можно считать редакторскую работу его стихией. А.Р. Иоаннисян был ответственным редактором только двух книг²⁹³, крайне редко соглашался стать членом редакционной коллегии того или иного издания²⁹⁴. По свидетельству главного редактора «ИФЖ» АН АрмССР М.Г. Нерсисяна, на все его предложения о вхождении А.Р. Иоаннисяна в состав редакционной коллегии этого издания тот отвечал отказом.

А.Р. Иоаннисян, однако, активно занимался педагогической и административной работой. В 1931-1960 гг. он читал курс по Новой истории Западной Европы в ЕГУ, в 1938-1960 гг. занимал там же должность заведующего кафедрой по Новой истории, а в 1938-1947 гг. проректора по науке. Почти сорок лет он занимал высокие руководящие посты в отделении общественных наук АН АрмССР: директора Института истории (1947-1953), академика-

²⁹³ История армянского народа. Ереван. 1951; В.Р. Григорян. Ереванское ханство в конце XVIII столетия (1780-1800 гг.). Ереван. 1958 (на армянском яз.).

²⁹⁴ В.П. Волгин. Очерки истории социалистических идей. С древности до конца XVIII в. М. 1975; его же: Очерки истории социалистических идей. Первая половина XIX в. М. 1976; его же: Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М. 1977; его же: Французский утопический коммунизм. М. 1979; его же: Статьи и выступления. М. 1979.

секретаря (1949-1960), вице-президента (1960-1963, 1967-1986) и др. Благодаря его личным усилиям было налажено тесное научное сотрудничество между АН АрмССР и АН Венгрии, результатом которого стал ценный сборник статей по истории армяно-венгерских связей, написанный с участием сотрудников обеих организаций²⁹⁵.

Тем не менее, А.Р. Иоаннисян отличался безграничной личной скромностью. Так, накануне своего семидесятилетия, 6 марта 1978 г., он письменно обратился к президенту АН АрмССР академику В.А. Амбарцумяну с убедительной просьбой воздержаться от организации каких-либо торжественных церемоний и чествований: «В мае этого года мне исполняется семьдесят лет. В этой связи обращаюсь к Вам заблаговременно со следующей просьбой. Я не хочу не только какого-либо чествования, но и рассылки извещений (как это часто делается) с указанием, что "юбилар отказывается от официального чествования; поздравления просим направить по такому-то адресу". Я не хочу, чтобы в прессе обо мне были опубликованы какие-либо статьи или заметки. Словом, я на самом деле и искренне не хочу, чтобы мое семидесятилетие было не только так или иначе отмечено, но даже упомянуто. Если я своим долголетним трудом заслужил хоть малейшее к себе уважение, то смею надеяться, что эта моя просьба будет выполнена»²⁹⁶.

А.Р. Иоаннисян на самом деле не приветствовал публикацию о себе юбилейных статей, насыщенных, как это часто бывает, лестными эпитетами в адрес юбиляров. В 1983 г. редактор журнала АН АрмССР «Вестник общественных наук» В.А. Микаелян при моем посредничестве обратился к В.М. Далину с просьбой написать юбилейную статью в связи с 75-летием А.Р. Иоаннисяна. Высоко ценивший его В.М. Далин сразу же согласился и выполнил эту просьбу²⁹⁷. Однако эта публикация,

²⁹⁵ Из истории армяно-венгерских исторических и культурных связей. Ереван. 1983 (на армянском яз.). Отрадно, что заложенная им традиция со временем не угасла. Недавно в Будапеште вышел в свет подготовленный совместными усилиями венгерских и армянских историков второй по счету сборник статей: *Tanulmányok az örmény népirtás témaköréből*. Budapest. 2009.

²⁹⁶ НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 249. Л. 1.

²⁹⁷ В. Далин, В. Микаелян. Выдающийся историк и крупный организатор

подготовленная без ведома А.Р. Иоаннисяна, вызвала, как свидетельствовал В.М. Далин, его бурное негодование.

Что же касается личных качеств А.Р. Иоаннисяна, то считаю необходимым обратить внимание на глубочайшую внутреннюю культуру этого человека. Ограничусь одним примером. В мае 1977 г. мне, в то время еще студенту пятого курса ЕГУ, позвонила его, тогда вице-президента АН АрмССР, секретарша и сказала: «Абгар Рубенович извиняется перед Вами за то, что сегодня он Вас принять не сможет».

Весомый вклад А.Р. Иоаннисяна в науку был по достоинству оценен как отечественными, так и зарубежными исследователями истории общественной мысли и Французской революции, неоднократно дававшими его исследованиям самые высокие отзывы в научной печати²⁹⁸. За свою книгу «Коммунистические идеи в годы Великой французской революции» он был удостоен в 1974 г. премии АН СССР имени академика В.П. Волгина.

Заслуги А.Р. Иоаннисяна были высоко оценены и советским правительством. Он, как уже отмечалось, занимал высокие академические должности, был награжден многими орденами и медалями. И все же его вклад в мировую историографию не был, на мой взгляд, по достоинству оценен советской Академией Наук. В 1964-1984 гг. А.Р. Иоаннисян неоднократно баллотировался на выборах в члены-корреспонденты и в академики АН СССР, однако ее двери так и не открылись перед ним, как и перед многими его друзьями и коллегами — А.З. Манфредом, Б.Ф. Поршневым, С.А. Утченко, М.А. Баргом и др.²⁹⁹.

науки // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1983. № 6. С. 99-103.

²⁹⁸ В архиве А.Р. Иоаннисяна сохранились также весьма положительные отзывы В.П. Волгина, Н.М. Дружинина, А.З. Манфреда, В.М. Далина на некоторые из его опубликованных книг, а также рукописи книг. См.: НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 250. Л. 28; Д. 261. Л. 1-8; Д. 265. Л. 1-5; Д. 266. Л. 1-4. Я счел желательным опубликовать эти отзывы, а также некоторые сохранившиеся в его архиве письма именитых советских историков, адресованных ему, в приложении к его последней книге. См.: **А.Р. Иоаннисян**. Указ. соч. С. 156-174.

²⁹⁹ Одну из основных причин сложившейся в АН СССР неприглядной обстановки в связи с выборами, на примере схожей судьбы, выпавшей и на долю А.С. Ерусалимского, раскрыли Л.И. Гинцберг и Л.В. Позде-

Со дня смерти А.Р. Иоаннисяна, наступившей 3 декабря 1991 г., прошли годы. Сегодня уже нет в живых его сверстников — ни друзей, ни недоброжелателей. Стало достоянием истории и присущее некоторым из его коллег пристрастное к нему отношение. Время не только самый жестокий, но и единственно беспристрастный арбитр для историка. Монографиям А.Р. Иоаннисяна, так же, как книгам его близких друзей А.З. Манфреда и В.М. Далина, оказалась суждена долгая жизнь. На его работы ссылаются как историки-франковеды, так и специалисты по истории армянского народа, в том числе представители новых поколений исследователей, недавно пришедших в науку и уже не имевших личного общения с ним.

В статье, посвященной А.З. Манфреду, В.П. Смирнов недавно по праву отметил, что он принадлежал к той группе выдающихся историков, которые «на протяжении нескольких десятилетий определяли общественное лицо и научный уровень советского франковедения. Это были крупные, яркие, богато одаренные личности»³⁰⁰. Среди них он упоминает имена Е.В. Тарле, В.П. Волгина, В.М. Далина, Б.Ф. Поршнева и других. К ним с полным основанием следует причислить имя А.Р. Иоаннисяна, работы которого не только воздвигнули нерукотворный памятник их автору, но и, наряду с исследованиями его коллег, переведенных на многие иностранные языки, способствовали обеспечению советскому франковедению почетного места в мировой исторической науке. Это непреложная истина нашла свое подтверждение и в отзыве, написанном В.М. Далиным в начале 1980-х годов на рукопись монографии А.Р. Иоаннисяна «Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840-1841 гг.»: «Было бы очень важно

ева: «Всем было известно, что перед очередными выборами в Отделении истории заседает партийная группа, где академиков и членов-корреспондентов инструктируют, за кого следует голосовать, а кого желательно провалить». А.И. Гинцберг, А.В. Поздеева. Указ. соч. С. 352. Нелишне напомнить, что выборы в советскую Академию Наук изначально находились под бесцеремонным давлением и беспрецедентным контролем руководителей правящей коммунистической партии. См.: А.В. Гладышев. Историк — руководящий: В.П. Волгин // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов. 2006. С. 153-154, 156.

³⁰⁰ В.П. Смирнов. А.З. Манфред и советское франковедение // Россия и Франция: исторический опыт XVIII-XIX веков. С. 23.

обеспечить ее перевод на французский язык. Французские историки узнали бы из нее много для себя нового. Появление этой книги показало бы приоритет советской исторической науки в изучении ряда важных проблем истории Франции и ее социальной мысли»³⁰¹.

Его краткую оценку как маститого историка в разговоре с автором этих строк в 1975 г. в Эрмитаже дал академик Б.Б. Пиотровский: «Абгар Рубенович — украшение нашей [советской] Академии». И, без всякого сомнения, его имя именно таким и останется в памяти будущих поколений историков.

³⁰¹ См. отзыв В.М. Далина в кн.: А.Р. Иоаннисян. Указ. соч. С. 171.

ГЛАВА V

М.Г. НЕРСИСЯН: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ*

Развитие исторической науки в XX столетии в Армении было неразрывно связано с именем выдающегося отечественного историка и крупного организатора науки, академика НАН Армении Мкртыча Гегамовича Нерсисяна (1910-1999), внесшего неоценимый вклад в исследование Новой истории армянского народа и в организацию комплексных исследований в области востоковедения. Он не только написал капитальные исследования по истории армянского революционного и освободительного движения в XIX столетии³⁰², русско-армянских отношений XVIII-XIX веков³⁰³ и геноцида армян в Османской империи, поистине обогатившие армянскую и советскую историческую науку, но одновременно значительную часть своих сил посвятил научно-организационной работе. Благодаря его усердию и настойчивости изучение истории армянского народа, как и истории восточных стран было организовано на совершенно новых началах.

С трудом преодолевая многочисленные препятствия, обусловленные жесткими условиями времени, не очень благоприятными для исследования, в частности, тем, находившихся в центре его непосредственных научных интересов, в годы культа личности и позднее, он создал основополагающие исследования по ключевым вопросам Новой истории армянского народа, первым начав

* Написано в 2009 г. Публикуется впервые.

³⁰² М.Г. Нерсисян. Народнические организации в Закавказье. Ереван. 1940 (на армянском яз.); его же: Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма. 1850-1870 гг. Ереван. 1955 (на армянском яз.). См. также второе, дополненное издание: Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма. 1850-1890 гг. Ереван. 2002 (на армянском яз.).

³⁰³ М.Г. Нерсисян. Из истории русско-армянских отношений. В 2-х книгах. Кн. 1-2. Ереван. 1956, 1961; его же: Декабристы в Армении. Ереван. 1958 (на армянском яз.); его же: Отечественная война 1812 года и народы Кавказа. Ереван. 1965; его же: А.В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770-1780-х годах. Ереван. 1981; его же: Декабристы об Армении и Закавказье. (Сборник документов и материалов). Ч. I. Ереван. 1985.

изучение истории освободительного движения западных армян в 1850-1870-х гг. Бесспорно, весьма смелым по тем временам поступком было систематическое исследование истории геноцида армян. Первые шаги в этом важном направлении М.Г. Нерсисян предпринял еще в послевоенный период³⁰⁴, когда дуновение политического ветра предоставило такую возможность, однако, из-за крутых перемен на международной арене, повлиявших на советско-турецкие отношения³⁰⁵, результаты своих исследований он смог представить научной общественности лишь в середине 1960-х годов. Тщательные поиски в советских архивах в 1940-1950-е гг. позволили ему впервые в советской историографии опубликовать в 1966 г. ценный сборник документов и материалов, освещающий процесс уничтожения армянского народа османскими центральными властями на уровне государственной политики за период 1894-1918 гг.³⁰⁶. По богатству и разнообразию опубликованных материалов, сборник этот по сей день занимает достойное место среди многочисленных зарубежных публикаций по истории геноцида армян, включающих документы из архивов различных европейских стран и США и восполняет одно из белых пятен в историографии этой темы, поскольку в нем впервые введены в научный оборот недоступные доселе зарубежным исследователям документы из Архива внешней политики Российской империи. Тем самым, М.Г. Нерсисян заложил в Арме-

³⁰⁴ См. об этом: В.А. Погосян. К предыстории издания сборника документов «Геноцид армян в Османской империи». (К 100-летию со дня рождения академика М.Г. Нерсисяна) // ИФЖ. 2010. № 1. С. 234-244 (на армянском и русском яз.).

³⁰⁵ См. об этом: Z. Messerlian. The Question of Kars and Ardahan // Armenian Studies. Annals of the Lebanese Association of Armenian University Graduates. Beyrouth. 1973. P. 85-94; Y. Ternon. La cause arménienne. Paris. 1983. P. 140-145 ; Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий. Составитель, ответственный редактор, автор предисловия и комментария доктор юридических наук, профессор Ю.Г. Барсегов. Т. 2. Ч. 2. М. 2005. С. 514-518; Г. Казарян. Московский и Карсский договоры 1921 г. и их трагическая роль в судьбе армянского народа. Ереван. 2010. С. 407-428 (на армянском яз.).

³⁰⁶ Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов. Составители М.Г. Нерсисян, Р.Г. Саакян. Под редакцией проф. М.Г. Нерсисяна. Ереван. 1966. См. также второе, дополненное издание: Ереван. 1982.

нии основы для дальнейших научных исследований истории геноцида армян.

О М.Г. Нерсисяне как об историке и общественном деятеле написано немало. Сегодня мы располагаем внушительной литературой, посвященной его жизни и научной деятельности³⁰⁷. Поэтому, имеет смысл сконцентрировать внимание, главным образом, на его портрете как историка-исследователя, организатора науки и гражданина, тем более, что автору этих строк довелось долгие годы работать под его руководством в Институте истории АН АрмССР, исследуя историю геноцида армян.

* * *

Бросая по прошествии лет ретроспективный взгляд на М.Г. Нерсисяна — историка, хотелось бы в первую очередь подчеркнуть его чувство высокой ответственности перед наукой. Как и подавляющее большинство представителей своего поколения, он воплощал образ историка-профессионала, изучая две большие темы, а именно: историю русско-армянских отношений и армянского освободительного движения, тесно связанного с историей геноцида армян в Османской империи. Еще со студенческих лет он воспитывал меня в том же духе, подчеркивая, что для историка предпочтительнее изучать две большие темы, а не ограничиваться исследованием только одной.

Ему были присущи тщательное исследование первоисточников и исторической литературы, комплексный подход к изучаемой теме, с широким охватом многочисленных косвенных проблем. По специфике исследуемых научных тем он долгие годы проводил кропотливые изыскания в различных российских центральных и региональных, а также армянских архивах, извлеченные из которых богатейшие документы легли в основу его научных трудов. Сегодня даже беглое знакомство с источниковедческой базой монографий М.Г. Нерсисяна поражает обилием и многообразием использованных первоисточников, в особенности, архивных, впервые введенных в научный оборот.

Высокая требовательность М.Г. Нерсисяна к себе и тем,

³⁰⁷ См.: Литература о трудах академика Мкртыча Нерсисяна // Академик Мкртыч Нерсисян. Ереван. 2004. С. 85-108 (на армянском яз.).

которые находились в его непосредственном окружении (в том числе, к представителям молодого поколения исследователей), снискали ему почетную, на наш взгляд, репутацию максималиста. Это обстоятельство было обусловлено не только присущими его характеру своеобразными чертами, и в первую очередь, взыскательностью и неуступчивостью, но и стилю научной работы. Его никогда не удовлетворяли средние результаты. Он не придавал особого значения тем научным трудам, авторы которых не полностью использовали доступные первоисточники, в частности, архивные.

В М.Г. Нерсисяне гармонично сочетались трудолюбие и исключительный педантизм, что в корне исключало поспешность и поверхностность в его работах, в принципе, не совместимых с «почерком» подлинного историка. В его рабочей «лаборатории» особое место занимала самая тщательная и длительная работа с первоисточниками. М.Г. Нерсисян неоднократно с большой досадой и душевной болью говорил о том, что годы его учебы и молодости не были благоприятными для основательного изучения иностранных языков. О том же не раз мне рассказывали многие советские историки разных национальностей — представители его поколения. Академик АН АрмССР А.Т. Ганалаян, к примеру, говорил, как в годы культа личности в ЕГУ было бесцеремонно запрещено преподавание французского как буржуазного языка, немецкого — как фашистского, грабара (древнеармянского) — как феодального. Тем не менее, М.Г. Нерсисян никогда не обходился первоисточники на иностранных языках, прибегая, при необходимости, к помощи своих сотрудников. Только окончательно убедившись в достоверности и подлинности первоисточников, он ссылался на них или же принимал решение об их публикации в сборниках документов, выходивших под его редакцией.

Коллег и учеников М.Г. Нерсисяна изумляли его исключительное трудолюбие и работоспособность, которые, как это ни парадоксально, ничуть не ослабевали, как и у В.М. Далина, даже в последние годы его жизни. Несмотря на преклонный возраст, он регулярно ездил в научные командировки в Москву. В 1982-1984 гг., после отдыха в Кисловодске, где он часто проводил свой

отпуск, М.Г. Нерсисян приезжал на месяц в Москву для работы в центральных библиотеках. Я его встречал на Курском вокзале и сопровождал в гостиницу АН СССР. Уже на следующий день после приезда можно было увидеть его в «ленинке». Вне зависимости от прихотей московской погоды, он ежедневно посещал библиотеку, где часами сидел, склонившись за одним из письменных столов читального зала № 1.

Как в научных, так и в жизненных вопросах, М.Г. Нерсисян был принципиальным и бескомпромиссным. Исходя из своих научных убеждений, которые были обусловлены исключительно необходимостью беспристрастной интерпретации исторического прошлого, на научных заседаниях и на собраниях коллектива Института истории он вел, ради интересов исторической науки, решительную борьбу за вынесение объективных решений. Выступая с пламенными речами и считая своим научным и чисто человеческим долгом высказывать свои, кстати, весьма уместные замечания и соображения по обсуждавшимся дискуссионным вопросам, он во многом помогал присутствовавшим в правильной ориентации для принятия оптимального решения подчас самых сложных научных проблем.

Считаю необходимым разъяснить одно обстоятельство. Те, кому суждено было работать с ним годами бок о бок, могут констатировать одну непреложную истину, о чем, к сожалению, знали немногие: без всякого сомнения, ему были присущи скромность и уважительное отношение к мнению других историков, в том числе молодых исследователей. В 1988 г., когда мы беседовали о необходимости координации работ в области комплексного изучения истории Армянского вопроса на новых началах, ибо произошедшие во время «перестройки» перемены наконец-то предоставили такую возможность, он высказал о себе такое мнение: «Не могу сказать, что я специалист по истории Армянского вопроса, но этой темой здесь занимался я!» Хотя он и воздержался от комментариев, но я отлично понял, на что намекал собеседник: ведь львиная доля исторической литературы на эту тему написана на ведущих западных языках. Итак, один из именитых специалистов по истории Армянского вопроса себя таковым не считал. При проявлении весьма оправданной

требовательности к себе, не трудно представить, как он мог бы реагировать на появление в Армении за последнее десятилетие после его кончины, многочисленных «специалистов» по истории того же вопроса, значительная часть которых мало того, что зачастую даже не знакома с буквами латинского алфавита, да еще и малейшего представления не имеет о фундаментальных книгах на армянском языке, в том числе переводных. Эти «второстепенные» обстоятельства, однако, ни в коей мере не служат препятствием, чтобы именно они «представляли» армянскую науку на международной арене.

На заседаниях возглавляемого им сектора по истории Армянского вопроса в Институте истории, он всегда считался с мнением присутствовавших, а после завершения обсуждений не раз принимал окончательные решения в свете замечаний и пожеланий своих сотрудников, не полностью соответствовавших его предварительным замыслам. В этой связи уместно упомянуть, что по поводу полемических вопросов его позиция была однозначной. В разговорах со мной ссылаясь на пример академика Я.А. Манандяна, он с удовольствием отмечал: «При выступлениях ни к чему делать категорических заявлений. Надо, чтобы факты свидетельствовали за правоту твоего подхода. Манандян всегда говорил: "Можно предположить..."».

Скромность была одним из тех первоочередных, по его убеждению, достоинств человека, наличие которой М.Г. Нерсисян мгновенно и интуитивно чувствовал у своих коллег и сотрудников, да и у всех тех, с которыми ему приходилось иметь хотя бы короткое общение. По поводу заявлений некоторых заносчивых молодых исследователей, воображавших себя зрелыми «учеными», он обычно приводил пример академика В.А. Амбарцумяна: «Президент [АН] никогда не говорит о себе как об ученом, взамен при необходимости он подчеркивает, что он только научный сотрудник».

Не будучи по своей натуре, мягко говоря, инертным человеком, он как историк-профессионал, исходя из чувства высокой ответственности перед исторической наукой, вел решительную и бескомпромиссную борьбу, зачастую даже гневно, против проявлений дилетантизма в науке, не щадя своих нервов, несмотря на проблемы со здоровьем из-за сердечно-сосудистого заболевания,

которым страдал. Он ратовал за необходимость проявления подлинно научного подхода в интерпретации исторических событий, что, естественно, было не по плечу появившимся в изобилии, в частности, после «перестройки» многочисленных дилетантов, не имевших даже исторического образования и малейшего реального представления о пройденном пути армянского народа.

Имея на это все основания, М.Г. Нерсисян утверждал, что в области исторической науки право на окончательное слово принадлежит только историку, имеющему специальную подготовку в соответствующей сфере исторического познания. Раздражавшее его безответственное отношение к исторической науке со стороны некоторых филологов, писателей, публицистов и политических деятелей он расценивал не только как антинаучное, но и ущербное, что было чревато печальной перспективой дезориентации собственного народа. В то же время он с грустью говорил о том, что подобные выходы не находили достойного отпора со стороны многочисленных отечественных историков.

Однако М.Г. Нерсисян не хранил молчания и в тех случаях, когда оставался довольным результатами добросовестно проведенных научных исследований, по возможности обращаясь даже к тем авторам, с которыми не был лично знаком, дабы одобрить их научные изыскания. Не имевшие с ним личного общения могут в этом убедиться на примере его письма неизвестному ему И.В. Кузнецову, книгу которого он, видимо, прочел на Северном Кавказе. «Пишу Вам, прочитав Вашу ценную и весьма интересную книгу "На холмах горячих"³⁰⁸. Меня заинтересовали, в частности, страницы, посвященные А.В. Суворову, поскольку о жизни и деятельности великого полководца на Кавказе, о его взаимоотношениях с армянским народом кое-что написал и я»³⁰⁹. Обратим внимание: эти слова принадлежат крупному историку — автору посвященной А.В. Суворову солидной и содержательной монографии³¹⁰.

³⁰⁸ И.В. Кузнецов. На холмах горячих. Историческое повествование о городе Пятигорске. Ставрополь. 1980.

³⁰⁹ Письмо М.Г. Нерсисяна И.В. Кузнецову от 28 октября 1981 г. // НАА. Ф. 818 (М.Г. Нерсисяна). Оп. 1. Д. 425. Л. 26.

³¹⁰ М.Г. Нерсисян. А.В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770-1780-х годах.

Аналогичным образом М.Г. Нерсисян себя проявлял и в связи с публикацией в журнале «Новое время» рецензии на одно из турецких изданий³¹¹, полностью фальсифицировавшее историю геноцида армян в Османской империи³¹². Он незамедлительно письменно обратился к главному редактору журнала М.А. Федорову и выразил свою признательность за публикацию этого материала. «Публикация в Вашем журнале заметки «Похитители памяти» (см. № 49 с. г.), — писал он, — является нужным и своевременным ответом на грубую фальсификацию исторических фактов турецкими реакционными кругами... Наглым и бесстыдным фальсификаторам истории, разумеется, надо дать надлежащий отпор. Мы весьма благодарны Вам, что это сделано в Вашем авторитетном журнале»³¹³. В ответном письме М.А. Федоров, поблагодарив М.Г. Нерсисяна за внимание к журналу, в частности, писал: «Мы признательны Вам за высокую оценку статьи «Похитители памяти», опубликованной в № 49 «Нового времени». Мы также считаем этот материал важным и своевременным. В редакцию поступают письма, которые свидетельствуют о том, что эта публикация нашла горячий отклик у наших читателей»³¹⁴.

Не менее принципиально М.Г. Нерсисян себя проявил при разоблачении попыток фальсификации истории армянского народа турецкими историками и преданными им зарубежными авторами. Чтобы не распространяться на этот счет, ограничимся ссылкой на сборник, включающий основные его статьи на эту тему³¹⁵, тем более, что их анализ в нашу задачу не входит. Однако считаем необходимым остановиться на одном из эпизодов его

³¹¹ Г.А. Арутюнов, Г.Л. Епископосов. Похитители памяти // «Новое время». 1981. № 49. С. 22-23.

³¹² Facts from the Turkish Armenians. Istanbul. 1980. В этой книге тот же текст опубликован на английском, французском и турецком языках, что вполне соответствует избранной турецкими историками тактике, с целью введения в заблуждение мирового общественного мнения.

³¹³ Письмо М.Г. Нерсисяна М.А. Федорову от 12 декабря 1981 г. // НАА. Ф. 818. Оп. 1. Д. 435. Л. 57.

³¹⁴ Письмо М.А. Федорова М.Г. Нерсисяну от 25 декабря 1981 г. // Там же. Л. 55.

³¹⁵ М.Г. Нерсисян. Фальсификаторы истории. Ереван. 1998 (на армянском яз.).

жизни середины 1960-х годов, свидетельствующем о его личном мужестве. В 1965 г. один из корреспондентов еженедельника «За рубежом» Г. Ариевич, вступив в развернувшуюся за пределами СССР полемику по поводу поведения кемалистов в 1922 г. в Измире (Смирне), опубликовал постыдную статью. Не разобравшись в том, что там происходило, а может быть сознательно — дабы угодить туркам, автор публикации настаивал на том, что в сентябре 1922 г. город якобы был сожжен не турками, а интервентами, имея в виду англичан и греков, а что намного порицательнее, категорически отрицал массовое истребление проживавших там армян и греков полчищами Мустафы Кемал³¹⁶.

31 мая 1965 г. М.Г. Нерсисян обратился в редакцию еженедельника, подняв голос протеста в связи с публикацией этой антинаучной статьи, исказившей исторические факты, одновременно приложив к своему протесту, к которому присоединился и президент АН АрмССР академик В.А. Амбарцумян³¹⁷, перевод на русский брошюры Рене Пюо, одного из французских очевидцев учиненных кемалистами погромов проживавших в Измире христиан³¹⁸. Вскоре ответственный секретарь еженедельника К. Беляев сообщил ему об обсуждении его письма на заседании редколлегии и принятом постановлении о наказании виновных³¹⁹. Не каждый мог бы себе позволить в те годы обратиться во всесоюзные инстанции с аналогичным протестом.

Отметим, что М.Г. Нерсисяну искреннюю радость доставляли публиковавшиеся изредка во всесоюзных изданиях статьи о геноциде армян. Суть вопроса такова: из-за непризнания советским правительством на государственном уровне геноцида армян, в сложившихся в СССР неблагоприятных для изучения истории этой трагедии условиях³²⁰, публикация статей на эту

³¹⁶ Г. Ариевич. Последователи Медиуса // За рубежом. 23-29 апреля 1965 г. № 17. С. 18.

³¹⁷ Письмо М.Г. Нерсисяна в редакционную коллегию еженедельника «За рубежом» от 31 мая 1965 г. // НАА. Ф. 818. Оп. 1. Д. 36. Л. 10. См. также: М. Нерсисян. Неопровержимые документы о геноциде армян. Ереван. 2005. С. 273-274 (на армянском и русском языках).

³¹⁸ R. Puaux. La mort de Smyrne. Paris. 1922.

³¹⁹ Письмо К. Беляева М.Г. Нерсисяну от 17 июня 1965 г. // НАА. Ф. 818. Оп. 1. Д. 36. Л. 12. См. также: М. Нерсисян. Указ. соч. С. 275.

³²⁰ Геноцид армян был признан Государственной Думой Российской

тему не только во всесоюзных, но даже в армянских научных изданиях была связана с преодолением неимоверных препон³²¹. Академик В.Г. Трухановский в июне 1991 г. рассказывал мне, как ему удалось в его бытность главным редактором журнала «Вопросы истории» опубликовать в середине 1980-х годов статью о геноциде армян, обойдя негативную позицию членов редколлегии, единодушно высказывавшихся против публикации в журнале такого материала. Он разъяснил, что принял такое решение исходя из своего глубокого уважения к армянскому народу и воспользовавшись своим, как главного редактора, на это правом, предоставившим ему возможность миновать мнение редколлегии. Примечательно, что в заглавии статьи обойдено слово «геноцид»³²².

М.Г. Нерсисян отличало от многих его армянских коллег еще одно существенное обстоятельство: сконцентрировав научные интересы главным образом на исследовании Новой истории армянского народа, он, тем не менее, не считал правомерным крайнюю ограниченность в науке, присущую подавляющему большинству историков армянского происхождения, прилагавших свои силы только на плоскости изучения истории армянского народа. Он категорически отрицал проявления ограниченности в науке, что, к слову сказать, многие в Армении считают залогом, если не «доказательством» патриотизма! Учитывая предъявляемые исторической наукой к исследователям повелительные требования, М.Г. Нерсисян полагал, что ценные научные труды по истории армянского народа, которым было бы суждено долгое существование, могут создать только те, кто в курсе перемен, происходивших как на российской, так и на международной арене.

М.Г. Нерсисян был одним из редких армянских историков, кто пересекая все «рубиконы», неоднократно выходил на более широкие исторические просторы и создал ценные исследования

Федерации 14 апреля 1995 г.

³²¹ К слову сказать, впервые во всесоюзной прессе о геноциде армян упомянул М.Г. Нерсисян: М. Нерсисян, Н. Ушаков. Геноцид — тягчайшее преступление перед человечеством // Правда. 25 апреля 1965.

³²² Дж.С. Киракосян, А.М. Мигранян, А.Дж. Киракосян. Трагедия армян в Османской империи в 1915-1916 гг. в освещении буржуазной историографии // ВИ. 1986. № 5. С. 147-154.

по истории движения декабристов, Отечественной войны 1812 г., представляющие большой интерес. Его вклад в изучение истории народов СССР был высоко оценен многими советскими историками.

Начиная с 1950-х годов М.Г. Нерсисян приступил к глубокому изучению деятельности декабристов, сосланных на Кавказ. После долгих лет изысканий в российских архивах он опубликовал в 1957 г. обстоятельную монографию о декабристах в Армении, переведенную в связи с 150-летием восстания декабристов на русский язык³²³. Книга эта была высоко оценена виднейшими советскими специалистами по истории декабризма, и в их числе академиком М.В. Нечкиной. Сразу же после ее прочтения она высказала свое авторитетное мнение в личном письме от 19 февраля 1976 г., адресованном М.Г. Нерсисяну: «Сердечно благодарю Вас за замечательный подарок — Вашу прекрасную книгу "Декабристы в Армении", столь всесторонне освещающую вопрос. Нужда в этой книге была очень велика. Поздравляю Вас с ее выходом!»³²⁴ В связи с этой книгой примечателен и отклик другого видного специалиста по истории декабризма, профессора МГУ В.А. Федорова³²⁵, написавшего ему: «Мне понравилась новизна сюжета, богатство конкретного материала, ценные выводы и наблюдения. Декабристоведению как раз не хватает таких региональных исследований. Работы, подобные Вашей, расширяют наши представления о декабризме и декабристах, подчеркивают не только русское, но и общероссийское значение дела декабристов»³²⁶.

В результате тщательной обработки архивных документов, М.Г. Нерсисян обнаружил интересные данные о деятельности декабристов, сосланных не только в Армению, но и на Кавказ. Принимая приглашение академика-секретаря АН СССР Б.А. Рыбакова на участие в созывавшейся в декабре 1975 г. в Москве

³²³ М.Г. Нерсисян. Декабристы в Армении. Ереван. 1975.

³²⁴ НАА. Ф. 818. Оп. 1. Д. 434. Л. 41.

³²⁵ В.А. Федоров. Солдатское движение в годы декабристов. 1816-1825 гг. М. 1963; его же: «Своей судьбой гордимся мы...»: следствие и суд над декабристами. М. 1988.

³²⁶ Письмо В.А. Федорова М.Г. Нерсисяну от 25 февраля 1976 г. // НАА. Ф. 818. Оп. 1. Д. 435. Л. 36.

конференции в связи с 150-летием восстания декабристов³²⁷, он писал М.В. Нечкиной: «Для юбилейной конференции, посвященной 150-летию со дня восстания декабристов, я согласился готовить доклад на тему: "Рядовые участники восстания декабристов на Кавказе". В процессе работы выяснилось, что она (тема) слишком большая для 30-и минутного доклада. Поэтому предлагаю более конкретную (вероятно, и более интересную) тему для сообщения — "Новые документы о солдатах Черниговского полка". Высылая тезисы этого сообщения, прошу уведомить меня о Вашем решении»³²⁸. По свидетельству ныне покойной А.М. Арутюнян, участницы этой конференции, его доклад произвел самое положительное впечатление на М.В. Нечкину, обратившуюся к ней с просьбой пригласить к ней М.Г. Нерсисяна для подробной беседы о затронутых им вопросах. Однако среди многочисленных участников конференции А.М. Арутюнян, к сожалению, не смогла найти его.

Помимо истории движения декабристов, М.Г. Нерсисян разрабатывал и некоторые проблемы истории Отечественной войны 1812 г. Плодом его многолетней работы в самых различных всесоюзных и республиканских архивах явилась монография об участии народов Кавказа в войне 1812 г.³²⁹, явившаяся первым исследованием на эту тему и удостоившаяся высокой оценки советских историков. Даже десятилетия спустя В.А. Дунаевский и Б.С. Абалихин характеризовали эту книгу как не только наиболее крупную из работ, посвященных воздействию событий Отечественной войны на народы Кавказа, но и остающуюся «самым фундаментальным исследованием в этой области»³³⁰. Высказывая аналогичное мнение, О.В. Орлик, учитывая извле-

³²⁷ Письмо Б.А. Рыбакова М.Г. Нерсисяну от 3 марта 1975 г. // Там же. Д. 438. Л. 74.

³²⁸ Письмо М.Г. Нерсисяна М.В. Нечкиной от 15 августа 1976 г. // Там же. Д. 416. Л. 23. Основные положения этого доклада легли в основу одной из его статей: М.Г. Нерсисян. Новые данные о декабристах, сосланных на Кавказ // ИФЖ. 1975. № 4. С. 39-44.

³²⁹ М.Г. Нерсисян. Отечественная война 1812 года и народы Кавказа. Ереван. 1965.

³³⁰ В.А. Дунаевский, Б.С. Абалихин. 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917-1987. М. 1990. С. 219.

ченный М.Г. Нерсисяном из различных советских архивов богатый фактический материал, подчеркнула его заслугу в предоставлении специалистам возможности «разработать более широкий круг проблем, чем те, на которых останавливается автор, сделать более широкие выводы»³³¹. В связи с этой книгой небезынтересно также отметить, что один из руководителей Краснодарской писательской организации И.Г. Федоренко обратил внимание и на ее познавательное значение: «Вашу книгу "Отечественная война 1812 года и народы Кавказа" я не перестаю ставить в пример местным историкам, изготовил на эрэ 20 экз. и разослал во все "горячие очаги", т. е. те организации и учреждения, где занимаются вопросом истории Кавказа. Дал несколько отзывов и рецензий в печати, на радио и тв.»³³².

Публикация этой монографии по праву снискала М.Г. Нерсисяну репутацию одного из самых авторитетных специалистов по истории Отечественной войны 1812 г. К нему за советами обращались даже не имевшие личного общения с ним советские специалисты по этой теме. К примеру, в 1971 г. Б.С. Абаляхин³³³, столкнувшись с определенными затруднениями в уточнении темы докторской диссертации, попросил его помочь ему в формулировке заглавия и высказать свои соображения о ее диссертательности. «Тему я сформулировал, примерно, так, — писал он, — "Совместная борьба русского и украинского народов против французской агрессии в конце XVIII в. — начале XIX в.". Может быть и такой вариант: "Украина в период борьбы России с наполеоновской Францией (конец XVIII в. — 1815 г.)". Диссертательна ли тема? Мне очень бы хотелось узнать Ваше мнение»³³⁴.

³³¹ См. рец. О.В. Орлик на эту книгу в журнале «История СССР» (1967. № 2. С. 129).

³³² Письмо И.Г. Федоренко М.Г. Нерсисяну от 13 августа 1983 г. // НАА. Ф. 818. Оп. 1. Д. 435. Л. 59.

³³³ Б.С. Абаляхин, с которым во второй половине 1980-х годов я неоднократно общался в Российской государственной библиотеке, был крупным специалистом по истории Отечественной войны 1812 г., обаятельным человеком, интересным собеседником и мудрым наставником в жизненных вопросах.

³³⁴ Письмо Б.С. Абаляхина М.Г. Нерсисяну от 19 октября 1971 г. // Там же. Д. 433. Л. 26.

М.Г. Нерсисян, обладавший даром мгновенной правильной ориентации на самых запутанных как в научных так и в жизненных перекрестках, в ответном письме подсказал ему другое, более емкое и уместное заглавие: «Военное сотрудничество русского и украинского народов в конце XVIII — в начале XIX вв.». «В этом случае, — разъяснял он, — у Вас будет возможность свою тему изложить на более широком фоне и на основе богатого фактического материала, так как Вы должны останавливаться не только на русско-французских, но и на русско-турецких войнах»³³⁵.

Ознакомившись с его мнением, Б.С. Абаляхин сразу же выразил свою благодарность: «Ваше письмо пришло как нельзя кстати и имело для меня важное значение: как раз на кафедре обсуждалась тема моей докторской диссертации, и я познакомил сотрудников с Вашим мнением. Тему утвердили в такой редакции: "Совместная борьба русского и украинского народов в конце XVIII — в начале XIX вв."»³³⁶.

Однако, Б.С. Абаляхин, учитывая огромный научный потенциал М.Г. Нерсисяна в этой области, обратился к нему с ответственным предложением, касающимся подготовки под его редакцией сборника статей «Народы России в Отечественной войне 1812 г.». «Если Вы, многоуважаемый Мкртыч Гегамович, — писал он в письме от 19 октября 1971 г., — возглавите это благородное дело, оно увенчается успехом и советская историческая наука пополнится ценным трудом»³³⁷. К слову сказать, М.Г. Нерсисян признавался в разговорах со мной, что в 1960-х годах имел намерение написать обстоятельную монографию об участии народов России в Отечественной войне 1812 г., однако, обстоятельства не предоставили ему возможность для осуществления этого замысла. Он, видимо, имел в виду исполнение обязанностей ректора ЕГУ, поглотившее большую часть его времени, что не могло, естественно, не отразиться на плодот-

³³⁵ Письмо М.Г. Нерсисяна Б.С. Абаляхину от 20 ноября 1971 г. // Там же. Д. 425. Л. 35.

³³⁶ Письмо Б.С. Абаляхина М.Г. Нерсисяну от 25 декабря 1971 г. // Там же. Д. 433. Л. 29.

³³⁷ Письмо Б.С. Абаляхина М.Г. Нерсисяну от 19 октября 1971 г. // Там же. Л. 28.

ворности его деятельности на научном поприще.

Тем не менее, М.Г. Нерсисян откликнулся на предложение Б.С. Абалихина положительно, выражая свою готовность принять участие в подготовке такого сборника статей, «если найдутся, — как он отмечал, — и другие соответствующие авторы»³³⁸. Нам не известны подробности о дальнейшем развитии событий (проливающих на этот вопрос свет документов в архиве М.Г. Нерсисяна нам обнаружить не удалось), однако, участия в подготовке подобного издания он не принимал.

Попутно отметим также, что к М.Г. Нерсисяну за советом обращались и его зарубежные коллеги. Когда в 1987 г. в Калифорнийском университете Лос Анжелоса обсуждался вопрос о назначении заведующего на пост вновь открывшейся там кафедры по Новой истории Армении, профессор Д. Гоу, один из руководителей этой организации, попросил у него высказать мнение о самом подходящем кандидате среди американских исследователей — специалистов по истории армянского народа³³⁹. М.Г. Нерсисян, не колеблясь, предложил кандидатуру профессора Ричарда Ованисяна, характеризуя его, как «самого квалифицированного исследователя по Новой истории Армении»³⁴⁰.

Для М.Г. Нерсисяна — историка-максималиста, на обширном советском историческом небосклоне были редкие авторитеты, имена которых он упоминал с глубоким уважением, при необходимости с удовольствием ставя их в пример. Среди них я назову имена М.В. Нечкиной, А.З. Манфреда и А.Р. Иоаннисяна (хотя его личные отношения с последним оставляли желать лучшего), творчество которых в той или иной степени соприкасалось с его непосредственными научными интересами.

Долгие годы занимаясь, как отмечалось, историей декабризма, М.Г. Нерсисян неоднократно обращался к книгам М.В. Нечкиной, тщательно изучая, я могу это подтвердить, ее основные интерпретации и выводы. Он ценил Милицу Васильевну за вы-

³³⁸ Письмо М.Г. Нерсисяна Б.С. Абалихину от 20 ноября 1971 г. // Там же. Д. 425. Л. 35.

³³⁹ Письмо Д. Гоу М.Г. Нерсисяну от 2 февраля 1987 г. // Там же. Д. 423. Л. 2.

³⁴⁰ Письмо М.Г. Нерсисяна Д. Гоу от 14 марта 1987 г. // Там же. Л. 3.

дающий вклад в изучение декабризма, глубочайший профессионализм, преданность исторической науке, исключительное трудолюбие. Об отношении к М.В. Нечкиной свидетельствует хотя бы его поздравительная телеграмма от 24 февраля 1981 г. в связи с ее 80-летием, где отмечалось: «Глубокоуважаемая Милица Васильевна. Разрешите сердечно поздравить Вас [с] восьмидесятилетием со дня рождения и шестидесятилетием славной научной деятельности. Развитие советской исторической науки во многом связано [с] Вашим именем. Как выдающийся ученый и крупнейший историк[-]исследователь[,] Вы на протяжении ряда десятилетий талантливо и [с] редким умением освещаете узловые проблемы отечественной истории. Вы уже давно пользуетесь большим авторитетом и уважением как [в] нашей стране, так и за рубежом. Ваши многочисленные ученики и последователи горды тем, что работали и работают под Вашим руководством. Горячо приветствуя Вас, желаю доброго здоровья, хорошего настроения и новых замечательных творений»³⁴¹.

К слову сказать, М.Г. Нерсисян был инициатором публикации в Армении статей в связи с юбилеями М.В. Нечкиной. В 1976 г. он, ректор ЕГУ, поручил мне, студенту четвертого курса исторического факультета, написать статью к 75-летию со дня ее рождения для университетской газеты³⁴². Сам он откликнулся на 80-летие со дня рождения М.В. Нечкиной в редактируемом им «ИФЖ» АН АрмССР³⁴³.

Однако М.Г. Нерсисян, человек принципиальный, не избегал выразить и свое несогласие с некоторыми спорными трактовками М.В. Нечкиной по поводу ряда существенных проблем по истории декабризма. В концептуальном плане он упрекал М.В. Нечкину, в особенности, за переоценку значения деятельности декабристов, считая что она, по всей вероятности, исходя из своей особой симпатии к ним, подчас возвеличивает их больше, чем следовало бы.

³⁴¹ Там же. Д. 416. Л. 36.

³⁴² В. Погосян. Гордость советской историографии (к 75-летию академика М.В. Нечкиной) // Ереванский университет. 20 марта 1976 г. (на армянском яз.).

³⁴³ М.Г. Нерсисян, К.С. Худавердян. М.В. Нечкина (к 80-летию со дня рождения) // ИФЖ. 1981. № 1. С. 266-270 (на армянском яз.).

Более основательно он подвергал критике ее гипотезу о возможности существования «Кавказского общества» декабристов и отмечал, что по ее стопам того же неверного мнения придерживается один из армянских историков, со своей стороны утверждая о якобы наличии оснований для такого предположения³⁴⁴. Ссылаясь на многочисленные документы царских архивов, отнюдь не свидетельствующих в пользу вероятности этой точки зрения, он решительно настаивал на ее несостоятельности. Далеко не будучи специалистом в этой области, я принимал лишь пассивное участие в беседах, когда он переходил на эти темы. Но если учесть, с какой неподдельной симпатией и искренней любовью он сам относился к декабристам, изучению деятельности которых посвятил лучшие годы своей творческой жизни, при этом, неоднократно восхищенно повторяя фразу: «Дворянин поднимался на виселицу ради идеи», то станет яснее, что не каждый историк мог бы избежать соблазна возвеличивания своих «героев».

В отличие от М.В. Нечкиной, М.Г. Нерсисян никогда не имел личного общения с А.З. Манфредом, однако, будучи хорошо знакомым с его выдающимися трудами, в частности, с биографическими исследованиями о Наполеоне и французских деятелях XVIII столетия³⁴⁵, которые имел в своей личной библиотеке, высказывал самые восторженные оценки об их авторе. Он был поражен обширнейшей эрудицией А.З. Манфреда, его глубоко научными, оригинальными интерпретациями, историческим мышлением, художественной манерой изложения материала. В 1976 г. М.Г. Нерсисян прочел в рукописи мою (тогда еще студента пятого курса ЕГУ) статью, написанную в связи с 70-летием со дня рождения А.З. Манфреда, высказал три замечания и содействовал ее публикации в одном из университетских изданий³⁴⁶.

³⁴⁴ В.А. Парсамян. Декабристы в Армении. Ереван. 1975. С. 31-32.

³⁴⁵ А.З. Манфред. Наполеон Бонапарт. М. 1971; его же: Три портрета эпохи Великой французской революции. Руссо, Мирабо, Робеспьер. М. 1978.

³⁴⁶ В.А. Погосян. Неустанный труженик науки (к 70-летию со дня рождения А.З. Манфреда) // Ереванский университет. 1976. № 3. С. 60-62 (на армянском яз.).

Впоследствии М.Г. Нерсисян, как и В.М. Далин, часто меня сильно упрекал за разбрасывание творческих сил, объясняя такое, и на самом деле достойное одного лишь осуждения поведение, моей молодостью. Однако, узнав, что я не только организовал перевод на армянский язык книги А.З. Манфреда «Три портрета эпохи Великой французской революции. Руссо, Мирабо, Робеспьер», но и собираюсь отредактировать текст перевода, отнесся к этому с одобрением³⁴⁷.

Что касается А.Р. Иоаннисяна, он был лаконичен, неоднократно повторяя в разговорах со мной начиная с 1974 г.: «Историк — это Абгар». Не помню такого, чтобы о ком-то из своих армянских коллег он отзывался бы подобным образом.

Справедливости ради необходимо отметить, что М.Г. Нерсисян с большим уважением отзывался и об академике В.М. Хвостове, с которым сотрудничал во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов, во время подготовки к печати упомянутого сборника о геноциде армян. Он с удовольствием вспоминал о совместной работе с ним, в те годы начальником управления и членом Коллегии МИД СССР, о его положительном отзыве на первоначальный вариант этого сборника, написанном в 1947 г.³⁴⁸. К слову сказать, В.М. Хвостов приложил немало усилий для осуществления издания этой книги в начале 1950-х гг.³⁴⁹, однако, безуспешно: из-за коренного изменения обстановки на политическом горизонте, как уже отмечалось, она была опубликована лишь в 1966 г. Позднее, будучи ректором ЕГУ, он приглашал В.М. Хвостова в университет для участия в юбилейных торжественных мероприятиях³⁵⁰.

Обычно большинству историков присуща одна слабость. Почти каждый из них имеет склонность к преувеличению зна-

³⁴⁷ А.З. Манфред. Три портрета эпохи Великой французской революции. Руссо, Мирабо, Робеспьер. Ереван. 1988 (на армянском яз.).

³⁴⁸ Отзыв этот сохранился в личном архиве А.Р. Иоаннисяна. См.: НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 250. Л. 10. См. также: А.Р. Иоаннисян. Указ. соч. С. 155.

³⁴⁹ См. об этом: В.А. Погосян. К предыстории издания сборника документов и материалов «Геноцид армян в Османской империи».

³⁵⁰ См. об этом письма В.М. Хвостова М.Г. Нерсисяну от 26 сентября 1967 г. и 14 декабря 1970 г. (НАА. Ф. 818. Оп. 1. Д. 440. Л. 31, 32), в которых он выражал свою благодарность за внимание к себе.

чения изучаемых научных проблем или же особой значимости исторической эпохи, находящейся в центре его научных интересов. М.Г. Нерсисян, однако, был лишен подобной предвзятости. Интерес историка, изучавшего на протяжении десятилетий проблемы Новой истории армянского народа, не ослабевал к древней и средневековой истории. Такое отношение с его стороны к нашей науке было продиктовано непоколебимым и последовательным стремлением М.Г. Нерсисяна к достижению максимальных результатов в беспристрастной интерпретации исторического прошлого. По его мнению, которое я полностью разделяю, исследование истории древности и средневековья предоставляло историку намного больше возможности для более объективного служения своему «ремеслу».

Необходимо хотя бы вкратце упомянуть об основных вехах научно-организационной деятельности М.Г. Нерсисяна. Ему принадлежит инициатива создания в АН АрмССР сектора востоковедения (1958), руководителем которого он стал (на его основе в 1971 г. был образован Институт востоковедения), основания «ИФЖ» АН АрмССР (1958), ставшего камнем преткновения для множества отечественных и зарубежных исследователей. Как инициатор основания нового академического издания, в письме на имя секретаря ЦК КП АрмССР С.А. Товмасяна, являвшемся своего рода программным документом, он всесторонне обосновывая его необходимость, ставил перед собой такую, первостепенной научной важности задачу: публикация статей, изложенных и обработанных «на высоком научном уровне». Среди задач будущего «Журнала арменоведения» (первоначально он предлагал такое заглавие издания) М.Г. Нерсисян придавал особое значение «сплочению вокруг журнала всех сил арменоведов республики и всего Советского Союза..., а также передовых арменоведов зарубежных стран»³⁵¹.

Состоявший главным редактором журнала со дня его основания и до конца своих дней, М.Г. Нерсисян много сил приложил к редактированию этого академического издания, выходившего в годы советской власти четырьмя объемистыми

³⁵¹ Не датированное письмо М.Г. Нерсисяна, подписанное также В.А. Амбарцумяном и А.Р. Иоаннисяном, С.А. Товмасяну // Там же. Д. 63. Л. 9.

номерами в год. На протяжении десятилетий (я об этом могу судить на примере его деятельности как редактора в 1980-1990-х годах), он оставался верным своему намерению, со всей строгостью относясь к каждому намеченному к публикации материалу. В связи с этим пусть будет позволено ограничиться упоминанием одного обстоятельства, полностью вскрывающего его отношение как к журналу, так и к самой науке. Он как-то рассказал мне, что на заседании Президиума АН АрмССР, во время обсуждения его доклада о деятельности «ИФЖ», один из присутствовавших выступил с предложением о целесообразности издавать впредь журнал шестью номерами в год вместо четырех, чему он категорически воспротивился, исходя из интересов обеспечения его научного уровня³⁵².

Академик И.А. Орбели писал ему еще в 1960 г.: «Пользуясь предоставленным мне случаем, хочется пожелать, чтобы «Андэс» [«Журнал» — В.П.], который к сорокалетней годовщине Советской Армении пришел в качестве серьезнейшего академического журнала, развивал свои собственные традиции»³⁵³. Со всей ответственностью могу заявить, что до самой кончины он ни на шаг не отступил от этого завета И.А. Орбели.

Взяв на себя обязанности ректора ЕГУ в 1966 г., М.Г. Нерсисян буквально через год основал там солидный научный журнал по общественным наукам — «Вестник Ереванского университета» (1967), еще через год — научно-информационный журнал «Ереванский университет» (1968), выходившие трижды в год. Иначе говоря, представители различных поколений исследователей в Армении, испытывавших свои силы в области гуманитарных наук, реализацией своих творческих способностей в значительной степени обязаны ему. Он же стал основателем в ЕГУ факультета востоковедения (1968) и проблемной лаборатории арменоведческих исследований.

М.Г. Нерсисян долгие годы занимал высокие административные посты. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что до

³⁵² О деятельности М.Г. Нерсисяна, как редактора см.: П.М. Мурадян. Основатель-редактор «Историко-филологического журнала» // ИФЖ. 1999. № 1. С. 62-66 (на армянском яз.).

³⁵³ Письмо И.А. Орбели М.Г. Нерсисяну от 28 июля 1960 г. // НАА. Ф. 818. Оп. 1. Д. 427. Л. 37.

назначения на должность ректора ЕГУ в 1966 г., в 1950-1960, 1965-1966 гг. он занимал пост вице-президента по общественным наукам, а в 1962-1965 гг. — академика-секретаря отделения истории АН АрмССР. Однако, его больше привлекала научная работа. Он неоднократно с досадой говорил, что должность ректора отнимала много времени и сил, во многом препятствуя проведению плодотворных научных исследований на желаемом уровне. Это обстоятельство и побудило его в 1977 г. отказаться от занимаемой высокой должности, сменив ее на «должность» заведующего сектором армяно-русских отношений в Институте истории АН АрмССР. В заявлении на имя Первого секретаря ЦК КП АрмССР К.С. Демирчяна он писал в конце 1976 г.: «С апреля 1966 г. занимаю должность ректора Ереванского государственного университета. Эта трудная обязанность повлияла на мое здоровье и лишила меня возможности заниматься моей специальностью. Прошу освободить меня от должности ректора университета. Желаю отныне заниматься научной работой в республиканской Академии Наук, где проработал около 25-и лет»³⁵⁴.

М.Г. Нерсисян, тем не менее, не был сугубо академическим научным сотрудником. Он был одновременно и видным общественным деятелем, как ректор ЕГУ неоднократно избирался депутатом Верховного Совета СССР VII-IX созывов (1966-1979), до этого был депутатом Верховного Совета АрмССР (1951-1955), а в 1966-1980 гг. — членом ЦК Компартии АрмССР.

М.Г. Нерсисян, несомненно, отличался высоким гражданским обликом. «Я так много изучал историю декабристов, — часто повторял он, — что думаю главным образом о положении народа». Ограничусь одним примером, свидетельствующим о его искренней озабоченности жизнью своего народа. После выхода из печати армянского перевода составленного (совместно с Р.Г. Саакяном) и отредактированного им сборника документов и материалов по истории геноцида армян, он писал директору издательства «Айастан» Д.М. Саркисяну: «Прошу Вашего указания о перечислении в фонд пострадавших от землетрясения полагаемого мне гонорара за армянское издание сборника

³⁵⁴ Письмо М.Г. Нерсисяна К.С. Демирчяну от 21 декабря 1976 г. // Там же. Д. 418. Л. 9.

“Геноцид армян в Османской империи”»³⁵⁵.

Но нам хотелось бы подчеркнуть, в особенности, его озабоченность дальнейшей судьбой своего народа накануне и после провозглашения независимости Армении. Как специалист по истории русско-армянских отношений и геноцида армян, он отлично осознавал, чем чревато для армянского народа ухудшение отношений с Россией. Страстный поборник углубления и развития дружественных с ней отношений, он приводил многочисленные примеры из исторического прошлого, ссылаясь при этом на созвучные мнения выдающихся представителей армянского освободительного движения и умственного труда XVIII-XIX столетий.

Учитывая многостороннюю деятельность М.Г. Нерсисяна, академик В.А. Амбарцумян в обращении к нему в связи с 85-летием со дня его рождения писал: «Все мы, зная Вашу любовь к истине и Вашу смелость, приводим сегодня Ваше имя как пример общественного деятеля и историка. На самом деле, в Армении невозможно быть хорошим историком, не будучи заметным общественным деятелем»³⁵⁶.

Природа наделила М.Г. Нерсисяна такими редкими чертами характера, как честность, непосредственность, прямота и правдивость в общении, которые проявлялись при каждом разговоре с ним. В беседах с кем бы то ни было он избегал экивоков, что было ему совершенно чуждо, честно и прямо высказывая свое мнение.

К окружавшим М.Г. Нерсисян был внимателен и заботлив, при необходимости оказывал им материальную поддержку. Он был всегда готов помочь молодым историкам своими советами, оказывавшимися весьма полезными для них, как главный редактор «ИФЖ» читал в рукописи их статьи, помогал в правильной ориентации при выборе научных тем.

Сразу же после кончины М.Г. Нерсисяна, последовавшей в январе 1999 г., я написал о нем: «Сегодня, когда заслуженный историк оставил нас совсем недавно, рано еще со всей глубиной

³⁵⁵ Письмо М.Г. Нерсисяна Д.М. Саркисяну от 7 августа 1991 г. // Там же. Д. 425. Л. 10.

³⁵⁶ Письмо В.А. Амбарцумяна М.Г. Нерсисяну от 12 ноября 1995 г. // Там же. Д. 431. Л. 14.

осознать значение большой утраты, что, однако, незамедлительно даст о себе знать»³⁵⁷. Прошедшие годы, увы, доказали правоту моего заключения.

В письме А.З. Манфреду, в августе 1976 г. В.М. Далин писал: «Если бы существовало звание "Народного историка СССР", и оно присуждалось бы по заслугам, ты бы был первым кандидатом на это звание — ты стал наиболее популярным и наиболее читаемым (может быть только еще Милица [Васильевна Нечкина]) из всех наших историков»³⁵⁸. Полностью разделяя мнение, высказанное моим учителем, позволю себя заявить, что в армянской действительности первым кандидатом на это звание (если, конечно, «*оно присуждалось бы по заслугам*») по указанной В.М. Далиным причине, несомненно, был бы М.Г. Нерсисян.

³⁵⁷ В.А. Погосян. Историк, организатор науки, гражданин // ИФЖ. 1999. № 1. С. 72 (на армянском яз.).

³⁵⁸ М.В. Далин. К истории создания «четвертого портрета» (из эпистолярного наследия Виктора Моисеевича Далина) // ФЕ — 2006. Наполеон и его время. К 100-летию А.З. Манфреда (1906-1976). М. 2006. С. 70.

ГЛАВА VI

Г.С. КУЧЕРЕНКО

(ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ)*

В начале 1977 г., еще в бытность мою студентом пятого курса исторического факультета ЕГУ, в ереванском филиале «Академкниги», через пару месяцев после безвременной кончины А.З. Манфреда, мне в руки попала книга Геннадия Семеновича Кучеренко (1932-1997) «Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.» (М. 1975). То было мое первое знакомство с историком, с которым мне предстояло в середине 1980-х годов общаться почти ежедневно и долго вместе работать.

Пока же я открыл книгу, написанную неизвестным мне тогда еще автором, и первое, что бросилось в глаза, было его посвящение: «Памяти моего учителя Бориса Федоровича Поршнева». Пронзила мысль, что мне не суждено на той книге, которую, как я надеялся, со временем напишу, сделать аналогичное посвящение памяти А.З. Манфреда, чьим аспирангом стать я так хотел, но, увы, не успел. Тогда я еще не понимал, что в науке, помимо личного общения, есть и другие возможности испытать влияние мэтра — влияние, которое оставляет незгладимый след на индивидуальности историка как исследователя и определяет суть понятия «учитель»³⁵⁹.

Начиная с 1978 г., после поступления в аспирантуру, я в коридорах Института всеобщей истории АН СССР неоднократно лицом к лицу встречался с Г.С. Кучеренко, не имея еще опыта личного общения с ним. В том же году мне довелось присутствовать на двух его докладах. Первый он представил в июне 1978 г. на VIII международной конференции историков СССР и Франции, проходившей в Доме дружбы. С докладами выступали выдающиеся советские (в частности, В.М. Далин,

* Опубликовано в кн.: ФЕ — 2010. С. 433-441.

³⁵⁹ Свою первую книгу я позднее, конечно же, посвятил памяти А.З. Манфреда: В.А. Погосян. Переворот 18 фрюктидора V года во Франции. Ереван. 2004.

А.Р. Иоаннисян, А.Д. Люблинская) и французские (А. Собуль, Л. Тренар, и др.) историки. Г.С. Кучеренко посвятил свой доклад влиянию Руссо на Марешаля³⁶⁰.

Однако мне на всю жизнь запомнилось другое его выступление, 22 ноября того же года, на заседании группы по изучению истории Франции (или, как ее называли, «Французской группы»), посвященном памяти Б.Ф. Поршнева. Я пришел туда сразу же после сдачи экзамена кандидатского минимума по Новой и новейшей истории стран Западной Европы. Первым говорил А.В. Адо. После него председательствовавший на заседании В.М. Далин предоставил слово «другому ученику Бориса Федоровича, Геннадию Семеновичу Кучеренко». Опустив голову, тот медленно подошел к кафедре и приступил к чтению заранее написанного текста. В отличие от В.М. Далина и А.В. Адо, Г.С. Кучеренко не был оратором, в чем я впоследствии неоднократно имел возможность убедиться. Естественно, я уже не помню всех деталей, но говорил он в основном о преданности Б.Ф. Поршнева науке и об их отношениях. Г.С. Кучеренко рассказывал присутствовавшим о последнем завете своего учителя. За несколько часов до кончины, видимо, предчувствуя, что мгновения его жизни уже сочтены безжалостной судьбой, Борис Федорович позвонил вечером Г.С. Кучеренко и настойчиво попросил, чтобы тот и впредь продолжал углубленное изучение истории социалистических идей. Запомнилось мне и другое. В самом начале выступления, говоря о разносторонних научных интересах Б.Ф. Поршнева³⁶¹, Г.С. Кучеренко деликатно намекнул на недооценку его научных заслуг советской Академией Наук. Он прочел эти строки дрожащим голосом, все заметили, что докладчик еле сдерживал слезы.

До марта 1983 г. мы с Геннадием Семеновичем знали друг друга только в лицо. Однако затем, по его инициативе, между нами на долгие годы установились прочные и весьма полезные для моего профессионального роста отношения. После одного из

³⁶⁰ А. Намазова. Восьмая встреча советских и французских историков // ФЕ — 1978. С. 273.

³⁶¹ Напомним, что Ф. Бродель характеризовал его как «великана». См. его воспоминания об А.З. Манфреде: Ф. Бродель. In memoriam // ФЕ — 1976. С. 25.

А.З. Манфред

А.З. Манфред вместе с Рене Порталем (за несколько дней до кончины, Руайомон, декабрь 1976 г.)

А.З. Манфред во время последнего выступления
(Руайомон, декабрь 1976 г.)

В.М. Далин

В.М. Далин (второй слева в первом ряду) вместе с
ЦК комсомола Украины

ՏԳ. Նազյան

В.А. Дунаевский

Ա.Ր. Իօաննիսյան

Մ.Գ. Ներսիսյան

А.В. Адо

Г.С. Кучеренко

В.П. Смирнов

А.В. Чудинов

Альбер Собуль —
почетный доктор МГУ

Жан Тюлар

Мишель Вовель

Эрве Лёверс

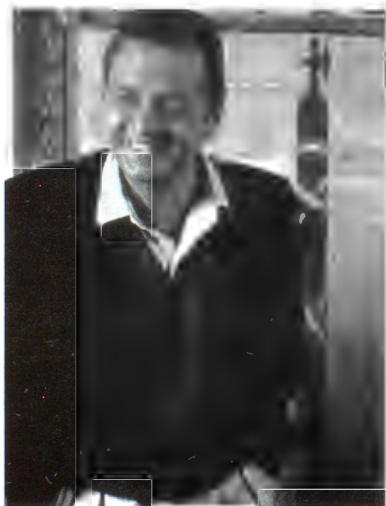
Жак Годшо в своем кабинете
(Тулуза, 1985 г.)

Жорж Дюби

Эммануэль
Леруа Ладюри

Франсуа Фюре

Робер Палмер

заседаний группы по изучению истории Франции, на котором 16 марта с докладом о новых подходах к истории исторической науки выступил Ш.-О. Карбонель, Г.С. Кучеренко подошел ко мне и пригласил на заседание возглавляемой им группы по истории Французской революции. Там он сам собирался рассказать о своей состоявшейся незадолго до того командировке в Италию, где участвовал в работе международной комиссии по изучению истории Французской революции, возглавляемой в то время Ж. Годшо: «Это Вам будет интересно. Да и вообще, я хочу, чтобы Вы участвовали в наших заседаниях». Тронутый его вниманием, я поблагодарил за приглашение, после чего стал регулярно посещать заседания этой группы, где мы имели возможность обмениваться мнениями о проблемах истории Французской революции и французской историографии.

Вместе с тем, на протяжении многих лет мне было суждено общаться с Г.С. Кучеренко и далеко за пределами «нашего дома историков, на улице Дмитрия Ульянова 19»³⁶², а именно — в коридорах Российской государственной библиотеки — нашей дорогой «ленинки», превратившейся в середине 1980-х годов в основное «место жительства» для нас обоих. Почти каждый день он посещал библиотеку, где оставался допоздна, а во время перерывов мы подолгу беседовали на представлявшие для нас интерес темы. Наши ежедневные беседы скоро привели меня к следующему выводу: ему, человеку одаренному от природы душевной теплотой, было присуще чувство самой высокой ответственности перед наукой, что обуславливало его глубочайшее уважение к памяти ушедших из жизни выдающихся историков и невероятно заботливое отношение к молодым исследователям.

Помню, с каким почтением Г.С. Кучеренко отзывался о своих старших коллегах — А.З. Манфреде, В.М. Далине, А.Р. Иоаннисяне³⁶³, о которых мы с ним не раз вели длительные бе-

³⁶² Выражение А.З. Манфреда. См.: А.З. Манфред. Борис Федорович Поршнев // ФЕ — 1972. М. 1974. С. 341.

³⁶³ В Фундаментальной библиотеке НАН Армении хранится экземпляр книги Г.С. Кучеренко «Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.» из личной библиотеки А.Р. Иоаннисяна с дарственной надписью автора: «Дорогому Абгару Рубеновичу, старейшине советских "утопистов" на добрую память».

седы. Как-то в Химках, в филиале «ленинки», мы заговорили о выборах в АН СССР, в которых и он в 1981 г. принимал участие, увы, с неудачным исходом. И тогда-то Г.С. Кучеренко, человек очень искренний и правдивый, высказал такое мнение о несостоявшемся баллотировании А.З. Манфреда в декабре 1976 г.: «Он бы не прошел и на этот раз». Поскольку комментарии были излишни, да и он их избегал, я могу подтвердить обоснованность его предположения ссылкой на слова вдовы А.З. Манфреда, Н.В. Кузнецовой, в свое время отговаривавшей мужа выдвигаться на этих выборах. В разговоре со мной в январе 1979 г. она так объяснила свою позицию: «Я ему говорила: какая тебе разница, что будет написано на могильной плите — академик или профессор? Ты лучше напиши книги о Руссо и Давиде»³⁶⁴. К сожалению, А.З. Манфред не послушался мнения супруги, что и привело к роковому исходу как для него самого, так и для советского франковедения³⁶⁵.

Когда после завершения своей работы в ЮНЕСКО Г.С. Кучеренко в 1990 г. вернулся в Москву, он рассказывал мне о своей работе в Париже, о поездках по Франции. Узнав, что ему довелось побывать в Тулузе, я сразу же спросил, имея в виду, конечно же, Ж. Годшо: «Могилу посетили?» «Ну а как же!», — ответил он и стал описывать надгробную плиту. Но самое главное, на что мне очень хотелось бы обратить внимание, в его голосе я уловил нотку не только удивления, но и некоторого возмущения, досады. Его ответ можно было истолковать приблизительно следующим образом: «Как же я мог не посетить его могилу?!»

Г.С. Кучеренко высоко ценил вклад отечественных историков, своих предшественников, не только в разностороннее, глубокое изучение истории Франции, но и в организацию научно-исследовательской работы. Воздавая им должное, он, тем не

³⁶⁴ См. об этом также беседу Д.Ю. Бовыкина с Н.В. Кузнецовой: «Время заставляло думать о революции...» // ФЕ — 2006. С. 16.

³⁶⁵ В этом отношении он разделял судьбу Б.Ф. Поршнева. См. о роковой роли выборов в АН СССР в судьбе Бориса Федоровича: С.В. Оболенская. Первая попытка «Французского ежегодника». С. 68; О.Т. Вите, А.В. Гордон. Борис Федорович Поршнев (1905-1972) // НиНИ. 2006. № 1. С. 199. Полностью разделяю мнение С.В. Оболенской, имевшей все основания для характеристики выборов в АН СССР весьма несправедливым и порой даже грязным делом. См.: С.В. Оболенская. Указ. соч. С. 68.

менее, по праву полагал, что с их уходом из жизни развитие науки не может остановиться. Он и слышать не хотел о какой-либо перспективе разрыва, настаивал на необходимости сохранения преемственности и неоднократно повторял фразу: «В этой стране есть традиции, которые мы должны сберечь и продолжить».

Говоря в начале 1980-х годов об организаторской работе в сфере исследований, он выделял имена А.В. Адо и В.П. Смирнова, несших вместе с ним основное бремя лидерства в советском франковедении. В то же время, отнюдь не считая себя незаменимым, Г.С. Кучеренко был глубоко озабочен подготовкой продолжателей своего дела, которые со временем смогли бы достойно заменить и его коллег, и его самого в сохранении славных традиций отечественной науки. С плохо скрываемой душевной болью он говорил о тех коллегах, кто, не обращая внимания на подготовку научных кадров, был погружен только в собственные исследования и заботы.

Г.С. Кучеренко был блестящим организатором науки и ради координации коллективных научных изысканий порою жертвовал личными исследовательскими интересами. Его чрезвычайно тревожил вопрос плодотворной смены поколений. И дабы со временем факел традиций отечественного франковедения не угас, он старался сгруппировать вокруг себя как можно больше способных молодых историков, в которых видел будущее науки. Ко всем находившимся рядом он относился с большим вниманием, я бы сказал, с отеческой заботой. Не щадя своего времени, он уделял работе с начинающими исследователями много сил. Мне не раз доводилось видеть в институте, с какой готовностью Г.С. Кучеренко общался с молодыми коллегами, причем, не только со своими учениками, читал в рукописи их статьи, правил тексты, деликатно высказывал замечания, с удовольствием и подолгу беседовал с ними на научные темы. «Настанет время, когда нас не будет, но будете Вы», — сказал он мне летом 1983 г. Могу со всей ответственностью заявить, что никто из тех историков, с кем мне приходилось сотрудничать, так бережно и с таким усердием не работал с молодежью, как Г.С. Кучеренко. Состязаться с ним в этом мог только А.В. Адо.

Мне было очень интересно общаться с Г.С. Кучеренко. С мягкой дружеской улыбкой на лице, он никогда не повышал голоса, и самое главное, никогда не давал почувствовать существующую между нами огромную разницу в положении. Он относился ко мне так же внимательно и заботливо, как к своим ученикам. И хотя мы обсуждали широкий спектр вопросов, в центре наших разговоров, безусловно, были проблемы исторической науки. Я часто расспрашивал его о зарубежных, в частности, французских историках разных направлений, со многими из которых он установил личные связи и подружился во время своих зарубежных поездок. Он рассказывал о встречах со многими из них, но больше всего — о Р. Коббе и Ж. Годшо. Геннадий Семенович с уважением говорил об английском историке, с которым много общался в 1964 г., работая в Национальном архиве Франции. Он ценил Р. Кобба за не ослабевающее с годами пристрастие к архивным изысканиям, и, в отличие от ряда своих советских коллег, избегал критических замечаний в его адрес даже после перемены Коббом своих научных интересов в последний период жизни³⁶⁶. С глубокой болью Г.С. Кучеренко говорил о склонности Р. Кобба к спиртным напиткам, отмечая, что тот еще в 1960-х годах каждое утро приходил в архив после нескольких рюмок кальвадоса. «А это такая зараза, которая ни к чему хорошему не приведет», — грустно заключал он³⁶⁷.

С особым почтением и теплотой Г.С. Кучеренко отзывался о Ж. Годшо, с которым в 1970-1980-х гг. встречался в разных странах во время международных colloquiums. Он часто со всеми подробностями рассказывал мне о своих беседах с этим выдающимся французским историком, о том, каким тот был внимательным и доброжелательным человеком. Высоко ценя научные заслуги Ж. Годшо, Г.С. Кучеренко ни разу не упомянул о предложенной им теории «атлантической» революции, из-

³⁶⁶ См. об этом: А.В. Гордон. Указ. соч. С. 253-270.

³⁶⁷ По признанию А.В. Гордона, у него из рассказов А.В. Адо, который знал Р. Кобба лично, сложился образ этого историка — «одинокое чудачко, делящего время между архивной работой и поглощением спиртного». Там же. С. 252.

бега какой бы то ни было критики в его адрес. В этом проявлялась одна из характерных черт Геннадия Семеновича: по возможности избегать критики как советских, так и зарубежных исследователей, тем более столь заслуженных. Вместо этого он повторял: «За что я ценю Годшо — это за ясность языка». Узнав, что в одной из статей я собрался оспорить какое-то из заключений Ж. Годшо относительно Директории, Г.С. Кучеренко по-отечески посоветовал: «Это надо делать осторожно, Жак остается Жаком».

В разговорах с Г.С. Кучеренко мы не обходили стороной и ожесточенные споры, шедшие в современной нам историографии Французской революции. Несомненно, он был значительно более восприимчив, чем его старшие коллеги, к выдвинутым западными исследователями новым подходам в изучении революционной эпохи. Г.С. Кучеренко был далек от присущего некоторым предшественникам революционного романтизма и уже в 1983-1984 гг. проявлял гораздо более спокойное, чем они, и, в то же время, вполне сдержанное отношение к отклонениям от марксистской интерпретации истории Французской революции. К примеру, он не участвовал в ожесточенной критике рядом советских франковедов концепции Французской революции Ф. Фюре. Не разделяя его взглядов, Г.С. Кучеренко, тем не менее находил и рациональное зерно в его критике трактовки Революции историками-марксистами. Ф. Фюре упрекал их за недооценку развития капиталистических отношений во Франции при Старом порядке и утверждения в том, что до Революции во французской экономике господствовал феодализм, а после нее наступило торжество капитализма. Такая упрощенная интерпретация истории революционной эпохи, долгое время полновластно господствовавшая в советской историографии, была на самом деле достойна осуждения, ибо за одно только десятилетие Революция не смогла бы в корне изменить социально-экономический облик страны и одержать полную победу над Старым порядком. Об этом во второй половине 1980-х годов не раз писал и А.В. Адо, подчеркивая, что победа Революции «подразумевает наличие достаточно развитых и зрелых альтернативных структур»³⁶⁸.

³⁶⁸ См. например: А.В. Адо. О месте Французской революции конца XVIII века в процессе перехода от феодализма к капитализму // Актуальные

Не принимая излишне прямолинейный подход Ф. Фюре к истории предреволюционной Франции, Г.С. Кучеренко отмечал, наряду с высоким уровнем развития капиталистических отношений во французской экономике XVIII столетия, и сохранявшиеся в ней средневековые пережитки. Ссылаясь на данные новейшей зарубежной литературы, он говорил: «В до-революционной французской экономике сохранялись остатки сеньориальных отношений и одновременно развивались ростки капиталистических. При таком подходе ни Фюре, ни Рише уже не могут со мной поспорить».

Сам Г.С. Кучеренко, человек глубочайшей внутренней культуры, никогда не позволял себя отзывать с пренебрежением об историках Запада, не разделявших взглядов историков-марксистов. Поэтому, его очень уязвило выступление М. Ферро в марте 1986 г. на заседании Французской группы, которой он руководил после кончины В.М. Далина. Французский историк позволил себе довольно язвительно иронизировать над присутствовавшими только на том основании, что они придерживались марксистской методологии. Г.С. Кучеренко был крайне возмущен таким поведением и на следующий день в разговоре со мной поделился своим негодованием.

Замечу, кстати, что Ш.-О. Карбонель, в отличие от М. Ферро, никогда в разговорах с советскими историками, в том числе и со мной, не считал возможным сколько-нибудь неуважительно отзывать об исследователях-марксистах и об их методологии. Ш.-О. Карбонель, которого, несомненно, никак нельзя упрекнуть в симпатиях к марксизму и советской науке, о чем могу судить по нашим с ним, зачастую не очень мирным, беседам, со временем подружился с Г.С. Кучеренко и как-то рассказал мне об одном эпизоде их общения. Во время работы Г.С. Кучеренко в Париже, им довелось в 1988 г. случайно встретиться на одном из заседаний. Не скрывая своей симпатии к советскому историку, Ш.-О. Карбонель обнял его и поцеловал. И потом признавался, что многие из присутствовавших были этим больше чем удивлены. Их реакцию он объяснял так: «Как, это Карбонель обнимается с советским гражданином!?» Но я-то, хорошо знавший Геннадия Семеновича, этому не удивляюсь. Человек, глубоко

проблемы изучения истории Великой французской революции. С. 9-10.

интеллигентный, поистине рафинированный, он умел деликатно себя вести со всеми, очаровывая собеседников и вызывая к себе неподдельную симпатию.

Довольно прохладно Г.С. Кучеренко отнесся и к оживленным спорам между советскими историками относительно классовой сущности якобинской диктатуры. Он не любил категорических суждений и полагал, что вовлеченные в эту острую дискуссию стороны в равной степени впадают в крайности. «Для Альберта Захаровича [Манфреда] левее якобинцев никого нет, для Ревуненкова они представители одной только буржуазии. Надо, видимо, искать "золотую середину"». Таково было его отношение к природе якобинской диктатуры, которое я полностью разделяю. Характерно, что в 1970 г. Г.С. Кучеренко не захотел выступать на организованном в Институте всеобщей истории симпозиуме по проблемам якобинской диктатуры³⁶⁹.

* * *

Г.С. Кучеренко был настоящим историком-профессионалом, страстным тружеником науки. Он изучал историю французской общественной мысли Нового время, но в то же время его интересовали, казалось бы, самые незначительные детали политической истории Французской революции. Не раз он расспрашивал меня о правых деятелях времен Директории и зачастую, не удовлетворяясь моими объяснениями, просил указать источники. Запомнилась одна из наших бесед, ярко высветившая его высокую требовательность к точности приводимых фактов. Как-то я ему сказал, что претендент на французский трон Людовик XVIII, помимо официального титула графа Прованского, в годы Директории именовал себя и графом де л'Иль (de l'Isle). Поскольку эта информация, далекая от собственных научных интересов Г.С. Кучеренко, его очень заинтересовала, он попросил у меня сообщить, из какой книги я ее почерпнул. На следующий день, он внимательно прочел подготовленную для него выдержку из написанного герцогом де Кастри биографического исследования о Людовике XVIII³⁷⁰ и, поблагодарив меня, оставил ее у себя.

³⁶⁹ О том, как настроенно он отнесся к этой дискуссии, см.: А.В. Гладышев. Г.С. Кучеренко: штрихи биографии // ФЕ — 2002. С. 192.

³⁷⁰ *Castries duc de. Louis XVIII. Portrait d'un roi.* Paris. 1969.

Г.С. Кучеренко был просто не в состоянии представить себе, как можно в научных трудах ссылаться на источники, и тем более архивные документы, никогда не видев их в глаза. Говоря об этой порочной практике, он не скрывал презрения к подобным так называемым «исследователям», которые без тени смущения и малейшего угрызения совести писали свои работы на основе материалов, собранных для них другими людьми. В этой связи он вспоминал одного неизвестного мне французского историка, который, в его же присутствии, ничуть не смущаясь, раздавал по утрам задания своим ученикам у дверей Национального архива Франции, а по вечерам, после завершения работы, приходил и забирал добытые ими материалы.

С досадой говорил Г.С. Кучеренко и о коллегах, заставлявших работать на себя своих подчиненных и учеников. Такие методы, в равной степени как и подобное обращение, в особенности, к ученикам, ему претили.

* * *

После завершения Г.С. Кучеренко работы в ЮНЕСКО и возвращения в Москву в конце 1990 г., мы с ним общались уже не столь часто, как прежде, поскольку в библиотеке он появлялся теперь крайне редко³⁷¹. Поэтому мне, естественно, трудно сказать что-либо о его душевном состоянии, образе мыслей и переживаниях в последний период жизни. Однако многие из тех, кто в эти годы общался с ним чаще меня, и тем более те, кто находился рядом с ним ежедневно, констатировали глубокий духовный стресс, в котором он находился из-за потрясших нашу страну перемен, приведших в конечном итоге к распаду СССР. Тогда же полностью пропал общественный интерес к истории коммунистической и социалистической мысли — тематике, изучению которой он посвятил всю свою жизнь. Судя по тому, что за семь лет, прошедшие от его возвращения на родину до кончины, Г.С. Кучеренко не только почти не бывал в библиотеке, но и практически не публиковался, выглядит весьма правдоподобным мнение А.В. Гладышева о том, что в этот период

³⁷¹ Об этом вспоминала позднее и его вдова Н.Ф. Кучеренко. См.: А.В. Гладышев. Указ. соч. С. 203.

он переживал «тяжелейший творческий кризис»³⁷².

Не буду углубляться в причины столь печального его состояния в постперестроечный период, отмечу лишь, что любая имевшая место в истории человечества революция калечила, вне зависимости от своей формы, судьбы миллионов людей, поневоле попавших в жернова революционных потрясений и зачастую превращенных в прах их неумолимым движением. Но как раз о таких безгласных жертвах перемен историки и писатели обычно почему-то хранят молчание. Одним из блестящих исключений здесь является Б.Л. Пастернак, не случайно ставший одним из любимых писателей Г.С. Кучеренко³⁷³. В гениальном романе «Доктор Живаго», удостоенном Нобелевской премии, он сумел через судьбу главного героя раскрыть внутреннюю драму, если не трагедию, целого поколения ни в чем не повинных людей, которые не смогли найти себе места в новом обществе, порожденном российской революцией 1917 г.

Однако, посмертная судьба Г.С. Кучеренко во многом отличается от судеб миллионов его соотечественников, не сумевших, как и он, приспособиться к новым, жестким и жестоким, условиям постсоветской действительности. Он по-прежнему остается вместе с нами, благодаря своим замечательным книгам — глубоким научным исследованиям по истории социалистической мысли и советской историографии истории социалистических идей³⁷⁴.

Геннадий Семенович Кучеренко будет и впредь рядом со мной и с моими коллегами до тех пор, пока из наших рук не выпадет перо...

³⁷² А.В. Гладышев. Три советских историка французского коммунизма XVIII в.: Волгин, Поршнев, Кучеренко // ФЕ — 2007. С. 211-212.

³⁷³ А.В. Гладышев. Г.С. Кучеренко: штрихи биографии. С. 205.

³⁷⁴ Г.С. Кучеренко. Судьба «Завещания» Жана Мелье в XVIII веке. М. 1968; его же: Сен-симонизм в общественной мысли XIX в. М. 1975; его же: Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии XVI — первая половина XIX в. М. 1981; В.А. Дунаевский, Г.С. Кучеренко. Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков. М. 1981.

ГЛАВА VII

О ПЕРЕИЗДАНИИ КНИГИ АКАДЕМИКА Е.В. ТАРЛЕ «НАПОЛЕОН»*

Разносторонние научные интересы, колоссальная эрудиция, легкость и живость преподнесения материала в сочетании с глубокой и всесторонней научной интерпретацией изучаемых проблем с давних пор превратили академика Евгения Викторовича Тарле (1874-1955) в одного из известнейших и популярнейших историков XX столетия.

В богатом творческом наследии Е.В. Тарле значительное место занимают работы по истории наполеоновского времени. Наряду с сугубо научными исследованиями в этой области («Континентальная блокада», «Печать во Франции при Наполеоне I», «Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I» и т. д.), его перу принадлежат и труды более обобщающего характера, в том числе работы биографического жанра.

Ж. Годшо вспоминал, что А. Матъез считал биографический жанр самым сложным в «ремесле историка»³⁷⁵. Именно на этом сложнейшем поприще Е.В. Тарле себя проявил блестяще. Такие его книги, как «Наполеон» или «Талейран», написанные в стиле лучших традиций литературных классиков XIX столетия и адресованные не только специалистам, но и широким читательским кругам, стали хорошо известными со дня их выхода и прославили имя Е.В. Тарле далеко за пределами его родины. Тем не менее, значение этих книг отнюдь не исчерпывалось обеспечением их автору вполне заслуженного непрерываемого авторитета в научных кругах и закрепления за ним почетного места среди крупнейших наполеоноведов.

Из всех книг Е.В. Тарле особый интерес неизменно вызывало биографическое исследование о Наполеоне, неоднократно издававшееся в СССР и за рубежом (за пределами его родины она была впервые опубликована в Париже в переводе на французский

* Написано в 1993 г., публикуется впервые.

³⁷⁵ J. Godechot. *Vingt-cinq ans d'études sur l'histoire de la Révolution à Toulouse et dans la région toulousaine* // AHRF. 1971. № 203. P. 172.

в 1937 г.). Однако среди многочисленных изданий «Наполеона» выделяется прекрасно оформленное, богато иллюстрированное и выдержанное на самом высоком научном уровне переиздание, подготовленное к печати В.А. Дунаевским и Е.И. Чапкевичем. Оно воспроизведено по тексту книги, вошедшей в собрание сочинений Е.В. Тарле в 12-и томах³⁷⁶, и опубликовано издательством «Пресса» тиражом в 100 тысяч экземплярах³⁷⁷.

Но прежде чем перейти к рассмотрению достоинств и некоторых упущений этого издания, вкратце остановимся на самой монографии знаменитого историка. Со времени ее опубликования в 1936 г. прошло более полувека. За минувшее время историческая наука продвинулась далеко вперед. На смену поколению историков 1930-1940-х годов пришли новые исследователи, обогатившие наполеоноведение ценными трудами. Достойны упоминания имена Э. Терсена, А. Кастело, Ж. Тюлара, Ж.-П. Берто. Особое место среди них принадлежит А.З. Манфреду, удивительно талантливая книга которого о Наполеоне, по мнению Ж. Годшо, «достойна быть отнесенной к лучшим биографиям императора»³⁷⁸. И тем не менее, книга Е.В. Тарле все еще с не ослабевающим интересом воспринимается читателями наших дней. Так в чем же ее колоссальная притягательная сила?

В середине 1930-х годов, когда она была написана, в наполеоноведении господствовало идеализировавшее Наполеона апологетическое направление, берущее начало с последней четверти XIX столетия, родоначальниками которого были А. Сорель и А. Вандаль. В 1920-1930-х гг., во Франции издавались и переиздавались книги Э. Дрио, Л. Мадлена, представлявших это направление и тех, кто находился под его влиянием. Этому историографическому направлению было присуще изображение Наполеона чуть ли не сверхчеловеком, спасшим Францию от неименуемой гибели в конце XVIII столетия, слепой культ

³⁷⁶ Е.В. Тарле. Наполеон // Е.В. Тарле. Сочинения. Т. 7. М. 1959.

³⁷⁷ Е.В. Тарле. Наполеон. Подготовка текста, общая редакция, подбор иллюстративного материала д.и.н. В.А. Дунаевского. Послесловие и комментарии В.А. Дунаевского и Е.И. Чапкевича. Оформление художника А.Н. Жилина. М. 1992.

³⁷⁸ J. Godechot. La période révolutionnaire et impériale (publications de 1978 à 1985) // Revue historique. 1986. № 557. P. 200.

обожествления его личности.

Начало подлинной научной разработки истории наполеоновской эпохи Ж. Годшо связывал с деятельностью «университетских» исследователей начала XX столетия, во главе с А. Оларом. В оценке личности и деятельности Наполеона А. Олар проявил более объективное отношение. В то же время по его указаниям ряд его учеников приступил к углубленному изучению различных проблем истории наполеоновской империи³⁷⁹.

Обозначившаяся к началу XX столетия, пока еще весьма слабо, тенденция более объективной оценки деятельности Наполеона углубилась в середине 1930-х годов, когда была опубликована монография Ж. Лефевра³⁸⁰. Он нарисовал реалистический портрет Наполеона, исходя в трактовке переворота 18 брюмера и бонапартистского режима из соотношения политических и социальных сил, сложившихся во Франции к концу XVIII столетия.

Такова была, в общих чертах, обстановка в области наполеоноведческих исследований накануне появления книги Е.В. Тарле.

Эта первая, написанная с марксистских позиций научная биография Наполеона опиралась не только на тщательное изучение необозримой литературы, но и на неопубликованные документы, привлеченные автором из архивных хранилищ зарубежных стран. Важнейшие явления эпохи, связанные с природой бонапартистского режима, возвышение и падение империи Е.В. Тарле освещал под новым углом зрения. Не вдаваясь в подробности, рассмотрим основополагающие положения, легшие в основу его книги.

Основная идея, которой пронизана вся книга, сводилась к оценке бонапартизма, как военного и авторитарного политического режима. Справедливости ради отметим, что до него на это обстоятельство обратил внимание еще Ж. Лефевр. Но если тот ограничился самыми общими замечаниями на этот счет, то Е.В. Тарле разносторонне осветил классовую природу бонапартистского режима, впервые дал развернутую и научно аргументированную оценку военной диктатуры Наполеона, которая, как он полагал, выражал интересы крупной промышленной и торговой французской буржуазии.

³⁷⁹ J. Godechot. L'Europe et l'Amérique à l'époque napoléonienne (1800-1815). Paris. 1967. P. 289.

³⁸⁰ G. Lefebvre. Napoléon. Paris. 1935.

Эта оценка, безусловно, страдает однобокостью, поскольку установленный Наполеоном режим зачастую ущемлял интересы той же крупной буржуазии. В то же время политика Наполеона отражала интересы более широких слоев французского общества, а не одной лишь крупной буржуазии. В любом случае, авторитарный и военный характер наполеоновской власти, так упорно не признававшийся апологетами Наполеона, фактически впервые со всей глубиной был раскрыт Е.В. Тарле. Именно в этом одна из важнейших его заслуг.

Однако в оценке роли Бонапарта в перевороте 18 брюмера Е.В. Тарле, в отличие от Ж. Лефевра, не пошел дальше А. Вандаля. В интерпретации этой первостепенной важности проблемы Ж. Лефевр всю ответственность за переворот возлагал не на Бонапарта, а на определенные круги французской буржуазии, подготовившие его во время нахождения генерала в Египте³⁸¹. Е.В. Тарле же, вслед за А. Вандалем продолжал настаивать на том, что Бонапарт, оставив Восточную армию на произвол судьбы в пустынях Египта, спешно вернулся во Францию с твердым намерением свержения Директории и захвата власти. Он даже утверждал о наличии у Бонапарта такого замысла еще со времен итальянской кампании.

Такая интерпретация роли Бонапарта, имеющая своих сторонников и в наши дни (А. Кастело, М. Пониатовский, Ж. Тюлар)³⁸², была основательно опровергнута А.З. Манфредом, убедительно доказавшим отсутствие у Бонапарта таких замыслов до его возвращения из Египта. Отметим также, что среди современных французских историков роль Бонапарта в перевороте, в целом, с аналогичных позиций трактуют Ж.-П. Берто, Р. Дюфресс и др.³⁸³. Но при рассмотрении интерпретации, выдвинутой Е.В. Тарле в этом вопросе, как и его видения наполеоновской эпопеи в целом, непременно следует учесть и

³⁸¹ G. Lefebvre. *Op. cit.* P. 60. Его более развернутую точку зрения см.: G. Lefebvre. *La France sous le Directoire*.

³⁸² A. Castelot. *Bonaparte*. Paris. 1967 ; M. Poniatowski. *Talleyrand et le Directoire*. Paris. 1982 ; J. Tulard. *Le Directoire et le Consulat*. Paris. 1991.

³⁸³ J.-P. Bertaud. *18 brumaire. Bonaparte prend le pouvoir*. Bruxelles. 1987 ; *idem*: *Initiation à la Révolution française*. Paris. 1989 ; R. Dufraisse. *Napoléon*. Paris. 1987 ; J.-D. Berdin. *Sieyès. La clé de la Révolution française*. Paris. 1988.

особенности исторической эпохи, породившей эту книгу.

Как и подавляющее большинство исторических исследований, она была призвана к жизни велением своего времени. Общая политическая обстановка в стране в значительной мере повлияла на оценку Е.В. Тарле деятельности Наполеона. Будучи современником формирования сталинской диктатуры, работая в условиях беспрецедентного в истории восхваления роли личности новейшего диктатора и деспота, Е.В. Тарле, поддавшись веяниям времени, сам преувеличивал роль генерала Бонапарта в исторических судьбах Франции на рубеже XVIII-XIX столетий, дабы подчеркнуть определяющую роль личности в истории.

Применяя марксистскую методологию, Е.В. Тарле вскрыл захватнический, хищнический характер наполеоновских войн, показав при этом их прогрессивную роль в процессе перехода от феодализма к капитализму на европейском континенте. В то время, как многие его предшественники и современники (Л. Мадлен и др.) усердно искали причины падения империи в поражениях Наполеона на поле брани и обуславливали его низвержение, главным образом, военными неудачами, Е.В. Тарле перенес центр тяжести в иную плоскость. Согласно его концепции, определяющую роль в распаде наполеоновской империи сыграли гегемонистические устремления Наполеона, воплотившиеся в проводимую им с 1806 г. политику континентальной блокады, препятствовавшую свободному социально-экономическому развитию поработанных стран и приведшую к краху его необъятной империи.

В освещении узловых проблем наполеоновской эпохи Е.В. Тарле во многом разошелся с представителями апологетического направления, но в, конечном итоге, так и не смог полностью порвать с некоторыми его традициями. Ведь влияние этого направления сказалось не только на оценке роли генерала Бонапарта в перевороте 18 брюмера, но и в том, как любовался историк деятельностью Наполеона в период кампании 1814 г., или же Стадней, что не осталось незамеченным Н.М. Лукиным³⁸⁴.

Не обращаясь к рассмотрению идейной эволюции молодого Бонапарта, Е.В. Тарле сконцентрировал внимание на его деятель-

³⁸⁴ См. рец. Н.М. Лукина на его книгу: Н.М. Лукин. Избранные труды. Т 1. М. 1960. С. 504.

ности на военном поприще в период Директории. Красочны и привлекательны страницы книги, посвященные итальянской и египетской кампаниям, с присущим ему блеском Е.В. Тарле описал военные походы времен Консульства и Империи, важнейшие сражения (Аустерлиц, Иена, Бородино, Лейпциг и др.). Несомненно, одним из неоспоримых достоинств книги является воссоздание автором ярких и живых портретов деятелей давно минувшего времени. На обширном полотне исторической эпохи, магической «кистью художника» Е.В. Тарле запечатлел самых разнообразных деятелей ближайшего окружения Наполеона. Перед читателем один за другим вырисовываются продажный Баррас и вероломный Талейран, любимцы императора «лихой гусар» Ланн и Даву, его жены Жозефина и Мария Луиза и многие другие. А с каким тонким мастерством он воспроизвел сцены коронации Наполеона, торжеств, организованных в связи с его вторым бракосочетанием, душераздирающего отступления остатков Великой армии по безграничным снежным просторам «холодной России», достойной быть сопоставимой с описанием той же картины в бессмертной «Человеческой комедии» (речь идет о повести «Прощай») Бальзака³⁸⁵, прощания императора в Фонтенбло со старой гвардией.

Благодаря незаурядному литературному дарованию Е.В. Тарле, его повествование не только захватывает неискушенного читателя, но и создает перед ним иллюзию, якобы автор является очевидцем событий прошлого, современником исторических деятелей (в этом отношении ему ничуть не уступал лишь А.З. Манфред). От первой и до последней страницы его книга читается с захватывающим интересом, вызывая чувство глубокой грусти у тех, кто перевернул ее последнюю страницу.

Все это ни в коей степени не означает, что все интерпретации и точки зрения автора бесспорны и сохранили научное значение, на чем мы уже частично остановились. В свете новейших достижений исторической науки бросаются в глаза его весьма негативная оценка Директории, в политике которой автор не видит ничего позитивного, поверхностное освещение русско-

³⁸⁵ О. Бальзак. Собрание сочинений в 24-х томах. Т. 19. М. 1960. С. 104-145.

французских отношений в 1801-1807 гг. Исследователи наших дней, конечно, не согласятся с ним в оценке дореволюционного строя во Франции, как «абсолютистско-феодального», или же с его односторонней трактовкой позиции французского роялизма в 1795-1797 гг. как монолитной политической силы.

В любом случае, монография Е.В. Тарле во многом сохранила свое научное значение. Интерпретация историком ключевых проблем изучаемой эпохи (характера бонапартистского режима, наполеоновских войн, причин гибели Великой армии в России и т. д.) перекликаются с современными спорами в историографии. Без всякого сомнения, именно по этой причине К. Мазорик утверждает о сохранении актуальности и оригинальности повествования Е.В. Тарле³⁸⁶, что и определяет прочное место, принадлежащее его книге среди неисчислимых работ, посвященных Наполеону.

Глубоко научная, и в то же время написанная в самой доступной для массового читателя форме (первое издание было опубликовано в серии «Жизнь замечательных людей»), книга Е.В. Тарле о Наполеоне привлекла сердца миллионов далеких от исторической науки читателей, как его современников, так и последующих поколений. С годами интерес к ней не иссяк, а спрос на нее еще велик. Исходя из этого, В.А. Дунаевский подготовил ее новое переиздание, во многом отличающееся от предыдущих.

В приложенном к книге обстоятельном послесловии В.А. Дунаевский и Е.И. Чапкевич проследили основные этапы тернистого творческого пути Е.В. Тарле, сложный процесс формирования его мировоззрения и эволюции его взглядов от эклектизма к марксизму.

Предметом специального рассмотрения в послесловии стала деятельность Е.В. Тарле в трудный период его жизни, наступивший после победы революции 1917 г. в России. Сосредоточивая внимание на проводимой Сталиным политике репрессий против крупных ученых — гуманитариев (вошедшей в историю под именем «академического дела»), жертвой которой стал и Е.В. Тарле, авторы сравнительно мало места уделили гонениям на

³⁸⁶ C. Mazaucic. Avant-propos // E. Tarlé. Napoléon. Moscou. 1990. P. 3.

него со стороны историков-марксистов, представителей школы, возглавлявшейся академиками М.Н. Покровским и Н.М. Лукиным и третировавшей его как «буржуазного» историка.

Всесторонне освещена трудная судьба, выпавшая на долю книги Е.В. Тарле о Наполеоне, на примере которой можно убедиться, что путь историка к вершинам научного Олимпа был усыпан не одними только розами³⁸⁷, как это представлялось молодому поколению советских историков 1970-1980-х гг., располагавших самыми скудными сведениями о его жизни.

В книге содержатся комментарии (с. 581-595) и аннотированный указатель имен (с. 596-637), отражающий краткие биографии упомянутых Е.В. Тарле исторических деятелей, также составленные В.А. Дунаевским и Е.И. Чапкевичем. Строгие издательские рамки, безусловно, отразились на сжатом объеме комментариев и охвате материала. Так или иначе, авторы прокомментировали основные события и исторические факты, нуждающиеся в разъяснении для массового читателя. В ряде случаев они сопоставили некоторые трактовки Е.В. Тарле с точкой зрения других исследователей (А.З. Манфред и др.) по тому или иному вопросу. Именно под таким углом зрения было бы желательно остановиться также и на мифах о республиканизме генерала Моро (с. 161), или же о содержании «в ранце каждого солдата жезла маршала» (с. 183), в ряде изречений Наполеона, окончательно развеянных современными, в том числе отечественными исследователями³⁸⁸, что к сожалению, не отразилось в комментариях.

В разъяснении нуждались, конечно, и некоторые факты, о которых в книге Е.В. Тарле имеются лишь беглые упоминания. К примеру, не подготовленному читателю недостаточно ясно, что представляли собой «польские легионы», созданные в 1796-1797 гг. и в 1807 г., или же «итальянский батальон» и «эскадрон мамелюков», входивших в императорскую гвардию. Ни в

³⁸⁷ См. подробно: **Е.И. Чапкевич**. Страницы биографии академика Е.В. Тарле // *НиНИ*. 1990. № 4. С. 45-48.

³⁸⁸ См. например: **Е.Б. Черняк**. Невидимые империи. Тайные общества старого и нового времени на Западе. М. 1987. С. 108-118; **К.Г. Бочоришвили**. Карьера наполеоновского солдата // *ВИ*. 1985. № 6. С. 181-186.

монографии, ни в комментариях читатель не сможет почерпнуть сведений о том, какие конкретно литературные наброски принадлежали Наполеону в 1789 г. Как нам представляется, нуждался также в объяснении вопрос, касающийся усиления континентальной блокады дополнительными декретами после 1806 г. Предметом специального рассмотрения в комментариях стал только трианонский тариф 1810 г., однако авторы ни одним словом не обмолвились о миланских декретах Наполеона от 23 ноября и 17 декабря 1807 г.

Не все утверждения авторов бесспорны. Вызывает, в частности, возражение оценка политики термидорианского Конвента, вызвавшей народные выступления в жерминале и прериале III года (апрель, май 1795 г.), как контрреволюционной (с. 592), которая была скорее направлена против народных низов.

В комментариях и биографических указаниях содержатся и некоторые досадные неточности. Остановимся на части из них. При Директории законопроекты утверждались и отвергались не Советом Пятисот (с. 583), а Советом Старейшин. В фрюктидоре V года (сентябрь 1797 г.) генерал Ожеро подавил не роялистский мятеж (с. 623), а роялистский заговор. Маршал Ланн был смертельно ранен в сражении под Эсслингом, а не при Асперне (с. 615). Говоря о вхождении Э. Сийеса и Р. Дюко в первый состав Консульства, было, несомненно, необходимо внести уточнение о временном характере этих назначений, ибо и тот и другой вскоре были заменены Ж. Камбасересом и Ш. Лебреном. В результате у читателя складывается неверное впечатление о вхождении в состав Консульства пяти членов. Нелишне было бы уточнить также, что мирный договор 1797 г. между Францией и Австрийской империей был заключен не в Кампоформио (с. 584), а в Пассариано.

Подчас не полностью освещены основные вехи деятельности того или иного деятеля. В биографической заметке о Ф. Бартеlemi, например, ничего не сказано о его вхождении в 1797 в состав первой Директории (с. 592). То же касается и разбора концепций некоторых французских историков: авторы почему то умалчивают о создании А. Тьером и О. Тьерри теории классовой борьбы (с. 632).

Однако все это мелочи в сравнении с добротной работой, осуществленной В.А. Дунаевским и Е.И. Чапкевичем по составлению комментариев и аннотированного указателя имен к книге Е.В. Тарле.

Особого внимания заслуживает помещенный в книге богатый иконографический материал, подобранный В.А. Дунаевским. В начале каждой из семнадцати глав размещены портреты Наполеона, принадлежащие кисти различных художников, изображающих героя книги на разных этапах его жизни, начиная от юного Бонапарта и кончая ссыльным императором, на фоне гор и тропических деревьев острова заточения в Атлантическом океане. В конце каждой главы приложены факсимильные репродукции подписей Наполеона, первая из которых датирована 1792 г., а последняя, сделанная в Лонгвуде, 1816 г.

Судя по широкому спектру охвата материала, В.А. Дунаевский поставил сложную задачу многогранного освещения наполеоновской эпохи через иллюстрации. Сразу же отметим, что в этом он блестяще преуспел. Иллюстративный материал размещен по хронологическому принципу: опубликованные в приложениях к каждой главе иллюстрации изображают Наполеона в его рабочем кабинете, на полях сражений, в окружении своих близких. В то же время много места уделено членам императорской семьи, маршалам и генералам. Составителем не забыты и любовницы императора, а также его знаменитый телохранитель армянин мамелюк Рустам Раза.

На тщательно подобранных полотнах непревзойденного мастера французской живописи Ж.-Л. Давида, его учеников (А.-Ж. Гро, О. Верне, А.-Л. Жироде) и др. запечатлены сцены важнейших событий в жизни Наполеона времен Первой империи (коронации императора, его второго бракосочетания, битв, и т. д.). Широко иллюстрирована глава, посвященная Отечественной войне 1812 г. Приложенные к одной из глав материалы отражают сцены из военной жизни Наполеона и формирования наполеоновской легенды. В то же время, с целью воссоздания полноценной картины эпохи, в специальном разделе В.А. Дунаевский представил французские, английские и немецкие карикатуры на Наполеона, составляющие неотъемлемую часть

«черной легенды» императора, рожденной в 1810 г. Включены также портреты У. Питта, Г. Нельсона, Людовика XVIII, К. Меттерниха и других противников Наполеона. Печально, что среди них не нашел место портрет Мурада бей, принадлежащий кисти А. Дютертра.

В.А. Дунаевский поместил иллюстративные изображения и личных вещей императора (корон, мундиров, пистолетов, сабель, часов), а также появившихся уже в более позднее время статуэток и кукол, изображающих Наполеона. Среди них выделяется отлитая из бронзы статуэтка молодого Бонапарта на верблюде в период его нахождения в Египте (с. 489).

По существу В.А. Дунаевским и художником издания А.Н. Жилиным создана своеобразная богатая картинная галерея, посвященная жизни и деятельности Наполеона и его эпохи во всем ее разнообразии, окунувшись в которую, читатель получит ценную информацию о деятелях и событиях того времени. И все же отметим некоторые пробелы. Подобрал иллюстрации, отражающие сцены сражений, проигранных Наполеоном (Лейпциг, Ватерлоо), составитель пропустил полотна Х. Покока и Д. Дайтона, отображающие морские поражения французского флота в Абукирском заливе и у мыса Трафальгар. Сравнительно слабо иллюстрирована глава, посвященная египетской экспедиции. Читатель здесь не обнаружит изображения холстов Л.Ф. Лёжона, отражающих сцены решающих сражений, выигранных армией Бонапарта во время египетского и сирийского походов («Битва при пирамидах», «Вторая битва при Абукире», «Битва при Мон-Таборе») и А.-Ж. Гро («Битва при пирамидах», «Мюрат в Абукире»), а также литографию Ш. Мотта «Осада крепости Сен-Жан-д'Акр». Не очень богат иконографический материал к главам по истории Директории. В особенности книгу обогатили бы изображения полотен В.И. Сурикова и Ж.Б. Шееля, иллюстрирующие итальянский и швейцарский походы А.В. Суворова. Уточним также, что полотно Ж.-Б. Изабея изображает Жерома Бонапарта, а не императора Наполеона (с. 169).

В книге опубликовано изображение статуи Наполеона, установленной в 1813 г. на Вандомской площади Парижа (с. 442). Но для читателя было бы полезно узнать и о статуе императора

из белого мрамора, привезенной им в 1812 г. в Россию. Это уникальное творение неизвестного скульптора, представляющего Наполеона в наряде римских императоров, было предназначено для возвышения на Красной площади Москвы. Однако статуе было суждено разделить печальную судьбу своего хозяина, вторгшегося в пределы России. Покинутая отступавшими французами, всеми забытая, но, к счастью, уцелевшая, она нашла пристанище лишь в одном из подвальных помещений музея-панорамы «Бородинская битва»³⁸⁹. Было бы уместно, воспользовавшись подходящим случаем, представить широким читательским кругам возможность сопоставления «мраморного императора», который, к слову сказать, своим величием затмевает его статую, установленную на Вандомской площади, со многими другими произведениями французского изобразительного искусства, посвященных Наполеону.

Проделанная В.А. Дунаевским кропотливая работа по подбору иллюстраций способствует лучшему усвоению изложенного в книге Е.В. Тарле материала и будет с радостью принята читателями. Таким образом, рассмотренное нами переиздание книги Е.В. Тарле о Наполеоне — образец для изданий и переизданий научных биографий. И в этом большая заслуга В.А. Дунаевского.

³⁸⁹ Автору этих строк посчастливилось именно там ее увидеть в декабре 1991 г., при сопровождении в музей-панораму Ж. Тюлара.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ:

РЕЦЕНЗИИ

В.А. Дунаевский, А.Б. Цфасман. Николай Михайлович Лукин. М. Наука. 1987. 192 с.

Vladimir Dounaïevski, Arkadi Tsphasman. Nikolaï Mikhaïlovich Loukine. Moscou. Naouka. 1987. 192 p.

Depuis plus d'un quart de siècle le professeur V. Dounaïevski s'occupe des questions d'histoire de l'historiographie soviétique, surtout de celles des pays occidentaux. Ses travaux sont bien connus en Union Soviétique³⁹⁰. Son livre récent (écrit en collaboration avec A. Tsphasman) est consacré à l'activité de l'éminent historien soviétique, l'académicien N. Loukine, qui fut l'un des fondateurs de l'historiographie soviétique.

Certes, on a écrit beaucoup sur la vie et l'œuvre de Loukine³⁹¹. En tout cas, les auteurs de ce livre en utilisant une riche documentation inédite tirée des archives soviétiques ont écrit une biographie passionnante et originale du savant.

La vie de Loukine est analysée selon trois aspects : son passé révolutionnaire, son œuvre scientifique considérable, son activité pédagogique. Au début du XXe siècle, encore étudiant de l'Université de Moscou, Loukine s'est engagé bien jeune dans la lutte révolutionnaire. Il a participé à la première révolution russe de 1905-1907. Membre du parti des bolcheviks de 1904, pour sa vive activité révolutionnaire Loukine fut arrêté deux fois, même on l'a exilé de Moscou pour un an.

Revenu de l'exil, il a terminé ses études à l'université. Sa dissertation qui fut son premier ouvrage sérieux, fut consacrée à la chute de la Gironde. En dépouillant les dossiers des archives, les auteurs de ce livre ont pu trouver cet ouvrage inédit, bien que les historiens (y compris Loukine) l'aient cru perdu depuis longtemps. L'étude de ce manuscrit prouve que Loukine, des ses premiers pas dans la science, s'appuyait sur la méthodologie marxiste (p. 27).

La Révolution d'Octobre a ouvert un chemin libre pour l'activité scientifique de l'historien. Sur la base de la méthodologie marxiste Loukine a continué énergiquement ses recherches dans le domaine de l'histoire moderne des pays de l'Europe Occidentale. Les auteurs ont analysé ses ouvrages principaux consacrés à la Révolution française, dont il fut l'amateur passionné durant toute sa vie. Il convient de souligner que ses travaux sur la Révolution constituent la

³⁹⁰ **V. Dounaïevski.** L'historiographie soviétique d'histoire moderne des pays de l'Occident, 1917-1941. Moscou. 1974 (en russe) ; **V. Dounaïevski, G. Koutchérenko.** Le socialisme utopique occidental dans les travaux des historiens soviétiques. Moscou. 1981 (en russe), etc.

³⁹¹ Le plus important est le livre du professeur Galkine : **I. Galkine.** N.M. Loukine, révolutionnaire, savant. Moscou. 1984 (en russe).

majeure partie de son œuvre. Parmi ceux-ci sa biographie de Robespierre est célèbre et a valu à l'auteur une grande réputation³⁹². De l'avis d'A. Dounaïevski et d'A. Tsphasman ce livre a eu une grande importance pour deux raisons. Tout d'abord il est devenu en quelque sorte un manuel d'histoire de la Révolution pour les étudiants, et étant le premier ouvrage historique écrit sur des positions marxistes, il a posé la première pierre de l'historiographie soviétique « de l'histoire de la plus grande révolution bourgeoise » (p. 76).

Plusieurs problèmes de l'époque révolutionnaire sont devenus les objets de recherches de Loukine dans ses autres ouvrages (*Sur l'histoire des armées révolutionnaires*, *Histoire moderne de l'Europe Occidentale*, etc.), dont on parle dans ce livre. Effectivement, étant un grand érudit, Loukine ne se borna pas à l'époque révolutionnaire. Dans les années vingt il a écrit quelques livres sur la Commune de Paris, sur l'histoire moderne de l'Allemagne qui sont aussi analysés par les auteurs.

L'activité pédagogique de Loukine, à laquelle il fut fidèle jusqu'à la fin de sa vie, ne fut pas moins importante que son activité scientifique. Après la Révolution d'Octobre il a déployé une activité formidable sur ce champ. Loukine enseigna l'histoire moderne dans différents centres de l'enseignement supérieur. Dans les années trente il occupait la chaire d'histoire moderne et contemporaine de l'Université de Moscou. Sous sa direction on a écrit beaucoup de manuels pour les écoles secondaires et supérieures. Loukine a contribué ainsi, pour une grande part à la création de l'école historique soviétique. Parmi ses élèves on peut mentionner les noms de beaucoup de savants distingués comme A. Manfred, V. Daline et d'autres.

Les auteurs ont parlé aussi des efforts de Loukine dirigés vers l'amélioration des rapports culturels et scientifiques entre la France et l'Union Soviétique. Avec E. Tarlé il fut le fondateur (du côté soviétique) de la coopération et de l'amitié des historiens de ces deux pays. Mais ses relations amicales avec les historiens français, surtout avec A. Mathiez sont présentées superficiellement. Sans doute cette question méritait d'être étudiée plus profondément³⁹³. N'oublions pas que c'est Loukine qui a organisé la traduction russe des livres de Mathiez. La coopération des historiens français et soviétiques s'est approfondie grâce aux efforts de ces deux grands savants. Certes, leurs relations étaient très compliquées, elles ont même été rompues en 1930, deux ans avant la mort prématurée de Mathiez. Mais

³⁹² N. Loukine. Maximilien Robespierre (1758-1794). Moscou. 1919. 2ème éd. : 1924 (en russe).

³⁹³ Les rapports amicaux de Loukine et de Mathiez sont analysés par le professeur Galkine (I. Galkine. Op. cit. P. 109-110). C'est peut-être pour cette raison que les auteurs de la nouvelle biographie du savant ont omis ce problème important.

la coopération entre les historiens de France et de l'Union Soviétique a survécu ses fondateurs. Et nous sommes enchantés de le constater.

AHRF. 1990. N° 281. Juillet-septembre. P. 363-364.

Л.А. Пименова. Дворянство накануне Великой французской революции. М. Издательство Московского университета. 1986. 215 с.

Loudmila Piménova. La noblesse à la veille de la Grande Révolution française. Moscou. Éditions de l'Université de Moscou. 1986. 215 p.

À l'occasion du bicentenaire de la Révolution française la chaire d'histoire moderne de l'Université de Moscou a projeté l'édition d'une série : *La Grande Révolution française : documents et recherches*, en six volumes. Les trois premiers livres, y compris celui de L. Piménova, sont déjà parus³⁹⁴. Les autres vont paraître prochainement. Parmi eux une monographie collective sur la bourgeoisie pendant la Révolution, un recueil de documents sur les événements de 1789 à 1799, ainsi qu'un ouvrage sur les traditions de la Révolution dans la vie politique de la France contemporaine (V. Smirnov, V. Poskonine).

Nous ne discuterons que le livre de L. Piménova sur la position de la noblesse. Ce thème intéressant est devenu l'objet de recherches spéciales pour la première fois en Union Soviétique, tandis que les historiens français et étrangers, même russes, ont écrit beaucoup à ce sujet depuis longtemps. En se référant sur une base solide de sources, Piménova a présenté le point de vue marxiste.

Le livre est basé sur l'étude minutieuse des cahiers de doléances de la noblesse composés au cours de la campagne électorale de 1789, qui selon G. Chaussinand-Nogaret « forment bien l'enquête la plus fidèle, la plus sûre et la plus large de l'opinion nobiliaire »³⁹⁵. Piménova a utilisé 165 cahiers de doléances, dont un qu'elle a découvert, et c'est son mérite, pour la première fois. C'est le cahier de doléances du bailliage de Saint-Pierre-le-Mouthier (département de la Nièvre)³⁹⁶. Disons, pour n'y plus revenir, que le texte intégral

³⁹⁴ E. Kojokine. Les ouvriers français de la Grande Révolution à la révolution de 1848. Moscou. 1985 ; A. Ado. Les paysans et la Grande Révolution française. Le mouvement paysan en 1789-1794. 2ème éd. : revue et complétée. Moscou. 1987.

³⁹⁵ G. Chaussinand-Nogaret. La noblesse au XVIIIe siècle. De la féodalité aux Lumières. Paris. 1976. P. 183.

³⁹⁶ L'histoire de ce document est bien curieuse. Il se trouve au musée historique d'Odes-

de ce document important est publié en traduction russe dans l'appendice du livre. On peut souhaiter qu'il soit publié aussi dans les *Annales historiques de la Révolution française*.

Dès le début Piménova a désigné la place de la noblesse dans la société française. En distinguant strictement les couches différentes de la noblesse (« noblesse d'épée », « noblesse de robe », etc.) elle a montré les divergences essentielles existant parmi elles. L'auteur constate que dans la deuxième moitié du siècle « par son image sociale et économique » une nouvelle catégorie de la noblesse s'était formée, qui, à la manière du « gentry » anglaise, s'était engagée dans l'activité économique capitaliste (p. 50).

Piménova a analysé l'attitude de la noblesse à l'égard de l'absolutisme. Les échecs des réformes de Turgot, puis celle de Calonne, l'édit de Lamoignon, qui privait les parlements de leurs fonctions législatives, ont fait naître la « révolte nobiliaire », qui a trouvé le soutien du tiers état. La déclaration du gouvernement dans l'été de 1788 sur la convocation des États généraux, ainsi que les autres mesures prises, sont considérées par elle, à juste titre, comme la naissance de la situation révolutionnaire (p. 68-69).

Que voulait la noblesse à la veille de la Révolution, sous l'influence de quelles idées étaient formées ses vues ? Piménova a discuté ces problèmes dans les deux derniers chapitres, qui sont les parties les plus intéressantes de son livre. L'étude approfondie des cahiers de doléances de 1789, ainsi que l'étude comparative de ces documents avec ceux du XVIIe siècle, ont donné à l'auteur la possibilité d'avancer des explications neuves. Piménova a discuté dans toutes ses péripéties l'influence de l'idéologie des Lumières sur les vues et les pensées de la noblesse. De ce point de vue elle propose une classification bien nette des cahiers qui mérite une attention. Piménova partage les 165 cahiers de doléances en trois groupes principaux. Le premier contient 28 cahiers d'un type traditionnel, dont les auteurs sont restés fidèles à leur manière aux idées et conceptions de la noblesse du XVIIIe siècle. L'autre groupe qui comporte 29 cahiers est classé comme d'un autre type, que l'on peut dire civilisateur et rationaliste. Ces cahiers, où l'esprit des idées des Lumières est dominant, furent rédigés essentiellement dans la région parisienne. Piménova a caractérisé 108 cahiers comme d'une orientation politique incertaine. Donc, l'influence des idées et

sa, où une colonie nombreuse d'émigrés français a été fondée à la fin du XVIIIe siècle. Le secrétaire du bailliage de l'assemblée électorale nobiliaire de Saint-Pierre-le-Mouthier, le comte Langerons en quittant la France révolutionnaire s'est aussi installé dans cette ville littorale. Il a apporté avec lui le cahier de doléances de son assemblée, qui est heureusement conservé dans ses archives (voir L. Piménova. Op. cit. P. 14).

de la culture politique des Lumières d'un côté, et celle des traditions idéologiques nobiliaires de l'autre, ont laissé, à son avis, une empreinte profonde sur le programme social et politique dressé par la noblesse à la veille de la Révolution.

Piménova a présenté les revendications de la noblesse sur tous les plans principaux : ses projets de reconstitution politique, ses vues sur le système économique, social, son attitude envers l'église. En ne niant pas que le mécontentement à l'égard du régime absolutiste était d'un caractère universel parmi la noblesse (p. 64, 157), elle ne partage pas cependant, l'opinion de G. Chaussinand-Nogaret à propos de l'appréciation du programme nobiliaire. L'historien français suppose que « l'ensemble de la noblesse du royaume appelle de tous ses vœux une libéralisation et une démocratisation du régime »³⁹⁷. À la différence de cet auteur, de tous les cahiers de doléances, Piménova ne considère comme libéraux que ceux dont « le programme était opposé non seulement à la monarchie absolue, mais aussi à tout le système social et politique de l'Ancien Régime » (p. 157). D'après ses calculs, seulement 17 cahiers sur 165 peuvent être considérés comme libéraux-réformateurs. Elle détermine la grande majorité des cahiers – 121 –, comme d'une tendance conservatrice-réformatrice et 27 sans accent politique précis.

Les conclusions de Piménova sont différentes de celles de ses prédécesseurs et bien originales. Son livre est une contribution importante à l'histoire prérévolutionnaire de la France.

AHRF. 1990. N° 281. Juillet-septembre. P. 364-366.

Б.С. Итенберг. Россия и Великая французская революция. М. Мысль. 1988. 256 с.

Boris Itenberg. La Russie et la Grande Révolution française. Moscou. Misl. 1988. 256 p.

Le livre récent du spécialiste connu de l'histoire moderne de la Russie, Boris Itenberg³⁹⁸, a paru à l'occasion du Bicentenaire de la Révolution française. Certes, le thème de *La Russie et la Révolution française* a suscité de nombreux ouvrages et fut étudié à bien des égards³⁹⁹. En tout cas son approche est originale.

³⁹⁷ G. Chaussinand-Nogaret. Op. cit. P. 196. Voir aussi : p. 226.

³⁹⁸ Le professeur Itenberg est l'auteur de beaucoup de livres, notamment sur l'histoire du mouvement révolutionnaire russe au XIXe siècle. Par ailleurs, il a aussi écrit une monographie *La Russie et la Commune de Paris*. Moscou. 1971 (en russe).

³⁹⁹ Pour nous limiter aux travaux les plus importants : M. Strangé. La société russe et

En dépit du titre bien étendu du livre, l'auteur se limite, pour la première fois, à un seul aspect du thème mentionné, celui de l'image de la Révolution dans l'esprit public russe du XIXe siècle. Le thème traité est très intéressant d'autant plus, qu'il demeurerait presque inconnu à ce jour.

Sans entrer dans les détails, B. Itenberg a présenté tout d'abord l'influence des Lumières sur la société russe, ainsi que l'attitude des différentes couches de cette dernière à l'égard des idées des philosophes français de la seconde moitié du XIXe siècle. En se référant aux lettres de Fonvizin, il a montré que toute la société cultivée russe n'a pas admis les idées des Lumières. Quoi qu'il en soit beaucoup d'autres contemporains, comme Karamzin, le futur historien éminent, et Radichtchev, le fondateur de la tradition révolutionnaire en Russie, s'étaient inspirés des idées des Lumières. L'auteur a minutieusement analysé l'influence de la Révolution sur l'évolution spirituelle de Radichtchev. L'ancien partisan convaincu des changements sociaux par la voie révolutionnaire, Radichtchev s'est éloigné après la Révolution française de ses positions radicales d'autrefois et a commencé à considérer le nouveau tsar Alexandre Ier comme capable de délivrer le peuple du despotisme. Selon B. Itenberg la faillite de la Révolution et l'instauration de la dictature militaire en France au 18 brumaire 1799, furent les raisons principales de l'évolution de ses vues politiques.

Les moyens radicaux de la transformation de la société adoptés par la Révolution française furent reprouvés par les représentants de la première génération du mouvement révolutionnaire russe, connus sous le nom de *décembristes*. Étant des révolutionnaires d'origine nobiliaire, ils étaient incapables de comprendre entièrement le rôle et la signification de la Révolution française. L'auteur constate que les *décembristes*, sauf quelques-uns d'entre eux, comme Pestel, l'un de leurs leaders, en approuvant le début de la Révolution, se levaient résolument contre « les horreurs », dont elle fut la cause.

Cependant, la position des leaders du courant révolutionnaire-démocratique des années 1840, Herzen et Belinski fut différente. D'après eux les mesures prises par la Convention étaient indispensables. Belinski soulignait aussi le rôle progressif que la bourgeoisie a joué pendant la Révolution.

À travers de chaudes polémiques B. Itenberg a précisé la place de la

la Révolution française. Moscou. 1960 (en français) ; K. Djédjoula. La Russie et la Grande Révolution française de la fin du XVIIIe siècle. Kiev. 1972 (en russe). À l'occasion du Bicentenaire de la Révolution un recueil d'articles a récemment vu le jour en russe et en français : *La Révolution française et la Russie*. Moscou. 1989. Il est à noter que la plupart des matériaux publiés dans ce livre ne correspondent pas à son titre par leur thématique.

Révolution dans les querelles politiques des années 1850-1880. Comme à la veille et après l'abolition de la féodalité en 1861 par le manifeste du tsar Alexandre II, la lutte politique avait atteint son sommet dans tout l'Empire russe, les camps politiques opposés jetaient plus souvent qu'auparavant un coup d'œil vers la Révolution française. De la manière la plus démonstrative, B. Itenberg a montré que les courants publics russes dans leur lutte implacable tâchaient de tirer des leçons nécessaires de l'expérience de la Révolution française. Il a brièvement esquissé l'attitude des milieux gouvernementaux, qui s'intéressaient surtout à la politique de la monarchie absolue à la fin du XVIIIe siècle. Le gouvernement tsariste désireux d'écarter les ébranlements possibles, mais bien désagréables, poursuivait particulièrement un seul but, celui d'éviter les fautes commises par la monarchie française à la veille de la Révolution. Quant aux libéraux, c'est le jugement de Kavélin qui est le plus révélateur de leur attitude : « [espérons]... que l'histoire nous débarrassera du développement ultérieur à la manière française ».

Par contre, les révolutionnaires-démocrates des années 1860, dont les vues sont examinées d'une manière plus détaillée par B. Itenberg qui a accordé à ce courant public une place plus étendue, considéraient la Révolution française comme un événement historique inévitable. Popov, l'un des représentants de ce courant, affirmait même, que les véritables responsables de la Terreur étaient les royalistes. Dans son ensemble, B. Itenberg constate que le mouvement révolutionnaire français de la fin du XVIIIe siècle ne fut en Russie profondément étudié que par les révolutionnaires-démocrates. Leurs traditions dans ce domaine sont continuées par les révolutionnaires des années 1870-1880, les *narodniks*. Ils estimaient que la Révolution française avait eu lieu en faveur de la bourgeoisie et non pas du peuple.

B. Itenberg a accordé une place considérable au sort en Russie de deux ouvrages connus sur la Révolution française, ceux de N. Karéiev et de I. Taine, qui ont joué un rôle important dans l'éducation de la jeune génération des révolutionnaires russes. Le livre de Karéiev « Les paysans et la question paysanne en France dans le dernier quart du XVIIIe siècle », comme l'a montré l'auteur, a eu un succès indéniable en Russie grâce à l'actualité du thème traité et a été répandu dans la clandestinité révolutionnaire. Malgré l'attitude partiale et très hostile à l'égard de la Révolution de Taine, son livre « Les origines de la France contemporaine », fut assez utile pour les couches différentes de la société russe grâce à la richesse de l'information qu'il contenait.

L'un des chapitres du livre est consacré à la célébration du centenaire de

la Révolution française en Russie. Pour les lecteurs des *Annales historiques*, il sera intéressant de savoir, que cette date, évoquée en Russie dans les revues provinciales, fut également fêtée par les révolutionnaires russes exilés en Sibérie. À cette occasion ceux-ci ont envoyé deux adresses au président la République française.

En somme, nous possédons une étude fine et richement documentée. Citons toutefois, quelques inexactitudes regrettables commises par l'auteur. Après la tentative de la fuite manquée de la famille royale, Louis XVI par le décret de l'Assemblée constituante du 25 juin 1791 ne fut que suspendu et non pas « détenu dans un château » (p. 15). L'armée de Souvorov fut rappelée par Paul Ier de l'Italie avant et non après l'instauration du pouvoir autoritaire de Bonaparte (p. 20). Il est aussi difficile pour nous de partager l'appréciation de l'auteur du pouvoir jacobin, qui n'était pas comme il affirme « une dictature du peuple français » (p. 15).

Le livre de B. Itenberg a comblé une lacune dans l'historiographie de la Révolution française. Il est aussi utile pour ceux qui s'intéressent à l'histoire de l'esprit public russe au XIXe siècle.

AHRF. 1990. N° 281. Juillet-septembre. P. 366-368.

П.П. Черкасов. Лафайет. Политическая биография. М. Мысль. 1991. 380 с.

Piotr Tcherkassov. Lafayette. Biographie politique. Moscou. Misl. 1991. 380 p.

Dans l'abondante littérature que suscita le Bicentenaire de la Révolution française en URSS, on peut trouver aussi quelques études biographiques. Citons le livre du regretté N. Moltchanov sur les leaders des montagnards ou le *Talleyrand* de Y. Borisov.

Le genre de la biographie historique a retenu l'attention des historiens soviétiques depuis des années 1920. Les deux biographies de Napoléon écrites par les grands historiens E. Tarlé et A. Manfred sont bien connues aux historiens français. Comme l'historiographie soviétique de la Révolution française s'intéressait surtout aux problèmes touchant à l'histoire des mouvements de gauches, la plupart des études biographiques fut aussi consacrée aux leaders des Jacobins. N'oublions pas les mérites de N. Loukine et A. Manfred dans ce domaine. La biographie de Mirabeau

rédigée par A. Manfred⁴⁰⁰ demeurait longtemps la seule exception dans la « galerie soviétique » des hommes de la Révolution.

À la veille du Bicentenaire, grâce à la nouvelle mentalité, de différentes mutations ont bouleversé la science historique soviétique. Quant à l'étude de la Révolution française il faut citer parmi les tendances nouvelles l'augmentation de l'intérêt vers les problèmes de l'histoire des courants de droite. C'est dans ce même contexte qu'il est nécessaire de placer la publication du livre de P. Tcherkassov sur Lafayette, l'un des plus illustres leaders de droite de la Révolution.

Cet ouvrage a le mérite de projeter un regard neuf sur la personnalité et l'activité de Lafayette⁴⁰¹. L'auteur ne dissimule pas dans la préface du livre son but essentiel, celui de réhabiliter Lafayette dont les historiens de la Révolution (surtout soviétique) ont en effet noirci le portrait.

P. Tcherkassov a tracé la figure bien émouvante de Lafayette. Il a étudié sa participation aux trois révolutions qui ont éclaté à deux côtes de l'Atlantique à la fin du XVIIIe siècle et en 1830. En même temps il a réussi à poursuivre l'évolution de ses idées politiques au cours de sa longue carrière.

P. Tcherkassov pense que les idées de Rousseau dont le jeune homme fut l'admirateur jouèrent un rôle décisif dans sa résolution de prendre part à la révolution américaine. Homme d'une probité et d'un désintéressement rare, Lafayette a décidé de consacrer sa vie et sa fortune à la cause de la délivrance des anciennes colonies britanniques. Selon l'exacte définition de l'auteur il est devenu à la fois « le symbole vivant de la révolution américaine, de la vaillance française et de l'alliance franco-américaine ».

Comme l'a bien marqué P. Tcherkassov, étant l'un des premiers « praticiens » du libéralisme à la veille de la Révolution, Lafayette devint après ses débats le partisan déterminé de la monarchie constitutionnelle et ne renonça à cette plate-forme politique jusqu'à sa détention en 1792. C'est pourquoi sa conduite ne fut jamais approuvée ni par les démocrates, ni par le parti royal. Dans ces conditions ses actions furent souvent incompréhensibles, voire inexplicables pour beaucoup de ses contemporains. De l'avis de P. Tcherkassov les jugements parfois injustes des adversaires de Lafayette ont influencé beaucoup la formation d'un stéréotype négatif de sa personne chez les générations postérieures des historiens.

⁴⁰⁰ A. Manfred. Rousseau, Mirabeau, Robespierre. Trois figures de l'époque de la Grande Révolution française. Moscou. 1986 (en français).

⁴⁰¹ P. Tcherkassov nous a déjà présenté ses vues dans une petite biographie de Lafayette publiée en 1987.

P. Tcherkassov a avancé quelques explications nouvelles de sa conduite pendant la Révolution. Ses tentatives de la réhabilitation de Lafayette nous semblent convaincantes. Il constate que Lafayette n'a pris aucune part à la fuite de la famille royale des Tuileries en juin 1791. L'auteur a discuté également le rôle de Lafayette dans les événements douloureux du Champ de Mars. Il ne nie l'atteinte morale portée à sa réputation par la fusillade. En même temps il attire notre attention sur ses actions décisives afin d'arrêter la canonnade. C'était donc grâce à ses efforts qu'on a échappé de nombreuses pertes.

P. Tcherkassov a examiné en détail la « trahison » de Lafayette en 1792. Fut-il un traître soit un « Monk » de la Révolution française, comme l'ont affirmé quelques-uns des historiens ? Sa réponse est négative. Comme Lafayette, le partisan le plus zélé de la monarchie constitutionnelle n'a pas approuvé la chute de la monarchie, n'a pas accepté l'instauration du pouvoir des Girondins non plus, l'Assemblée législative a prononcé son arrestation. Le commandant de l'armée du Nord fut obligé de quitter sa patrie pour échapper à la prison, sinon à la guillotine, n'ayant entrepris aucun mouvement des troupes vers la capitale révolutionnaire. Donc, P. Tcherkassov a réfuté les accusations de la trahison de Lafayette lancées inlassablement par ses contemporaines et reprises plus tard par tant d'historiens⁴⁰².

À l'époque du Consulat et de l'Empire, Lafayette penchait de plus en plus vers la forme du gouvernement républicain, mais il n'est devenu un républicain qu'après la révolution de 1830. L'auteur a étudié la dernière période de sa vie, quand après l'effondrement de l'Empire il est revenu à la vie politique.

À travers de l'activité politique de Lafayette, on peut suivre la vision de P. Tcherkassov de la Révolution française qui est celle d'un historien marxiste. Certes, il se limite aux événements principaux de la veille de la Révolution et à ceux de ses premières années (1789-1792). En accordant une place beaucoup moindre aux émeutes paysannes qui constituaient la partie imprescriptible de la situation révolutionnaire (on ne s'étonnera pas, car son héros n'a jamais pris aucune part aux mouvements populaires), il a particulièrement concentré son attention sur la crise « des milieux dirigeants », en analysant l'attitude de la monarchie absolue, ses relations avec la noblesse, etc. Pour P. Tcherkassov, la Révolution est un événement unique d'un caractère bourgeois-démocratique, qui marchait en avant sous la pression des masses populaires.

⁴⁰² Voir par exemple de multiples allusions à propos de sa trahison dans le récent *Dictionnaire historique de la Révolution française* (Paris. 1989). Les explications de R. Caratini sont plus acceptables, même bien proche à celles de P. Tcherkassov. **R. Caratini.** Dictionnaire des personnages de la Révolution française. Paris. 1988. P. 360.

En partageant complètement son approche à l'égard de la Révolution française, il n'est pas inutile d'émettre ici quelques remarques concernant des problèmes plus particuliers. P. Tcherkassov considère à juste raison le 18 brumaire comme un événement contre-révolutionnaire qui a mis terme à la Révolution. Toutefois, il nous est difficile de partager son attitude vis-à-vis de la position du général Bonaparte à la veille du coup d'État. À son avis, Bonaparte est revenu de l'Égypte avec une résolution ferme de renverser le Directoire (p. 266). Il est évident qu'il se tient toujours à la conception d'A. Vandal, alors que les chercheurs contemporains (particulièrement A. Manfred) ont bien montré que Bonaparte n'avait pas encore de telles intentions en Égypte. Le jeune général n'a savamment profité que des circonstances favorables afin de s'emparer du pouvoir.

L'appréciation de Tcherkassov du Directoire comme un « régime » (p. 266) n'est pas non plus acceptable. Il nous semble que le Directoire était plutôt un mode de gouvernement, ce point de vue est argumenté dans une série de brillants articles de J.-R. Suratteau.

C'est à tort qu'il traite le royaliste Moreau de républicain, en plaçant son nom parmi ceux qui représentaient « l'opposition républicaine au régime bonapartiste » (p. 277). Dans ce cas il a probablement poursuivi son collègue soviétique D. Tougan-Baranovski⁴⁰³. Nul ne peut nier que Moreau était parmi les mécontents à l'époque du Consulat, néanmoins il se trouvait dans un autre camp de l'opposition du régime consulaire, celui de royaliste. Jacques Godechot a depuis longtemps dévoilé de manière irréfutable la trahison de Moreau et ses relations avec les royalistes même avant le coup d'État du 18 fructidor.

Hélas, Tcherkassov n'a pas échappé non plus à quelques erreurs. Le coup d'État du 18 fructidor n'a pas été réalisé par le Directoire (p. 265), mais par la majorité républicaine du Directoire. Après le 18 fructidor, le Conseil des Cinq-Cents et le Conseil des Anciens ne furent qu'épurés des députés royalistes dissous (p. 265). Le commandant de l'armée française en Hollande en 1799 était le général Brune et non Pichegru (p. 266). Celui-ci n'était à cette époque qu'un conseiller dans les armées des alliés. La République batave fut proclamée le 20 janvier 1795 et non à la fin du Directoire (p. 266). Le maréchal Berthier se suicida pendant les Cent-Jours et non au début de la Seconde Restauration (p. 293).

Nos remarques ne minimisent pas la portée du livre de Tcherkassov qui est écrit dans le style des meilleures biographies historiques sorties de la plume de

⁴⁰³ **D. Tougan-Baranovski.** Napoléon et les républicains. Saratov. 1980 (en russe). Ses vues à propos de la question discutée furent critiquées par J. Godechot et d'autres historiens (H. Kisséliova).

ses prédécesseurs soviétiques.

AHRF. 1993. N° 291. Janvier-mars. P. 150-152.

В.П. Смирнов, В.С. Посконин. Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции, 1789-1989. М. Издательство Московского университета. 1991. 220 с.

Vladislav Smirnov, Vladimir Poskonine. Les traditions de la Grande Révolution française dans la vie politique de la France, 1789-1989. Moscou. Éditions de l'Université de Moscou. 1991. 220 p.

L'histoire du transfert des traditions de la Révolution française aux générations postérieures est l'un des sujets les moins étudiés dans l'historiographie de la Révolution. La monographie du professeur V. Smirnov, écrite en collaboration avec V. Poskonine, est en fait le premier essai d'une analyse complète de la formation et du transfert des traditions révolutionnaires, dans toute leur diversité au cours des deux derniers siècles.

Dans l'historiographie soviétique, ces auteurs n'ont qu'un seul prédécesseur, I. Zilberpharb, dont le livre examine l'histoire de traditions révolutionnaires en France dans un délai assez court (1939-1945)⁴⁰⁴. Seuls quelques aspects particuliers du sujet traité sont étudiés par les chercheurs français modernes (M. Agulhon, R. Sanson, etc.). Par contre, l'approche des auteurs de ce livre est bien plus complète. À travers les luttes politiques, les recherches historiques, l'enseignement de l'histoire de la Révolution à l'école, ils suivent minutieusement les différentes voies du transfert des traditions.

Les auteurs décrivent les principaux événements de la décennie révolutionnaire et discutent les différentes idées apparues pendant la Révolution (libérales, démocratiques, républicaines, communistes, etc.), qui ont fait naître les traditions révolutionnaires. En même temps ils étudient le rôle des symboles et des emblèmes, constituant une partie imprescriptible des traditions révolutionnaires, ainsi que celui des fêtes et des chants.

L'un des problèmes essentiels profondément analysé dans ce livre est celui de la place des traditions dans la lutte politique, de la Restauration à nos jours. Comme on le montre bien, les traditions proprement dites se sont formées à

⁴⁰⁴ I. Zilberpharb. Les idées et les traditions de la Grande Révolution française dans la lutte des forces de la démocratie et du fascisme. Moscou. 1971 (en russe).

l'époque de la Restauration en dépit de l'attitude hostile des milieux officiels. De l'avis des auteurs ce ne furent point les révolutions du XIXe siècle qui jouèrent un rôle décisif dans la reconnaissance définitive des traditions (les révolutionnaires se référaient bien souvent à elles dans leur lutte).

En même temps les auteurs ne négligent pas la tendance de la transformation des traditions révolutionnaires en traditions étatiques et nationales. Ce processus se faisait sentir déjà à l'époque napoléonienne, mais il n'a abouti qu'après l'instauration de la Troisième République, quand les traditions de la Révolution furent officiellement reconnues par l'État.

Les auteurs concentrent leur attention sur l'attitude des socialistes de la fin du XIXe siècle. En critiquant la république bourgeoise ceux-ci n'approuvaient pas les traditions de la Révolution bourgeoise du XVIIIe siècle. Leurs vues furent plus tard reprises par les communistes français, qui n'ont révisé leur attitude que dans les années 1930, sous l'influence de l'imminence de la menace fasciste et lors de la lutte pour le Front populaire. V. Smirnov et V. Poskonine constatent que les communistes français actuels, ainsi que les socialistes et les gauchistes se considèrent les héritiers des révolutionnaires du XVIIIe siècle. Ils notent que les gauchistes, sans accepter « les principes libéraux de 89 » et le symbolisme révolutionnaire, distinguent parmi toutes les traditions celles qui concernent les formes révolutionnaires de la lutte (p. 138).

Ils analysent aussi la position des parties de droite, des gaullistes, des républicains indépendants, des monarchistes et néo-fascistes. Pour les gaullistes orthodoxes, les traditions révolutionnaires présentaient un intérêt dans la mesure où elles sont devenues nationales. Par contre, pour les gaullistes de gauches elles sont l'une des sources de leur doctrine sociale. Les républicains indépendants utilisent dans leur activité politiques ceux des symboles et emblèmes de la Révolution, qui sont devenus des valeurs nationales. Quant aux monarchistes et aux néo-fascistes, leur attitude est très hostile à l'égard de la Révolution et de ses traditions.

Considérant les anniversaires comme un moyen du transfert des traditions, les auteurs accordent une place considérable aux commémorations du centenaire et surtout du Bicentenaire de la Révolution. Malgré toutes les controverses auxquelles elle a prêté, la célébration du Bicentenaire prouve, que « la Révolution française occupe une place stable dans la mémoire collective des Français qui la considèrent l'un des événements les plus importants de l'histoire nationale et mondiale » (p. 186).

L'enseignement de l'histoire de la Révolution à l'école comme un moyen

important du transfert des traditions est bien étudié par les auteurs qui y consacrent un chapitre (p. 95-120). Mais paradoxalement ils accordent moins d'attention à l'enseignement du même sujet dans les milieux universitaires. La seule information regarde la création d'une chaire de l'histoire de la Révolution à la Sorbonne en 1886. Ils n'écrivent malheureusement rien de l'enseignement universitaire de la Révolution française au XIXe siècle à Paris et en province (Aix, Besançon) surtout avant, ainsi qu'après la création de cette chaire.

Puisque l'un des moyens du transfert des traditions sont les études historiques, les auteurs brossent le tableau complet du développement de la pensée historique française à partir des historiens de l'époque de la Restauration jusqu'à M. Vovelle et F. Furet. C'est sans doute l'avantage de ce livre. Toutefois, quelques-uns de leurs jugements sont discutables. Celui qu'ils portent sur Mathiez nous semble excessif. N'est-ce pas une exagération de déclarer que « Mathiez développa l'étude économique et sociale de la Révolution commencée par Jaurès » (p. 81) ? En réalité, sa contribution en dépit de tous ses efforts fut limitée⁴⁰⁵. En discutant la position de Mathiez à l'égard de la Révolution d'Octobre, ils mentionnent aussi son adhésion au Parti communiste français (p. 81), sans même faire allusion à sa sortie de ce parti quelques années plus tard. Un lecteur incompetent ne serait jamais capable de s'orienter dans le chemin tortueux parcouru par Mathiez.

Parmi de nombreuses conceptions de la Révolution qu'ils discutent en détail, celle de la « révolution atlantique » se distingue par une interprétation incomplète (p. 90). Il est difficile de préciser la propre position des auteurs à son égard.

Nous nous permettons de faire une objection concernant la Terreur jacobine. L'attitude des auteurs n'est pas univoque. D'après leur conception, les Jacobins créèrent « un régime terroriste », « une machine répressive et bureaucratique » (p. 19, 21). Mais n'y a-t-il pas une contradiction entre ces jugements et d'autres, d'après lesquels, *primo* au cours des événements des 4-5 septembre 1793 les masses populaires exigèrent de la Convention « de mettre la Terreur à l'ordre du jour » (p. 19) ; *secundo* en luttant contre la contre-révolution, les révolutionnaires furent contraints « à écraser leurs adversaires, à sacrifier la liberté et les droits de l'homme, à recourir à la Terreur » (p. 24) ? Dans ses études précédentes V. Smirnov souligne que la Terreur jacobine est venue « d'en bas », du mouvement spontané des masses populaires désirant régler les comptes avec les contre-révolutionnaires. Ce point de vue, auquel ils ne font qu'une allusion dans ce

⁴⁰⁵ Voir A. Soboul. Comprendre la Révolution. Paris. 1981. P. 294 ; *idem* : La civilisation et la Révolution française. T. 2. La Révolution française. Paris. 1983. P. 31-32.

livre (p. 18), nous semble plus acceptable.

Le livre de V. Smirnov et V. Poskonine est le dernier d'une série de six volumes intitulée *La Grande Révolution française : documents et recherches*⁴⁰⁶ et réalisée à l'occasion du Bicentenaire de la Révolution par la chaire d'histoire moderne et contemporaine de l'Université de Moscou. Sa publication est la meilleure preuve de la vivacité en Russie des traditions historiographiques du XIXe siècle dans l'étude de la Révolution française. Et qu'il nous soit permis, pour conclure, de souligner les mérites d'A. Ado sous la rédaction duquel tous les livres de cette série ont vu le jour.

AHRF. 1994. N° 296. Avril-juin. P. 359-361.

Д.М. Туган-Барановский. Наполеон и власть. (Эпоха консульства). Балашов. Издательство Балашовского педагогического института. 1993. 304 с.

Djoutchi Tougan-Baranovski. Napoléon et le pouvoir (l'époque du Consulat). Balachov. Éditions de l'Institut pédagogique de Balachov. 1993. 304 p.

L'histoire du Directoire, du Consulat et de l'Empire a certainement suscité beaucoup moins d'intérêt en ancienne Union Soviétique que l'époque de la Révolution dans sa phase ascendante. Quant à la politique intérieure de Napoléon, elle ne fut envisagée que dans les biographies de l'empereur rédigées par E. Tarlé et A. Manfred. Le livre du professeur D. Tougan-Baranovski⁴⁰⁷ sur la formation du régime bonapartiste est la première étude consacrée à ce thème dans l'historiographie soviétique et russe.

L'auteur pose bien des problèmes touchant à l'histoire du bonapartisme, à

⁴⁰⁶ **E. Kojokine.** Les ouvriers français de la Grande Révolution à la révolution de 1848. Moscou. 1985 (en russe) ; **L. Piménova.** La noblesse à la veille de la Grande Révolution française. Moscou. 1986 (en russe) ; **A. Ado.** Les paysans et la Grande Révolution française. Le mouvement paysan en 1789-1794. 2ème éd. : revue et complétée. Moscou. 1987 (en russe) ; La bourgeoisie et la Grande Révolution française (monographie collective). Moscou. 1989 (en russe) ; Documents de l'histoire de la Grande Révolution française. T. 1. Moscou. 1990 (en russe) ; [Documents de l'histoire de la Grande Révolution française. T. 2. Moscou. 1992 (en russe)].

⁴⁰⁷ D. Tougan-Baranovski, docteur d'État, est le titulaire de la chaire de l'histoire moderne et contemporaine à l'Université de Volgograd. Il est un auteur de deux livres sur l'époque napoléonienne : **D. Tougan-Baranovski.** Napoléon et les républicains. Saratov. 1980 (en russe) ; *idem* : Aux origines du bonapartisme. Saratov. 1986 (en russe).

la politique sociale du Premier consul, à l'idéologie du régime instauré après le coup d'État du 18 brumaire, qui ne sont pas devenu auparavant un objet de recherches de la part de ses prédécesseurs soviétiques. En s'appuyant sur une base solide de sources (matériaux tirés des archives russes, de la presse, des mémoires, ainsi que des pamphlets inconnus ou peu connus qu'il a découverts dans les bibliothèques russes, etc.), il a présenté la vision marxiste du thème traité.

Tougan-Baranovski ne croit pas, à la différence de bien des chercheurs soviétiques, que le coup d'État du 9 Thermidor fut un événement contre-révolutionnaire. Au contraire. Ce coup d'État a marqué « le retour de la Révolution à sa ligne bourgeoise ».

L'auteur brosse tout d'abord le tableau détaillé de la France directoriale en 1798-1799. Il a bien caractérisé les différentes couches de la bourgeoisie à l'époque du second Directoire et a montré les faiblesses de ce gouvernement, qu'il traite de « régime ». Certes, l'influence de la « légende noire » du Directoire se fait sentir dans son analyse. « Partout régnaient le chaos et l'anarchie », écrit-il (p. 50), sans mentionner les entreprises positives du Directoire.

Il a analysé l'activité des camps politiques opposés, surtout celle des républicains. Il nous semble qu'il a exagéré la menace du mouvement démocratique sous le second Directoire. Sa constatation, d'après laquelle « le mouvement jacobin a été bien considérable et avait une grande influence dans le pays pendant les deux dernières années du Directoire » (p. 56), est excessive. Par contre, il ne donne pas une importance primordiale aux actions des royalistes.

Comme le coup d'État du 18 brumaire fut préparé par le mouvement révisionniste (l'auteur est partisan de ce point de vue), il examine minutieusement son développement et les vues de ses idéologues (B. Constant, G. de Staël et d'autres). Apparu après le coup d'État du 18 fructidor, ce mouvement fut à la fois un phénomène idéologique et politique.

À l'inverse des historiens soviétiques, Tougan-Baranovski ne voit pas le coup d'État du 18 brumaire comme un événement exceptionnellement contre-révolutionnaire. Cependant, d'après lui ce fut la réaction bourgeoise qui a triomphé le 18 brumaire : le coup d'État a été dirigé notamment contre les masses populaires et leurs représentants politiques, Jacobins et Babouvistes, ainsi que contre les royalistes. Dans ce cas, nous sommes en accord avec lui. Mais est-il possible de parler de l'existence à l'époque du Directoire d'un « mouvement populaire » ? Nous ne le croyons pas. Rien n'est moins sûr, à notre avis du moins, que d'apprécier l'activité des Jacobins lors du second Directoire comme

un « mouvement populaire ».

Une place centrale est occupée par l'étude de la formation du régime bonapartiste. L'auteur a entrepris une analyse critique des mesures législatives prises par le Premier consul, de la Constitution de l'an VIII au sénatus-consulte de l'an XII, qui contribuèrent à bâtir l'établissement du nouveau régime. Il a montré d'une manière convaincante que toute l'activité législative de Bonaparte poursuivait un seul but, celui de limiter le rôle du pouvoir législatif, élargissant en même temps les fonctions du pouvoir exécutif.

Tougan-Baranovski a présenté d'une part la position des classes et des forces politiques différentes à l'égard du coup d'État du 18 brumaire et du nouveau régime, et de l'autre, l'attitude de Bonaparte envers ses adversaires politiques. Il a dévoilé l'essence de la politique de Bonaparte à cette époque tumultueuse en la caractérisant par une seule définition possible, celle de louvoiement. C'était l'argumentation de Lénine.

En discutant la politique social du régime consulaire, l'auteur souligne l'attitude favorable du pouvoir exécutif envers la législation agraire des Jacobins. Cette circonstance a contribué au processus du développement des rapports capitalistes à la campagne (p. 178). Et de plus, la création de la « Banque de France », l'adoption du Code civil, etc., prouvent que la bourgeoisie a trouvé en la personne du Premier consul le véritable défenseur de ses intérêts.

En somme, Tougan-Baranovski pense à juste raison que Bonaparte défendait les intérêts de la bourgeoisie française et de la paysannerie possédante. Celles-ci sont devenues les appuis principaux de son régime. Rappelons que pour E. Tarlé, Napoléon ne reflétait que les intérêts de la *grande* bourgeoisie et de la paysannerie possédante. L'approche d'A. Manfred avait été beaucoup plus complète : la politique de Bonaparte fut dictée par les intérêts de *toute* la bourgeoisie, ainsi que de la paysannerie possédante. L'auteur soutient l'interprétation d'A. Manfred, en attirant l'attention sur l'importance de l'élaboration par Bonaparte d'un programme social et économique optimal, dans lequel furent intéressées non seulement la bourgeoisie et la paysannerie possédante, mais aussi d'autres couches sociales.

Tougan-Baranovski qualifie, à l'instar de tous les historiens soviétiques, le caractère politique du régime bonapartiste de dictature militaire. L'étude de la politique intérieure du Premier consul (surtout sa position à l'égard de l'opposition et de la presse) lui a permis d'affirmer que Bonaparte a instauré un État autoritaire et totalitaire.

L'un des mérites incontestables de l'auteur est l'examen approfondi des

stéréotypes de la propagande napoléonienne dont le but fut la formation d'une opinion publique favorable. En discutant les efforts de Bonaparte dans ce domaine, il donne une importance particulière aux directives de la propagande officielle : justifier la nécessité du coup d'État du 18 brumaire, souligner le caractère populaire du régime consulaire, présenter Bonaparte comme le partisan déterminé de la paix (à l'intérieur du pays et à l'extérieur), glorifier sa personne. Les idées clefs de la légende napoléonienne furent lancées sous le Consulat.

AHRF. 1996. N° 306. Octobre-décembre. P. 748-749.

Н.А. Троицкий. Александр I и Наполеон. М. Высшая школа. 1994. 303 с.

Nikolai Troitski. Alexandre Ier et Napoléon. Moscou. Vischaia shkola. 1994. 303 p.

Les historiens russes du XIXe siècle et les historiens soviétiques ont étudié les différents problèmes de l'époque napoléonienne, surtout ceux de la guerre de 1812 et des relations franco-russes. Les biographies de Napoléon rédigées par E. Tarlé et A. Manfred occupent une place de choix parmi les innombrables études biographiques de l'empereur. De l'avis de Jacques Godechot, le *Napoléon* de Manfred « mérite d'être placé parmi les meilleures biographies de l'empereur »⁴⁰⁸.

Le livre de N. Troitski, professeur à l'Université de Saratov⁴⁰⁹, se distingue parmi les études des chercheurs soviétiques et russes contemporains, consacrées à l'époque napoléonienne, par l'incompétence de l'auteur. Trois grands thèmes y sont abordés : la biographie d'Alexandre Ier, celle de Napoléon et l'histoire des guerres napoléoniennes. L'auteur prétend donner de nouvelles interprétations (p. 6). Autrement dit, il s'agit, d'après cette déclaration, d'une nouvelle biographie scientifique de Napoléon, rédigée en russe et présentée sur le vaste panorama de l'époque. C'est la raison pour laquelle nous avons résolu d'en rendre compte. Comme, à la différence de l'auteur, nous ne nous considérons pas spécialiste de l'histoire des deux pays, nous allons laisser hors de notre analyse les chapitres

⁴⁰⁸ **J. Godechot.** La période révolutionnaire et impériale (publications de 1978 à 1985) // *Revue historique*. 1986. N 557. P. 200.

⁴⁰⁹ Le professeur N. Troitski est l'auteur de livres sur le mouvement révolutionnaire russe du XIXe siècle. Il a également publié deux livres sur la guerre de 1812 et sur les débats historiographiques, auxquels elle a prêté.

consacrés à la vie de l'empereur russe et tout ce qui concerne sa politique intérieure.

Notons d'abord que les sources utilisées par l'auteur sont d'une rare pauvreté. Certes, il a utilisé quelques documents tirés des archives russes qui concernent les événements de la guerre de 1812. Or, malgré la déclaration de l'auteur sur l'utilisation des « plus riches publications de documents (russes et étrangères) » (p. 7), il ne cite, parmi toutes les publications françaises et étrangères, que les *Correspondances de Napoléon* (six fois) et les *Œuvres de Napoléon*, publiées par J. Tulard (une fois).

Troitski avoue que la littérature consacrée à Napoléon compte 400 mille œuvres (p. 5). Toutefois, il se limite principalement aux études de ses prédécesseurs soviétiques. Quant à la littérature française, il cite souvent les livres des représentants du courant apologétique des études napoléoniennes de la fin du XIXe et du début du XXe siècle (surtout ceux d'A. Vandal), dont la majorité est traduite en russe. L'auteur n'est pas au courant des études biographiques fondamentales sur Napoléon, sorties de la plume des historiens français de la deuxième moitié du XXe siècle, de G. Lefebvre à J. Tulard. Troitski n'utilise pas non plus, à de rares exceptions près, les études des historiens français consacrées à l'époque napoléonienne. Il ne cite que les ouvrages de A. Soboul, dont la *1ère République* est traduite en russe, J. Thiry, J. Trainé et J. Carminiani.

Sans entrer dans les détails, nous ne concentrerons notre attention que sur les questions les plus importantes. Ayant adopté la conception des apologistes de Napoléon, Troitski parle en maintes occasions des « plans napoléoniens », que Bonaparte établissait durant toute sa vie, même en 1794 (p. 15). Donc, c'est l'influence de la littérature apologétique qui se fait sentir au fil de son récit.

Le chapitre consacré à la vie et l'activité de Napoléon jusqu'en 1801 nous rappelle beaucoup plus un roman qu'une étude historique. Le lecteur ne peut rien trouver de neuf sur l'évolution intellectuelle du jeune Bonaparte, sur ses campagnes d'Italie et d'Égypte.

Troitski traite à la suite des apologistes de Bonaparte, l'œuvre du Directoire sous les couleurs les plus sombres. Ignorant les recherches dans ce domaine, même la littérature écrite en russe, il établit, grâce à sa riche imagination, des parallèles entre les résultats de l'activité du Directoire et les suites d'un tremblement de terre (p. 37). Nous laissons les commentaires à nos lecteurs.

En discutant l'importance historique du coup d'État du 18 brumaire, l'auteur jette un coup d'œil sur les événements-clefs de l'époque post-thermidorienne. Il constate que les coups d'État du 9 thermidor et du 18 fructidor ont contribué au

processus du glissement de la République à droite, vers la « restauration possible du féodalisme » [sic] (p. 34). Il est tout simplement impossible de trouver un autre historien, voire auteur qui ait jamais énoncé une telle idée absurde.

Et c'est donc avec ces « connaissances » qu'il critique, même avec ironie, la conception de A. Mānfred surtout sur la position de Bonaparte à la veille du coup d'État du 18 brumaire, selon laquelle ce dernier, lors de son séjour en Égypte, n'aurait pas encore l'intention de s'emparer du pouvoir. Privé, hélas, de la possibilité d'argumenter sa « critique », Troitski répète en bref tout ce qu'avait écrit Vandal.

L'interprétation de cette question, pourtant, a suscité de vives discussions. L'absence de la moindre connaissance de ces débats n'a pas empêché l'auteur de parler au nom de « presque tous les historiens, du Français Vandal à notre Tarlé », qui se tenaient, comme il affirme, sur la même plate-forme (p. 29). Citons d'abord que les études napoléoniennes n'ont heureusement pas été interrompues par la mort de E. Tarlé en 1955. C'est pourquoi nous ne voyons pas la nécessité de mentionner son nom comme un point terminal, sinon une limite décisive, dans ce domaine, d'autant plus que son *Napoléon* a été publié en 1936. En outre, rappelons que G. Lefebvre, le plus éminent spécialiste de l'époque napoléonienne des années 1930-1940, s'est éloigné bien avant Manfred de l'approche de Vandal et a avancé des idées⁴¹⁰ qui ont été plus tard reprises, approfondies et argumentées par Manfred.

Troitski considère que le régime instauré par Bonaparte après le coup d'État contre-révolutionnaire du 18 brumaire est une dictature militaire. La politique de Napoléon, croit-il, reflétait surtout les intérêts de la grande bourgeoisie (p. 161). En même temps, l'auteur constate que l'empereur tâchait de soumettre la bourgeoisie à sa volonté. En somme, il n'y a rien d'original dans ses observations. L'auteur n'expose que les points de vue de ses prédécesseurs soviétiques (E. Tarlé, N. Loukine, A. Manfred, V. Daline), sans discuter les débats que le problème de la dictature napoléonienne a suscités dans l'historiographie française, notamment la conception de J. Tulard, qui ne coïncide pas avec celle d'autres historiens (J. Godechot, A. Soboul, J.-P. Bertaud, R. Dufraisie et d'autres).

Troitski accorde beaucoup plus d'attention à l'histoire des guerres napoléoniennes et à l'analyse des relations internationales. La formation de différentes coalitions (de 1805 à 1815) et le rôle de la Russie dans la lutte impitoyable menée contre la France napoléonienne sont discutés plus en détail que les autres problèmes. Cependant, malgré les descriptions parfois prolixes

⁴¹⁰ G. Lefebvre. *Le Directoire*. Paris. 1970. P. 147 ; *idem* : *La France sous le Directoire*. Paris. 1977. P. 708-709.

des opérations militaires (par exemple, celles de la guerre de 1805), l'auteur ne dit rien de neuf sur la politique extérieure de Napoléon.

Pour être impartial, il nous faut noter que dans le cadre de l'historiographie soviétique et russe ses réflexions sur la politique extérieure de la Russie du début du XIXe siècle sont fraîches. À la différence de ses prédécesseurs soviétiques Troitski dévoile le caractère agressif de la politique extérieure du tsarisme. Il présente le vrai visage de la politique extérieure de la Russie en soulignant que celle-ci poursuivait deux buts essentiels : celui de conquêtes territoriales et de l'hégémonie en Europe, ainsi que celui de la restauration en Europe des régimes renversés par la Révolution française et par Napoléon (p. 98).

En tout cas, parlant de ce sujet nous n'avons pas le droit d'omettre une circonstance à laquelle l'auteur ne fait pas allusion, mais qui n'est certainement pas secondaire. C'est que les historiens soviétiques, entravés par les chaînes de la censure, n'avaient pas la moindre possibilité d'avancer des idées incompatibles avec l'idéologie officielle sur les questions touchant l'histoire de la politique extérieure de la Russie.

Troitski discute également les relations franco-russes. C'itons ses remarques sur l'histoire diplomatique à la veille de la guerre de 1812. Il révèle les intentions agressives d'Alexandre Ier, désireux dès 1811 de déclencher une guerre contre la France (p. 193). Aucun des historiens soviétiques n'a vraiment rien écrit à ce sujet pour la raison que nous venons de mentionner. Par contre, parmi les historiens français, c'est J. Tulard qui a étudié cette question en profondeur⁴¹¹.

Dans ce petit compte rendu, il nous est impossible de citer toutes les erreurs et les inexactitudes commises par l'auteur en grand nombre. Néanmoins, notons-en quelques-unes. Robespierre n'a pas été guillotiné le 9 thermidor (p. 14), mais le 10. À la veille du coup d'État du 18 brumaire, Talleyrand n'occupait plus la place de ministre des relations extérieures (p. 32). La Convention a décerné à Pichegru le titre de *Sauveur de la patrie* en 1795 et non en 1794 (p. 90) ; le général a été exilé à la « guillotine sèche » après le 18 fructidor, et non pas en 1796 (p. 90). Pendant la bataille d'Austerlitz, Murat ne se trouvait pas dans la réserve (p. 108), mais commandait avec Lannes l'aile gauche de l'armée française.

Bien souvent, Troitski s'en tient aux conceptions anciennes, depuis longtemps réfutées par les chercheurs contemporains. Nous avons déjà noté son attitude à l'égard de l'œuvre du Directoire. Il qualifie le royaliste Moreau de

⁴¹¹ **J. Tulard.** Napoléon II. Paris. 1992. P. 56-59. Voir aussi : **J. Thiry.** Le roi de Rome. Paris. 1968. P. 16-20.

républicain (p. 94). À son avis, Murat n'avait pas de capacités dans le domaine politique (p. 169), et encore il se réfère à la biographie du maréchal rédigée par J. Tulard (p. 194). Il est évident que le contenu de ce livre lui est inconnu. L'auteur soutient l'affirmation de Napoléon, selon laquelle la giberne du soldat de l'armée impériale renfermait un bâton de maréchal (p. 164). Ce point de vue a été définitivement réfuté non seulement par les chercheurs français (J. Tulard, J.-P. Bertaud) dans leurs différentes études, mais aussi par l'historien soviétique C. Botchorichvili⁴¹². Cette même tendance se fait sentir dans ses observations sur le duc de Reichstadt qui, selon lui, aurait été brisé par la lutte qu'il menait à la cour de son grand-père contre l'éducation autrichienne (p. 257)⁴¹³.

Dans son ensemble, le livre de Troitski n'apporte absolument rien de neuf aux études napoléoniennes. Quant à ses réflexions sur la politique extérieures de la Russie, elles sont déjà exposées dans ses livres précédents sur la guerre de 1812⁴¹⁴. En réalité, ce n'est qu'un ouvrage de vulgarisation réalisé au plus bas niveau, qui ne peut être utile même au grand public, car il ne pourra jamais orienter le lecteur incompetent vers la vérité historique.

Inédit, rédigé en 1994.

С.Ф. Блуменау. Споры о революции во французской исторической науке второй половины 60-х – 70-х годов. Брянск. Издательство Брянского педагогического института. 1994. 137 с.

Siméon Blumenau. Discussions sur la Révolution dans la science historique française du milieu des années 1960 jusqu'en 1979. Briansk. Éditions de l'Institut pédagogique de Briansk. 1994. 137 p.

Les historiens soviétiques des années 1960-1980 suivaient avec un vif intérêt les différentes mutations qui bouleversaient l'historiographie française de la

⁴¹² **J. Tulard.** Problèmes sociaux de la France impériale // Revue d'histoire moderne et contemporaine. T. 17. Juillet-septembre. 1970. P. 654 ; **J.-P. Bertaud.** Histoire du Consulat et de l'Empire. Chronologie commentée, 1799-1815. Paris. 1992. P. 50 ; **A. Palluel-Guillard.** Les événements en France // **A. Fierro, A. Palluel-Guillard, J. Tulard.** Histoire et dictionnaire du Consulat et de l'Empire. Paris. 1995. P. 385-386 ; **C. Botchorichvili.** Le destin du soldat napoléonien // Voprosi istorii (Questions d'histoire). 1985. N 6. P. 181-186 (en russe).

⁴¹³ Voir à ce propos : **J. Tulard.** Napoléon II. Paris. P. 123.

⁴¹⁴ **N. Troitski.** 1812. La grande année de la Russie. Moscou. 1988. P. 16-27 (en russe) ; *idem* : La guerre de 1812. L'histoire du thème. Saratov. 1991. P. 68-69 (en russe).

Révolution et ils ont publié de nombreuses études critiques sur les conceptions récentes de la Révolution française. De fait, ils critiquaient tous ceux qui ne se tenaient pas à la méthodologie marxiste.

Ce fut grâce à la nouvelle mentalité apparue ces dernières années que bien des historiens russes (Y. Bessmertni, A. Gourevitch et d'autres) ont révisé leur attitude à l'égard des écoles historiques occidentales, surtout celle des *Annales*. Le livre de S. Blumenau⁴¹⁵, élève de A. Ado, qui est consacré aux nouvelles tendances de l'historiographie révolutionnaire en France, porte l'empreinte de cette évolution. L'auteur donne une nouvelle interprétation des divers courants de l'historiographie française. Les limites chronologiques ne sont pas choisies par hasard. On sait bien que ce n'est qu'à partir des années 1960 que la nouvelle interprétation de la Révolution suscite de chaudes polémiques dans l'historiographie de la Révolution.

Blumenau interprète tout d'abord les vues des représentants du courant critique, des « révisionnistes », comme on les nommait en ex-URSS, en présentant en détail les travaux principaux de F. Furet, D. Richet, G. Chaussinand-Nogaret et d'autres, dans lesquels ceux-ci contestaient les acquis de l'historiographie « classique » de la Révolution. Il qualifie les idées avancées par F. Furet et D. Richet dans leur premier livre sur la Révolution « d'originales et d'intéressantes » (p. 10), en expliquant qu'à cette époque ils ne niaient pas encore le caractère anti-féodal et bourgeois de la Révolution. La théorie des « élites » qu'il discute minutieusement, joue, à son avis, un rôle décisif dans l'évolution ultérieure des vues de ces auteurs, dont le point final a été la négation de l'existence du féodalisme en France au XVIIIe siècle et du caractère social de la Révolution. La nouvelle interprétation de la Révolution s'est définitivement formée à la limite des années 1960-1970 et a stimulé beaucoup d'études approfondies de l'histoire de l'époque révolutionnaire.

L'approche de Blumenau, est plus moderne que celle de ses prédécesseurs. Il s'engage certainement dans des discussions avec les uns ou avec les autres, conteste, par exemple, les vues de Furet sur les relations entre la bourgeoisie et les masses populaires pendant la Révolution française. Néanmoins, il nous semble que l'auteur se limite parfois à l'exposé des pensées de Furet sans émettre ses propres jugements. C'est pourquoi il est difficile de préciser sa propre position à l'égard des idées-clefs de Furet. Accepte-t-il la théorie du dérapage ? Qu'est-ce qu'était la Révolution : un événement social dans le sens marxiste

⁴¹⁵ Maître de conférences à l'Institut pédagogique de la ville de Briansk, S. Blumenau est l'auteur de plusieurs études consacrées à l'analyse de l'historiographie française.

de ce terme ou un phénomène purement politique ? Dans quelle mesure peut-on la considérer comme une continuité ? On ne trouve pas, hélas, d'opinion explicitement formulée par lui concernant ces questions très importantes et, à la fois, fort discutables.

Avec le deuxième chapitre nous pénétrons dans le domaine de l'historiographie marxiste. Blumenau analyse l'activité des historiens marxistes sous trois aspects : leur contribution à l'étude de l'époque révolutionnaire, leur discussion avec les « révisionnistes » et, enfin, les vifs débats apparus au sein de ce courant lors de cette polémique. Quant aux derniers débats, l'auteur distingue deux tendances différentes : A. Soboul et ses élèves (G. Lemarchand, E. Guibert-Sledziewski) brossaient un tableau essentiellement « féodal » de l'Ancien Régime, sous-estimant, d'après l'auteur, le niveau du développement des éléments du capitalisme dans l'économie française. Par conséquent, ils considéraient absolument nécessaire la voie révolutionnaire de la transition de la société du féodalisme au capitalisme. À leur différence, R. Robin et M. Grenon concentraient leur attention sur la pénétration du capitalisme dans le mode féodal de production. Ceux-ci, ainsi que M. Pelletier, acceptaient la possibilité de la transformation de la société en évitant les perturbations révolutionnaires. Blumenau pense que les querelles entre les historiens marxistes français ont été plus intéressantes que leur polémique « improductive » avec les « révisionnistes ».

L'auteur analyse également la discussion des problèmes du Jacobinisme par C. Mazauric, C. Wolikov, F. Brunel et d'autres. Il est regrettable qu'il omette l'*Histoire de la France contemporaine* rédigée par F. Hincker et C. Mazauric⁴¹⁶, dans laquelle l'histoire des Jacobins et de la « République jacobine » est étudiée en profondeur. Il souligne aussi toute l'importance de la contribution de M. Vovelle à l'étude de la mentalité collective de l'époque révolutionnaire.

Le plan des deux derniers chapitres est thématique. Blumenau discute dans le troisième chapitre (*L'histoire socio-économique et politique : approche traditionnelles et nouvelles tendances*) l'état actuel des études de l'histoire économique et politique de la Révolution. Les travaux de M. Agulhon, J. Sentou, M. Morineau, P. Goujard, J. Bastier, G. Freche et d'autres sur l'histoire économique se trouvent au centre de son attention. L'influence de l'interprétation « classique » de la Révolution est plus visible, comme il le croit, sur les auteurs qui ont étudié les problèmes de l'histoire agraire. Par contre, à travers les livres

⁴¹⁶ F. Hincker, C. Mazauric. *Histoire de la France contemporaine*. T. 1. 1789-1799. Paris. 1978.

consacrés à la bourgeoisie et à la noblesse, c'est une France d'« économie mixte » et de « nouvelle économie » qu'on remarque (p. 83-84).

Blumenau place l'augmentation de l'intérêt envers l'histoire politique parmi les nouvelles tendances de la science historique française de cette époque. La publication de multiples ouvrages sur l'histoire politique est due, affirme-t-il, aux changements qui ont eu lieu dans les orientations scientifiques des *Annales* et particulièrement à leur retour à l'étude des « événements ». Dans ces conditions, même l'histoire du Directoire, de ce « parent pauvre de l'historiographie de la Révolution française »⁴¹⁷ a attiré, elle aussi, l'attention des historiens.

Beaucoup d'études sur l'histoire du Directoire sont discutées par l'auteur, surtout celles de J.-R. Suratteau. Sa conception originale du Directoire, que nous partageons complètement et d'après laquelle le Directoire aurait été un mode de gouvernement, n'échappe pas à son attention non plus. Contrairement à Suratteau, cependant, Blumenau qualifie le Directoire de régime politique, sans entrer dans une polémique avec lui. C'est tout simplement dommage qu'il ne discute pas les différents points de vue à ce propos, notamment ceux de J. Godechot et D. Woronoff, en les comparant avec ceux de C. Church, historien anglais du Directoire. D'autant plus que leur vision, qui ne rejoint pas celle de Suratteau, est clairement reflétée dans leurs livres examinés par lui⁴¹⁸.

Blumenau a parfaitement raison d'affirmer l'émergence sous leur plume d'une nouvelle image, beaucoup plus positive, du Directoire. Il cite surtout les mérites de Godechot et de Woronoff dans la nouvelle lecture du Directoire.

L'auteur discute aussi *La Révolution armée* de J.-P. Bertaud. Il le critique de ne pas avoir caractérisé la position des commandants de l'armée, parmi lesquels il mentionne les noms des généraux Joubert et Bonaparte, « partisans du pouvoir autoritaire » (p. 83). Or, son objection, à mon avis, n'est pas fondée, parce que le récit de Bertaud examine l'histoire de l'armée jusqu'à l'instauration du second Directoire, quand ces deux généraux n'étaient pas encore partisans du pouvoir autoritaire. En outre, l'attitude de Bonaparte lors de la crise de l'an V est minutieusement étudiée par Bertaud.

Les ouvrages sur les différents aspects de la mentalité collective et de l'anthropologie historique sont discutés dans le dernier chapitre du livre. Blumenau nous présente non seulement les études de B. Plongeron, M. Vovelle, M. Ozouf, S. Bianchi et d'autres, consacrées aux orientations religieuses des

⁴¹⁷ M. Vovelle. *Les aventures de la raison*. Paris. 1989. P. 83.

⁴¹⁸ Il s'agit bien dans ce cas de *La vie quotidienne en France sous le Directoire* de J. Godechot et de *la République bourgeoise* de D. Woronoff.

masses, aux fêtes, à la déchristianisation, etc., mais il analyse aussi les ouvrages dont les auteurs (F. Lebrun, J.-P. Goubert et d'autres) ont étudié les notions et les conceptions des hommes sur la vie et la mort, sur le mariage et la famille, les maladies et les relations intimes. Il constate les succès marquants et indéniables obtenus par les historiens français dans ce domaine.

Dans son ensemble, de l'avis de Blumenau, l'époque dont il est question, est celle de changements et d'innovations, une époque où l'étude approfondie des problèmes particuliers occupe une place prépondérante dans la recherche historique et où l'étude de la mentalité révolutionnaire avait un progrès évident. Les réflexions de l'auteur sont originales et fraîches, une circonstance qui assurera à son livre un succès mérité et une place stable dans l'historiographie russe de la Révolution française.

Inédit, rédigé en 1994.

Луи Антуан Сен-Жюст. Речи. Трактаты. Ответственный редактор А.В. Гордон. Санкт-Петербург. Наука. 1995. 472 с.

Louis Antoine Saint-Just. Discours. Traités. Textes réunis par A. Gordon. Saint-Petersbourg. Naouka. 1995. 472 p.

Aucune période de l'histoire de la Révolution française n'a jamais suscité un aussi grand intérêt dans l'historiographie soviétique que celle de la dictature Jacobine. À part des études spéciales consacrées aux différents problèmes du Jacobinisme, les chercheurs soviétiques ont aussi contribué à la publication des textes originaux des discours des Jacobins éminents. Ainsi, la publication des *Œuvres* de Marat et de Robespierre en trois volumes a été réalisée dans les années 1950-1960 par les efforts conjugués de V. Volguine et A. Manfred⁴¹⁹. V. Daline a organisé pendant les années 1970-1980 la publication des *Œuvres* de Babeuf⁴²⁰.

Malgré maints différends avec leurs prédécesseurs dans les jugements portés sur les Jacobins, les historiens contemporains russes continuent leurs recherches. A. Tchoudinov, par exemple, a réuni les discours de Couthon dans un volume *in quarto*⁴²¹. Les historiens russes ont enfin à leur disposition les discours et les traités de Saint-Just qui ont vu le jour dans la collection *Œuvres littéraires*

⁴¹⁹ **J. P. Marat.** Œuvres choisies. T. 1-3. Moscou. 1956 (en russe) ; **M. Robespierre.** Œuvres choisies. T. 1-3. Moscou. 1965 (en russe).

⁴²⁰ **G. Babeuf.** Œuvres. T. 1-4. Moscou. 1975-1982 (en russe).

⁴²¹ **G. Couthon.** Œuvres choisies. Moscou. 1994 (en russe).

(notons, que les *Œuvres* de Marat et de Robespierre avaient été publiées dans cette même collection) sous la direction de A. Gordon, élève de Y. Zakher.

Ce volume *in octavo* est composé de quatre parties, dont trois comportent vingt et un de ses discours et exposés couvrant la période de 1792 à 1794, trois traités, cent documents touchant son activité lors de ses missions aux années en 1793-1794, cinq lettres, etc. En somme, plus de 130 documents sortis de sa plume, dont treize seulement avaient été autrefois publiés en russe, y ont trouvé place. Les éditeurs ont préalablement comparé la plupart des documents avec ceux qui avaient paru dans le recueil des *Œuvres complètes* de Saint-Just, publié sous la direction de M. Duval (Paris, 1984), et, en même temps, ils ont complété l'édition russe par d'autres documents.

Grâce au choix précis des documents, c'est donc le vrai visage d'un révolutionnaire fervent qui se dresse devant nous. Après la lecture de ce recueil, même un lecteur incompetent peut sans doute avoir une notion de l'étendue de l'activité de Saint-Just. Ce que l'on saisit immédiatement, c'est la diversité de son action qui englobait toutes les sphères essentielles de la lutte de son temps.

Les discours de Saint-Just *Sur le jugement de Louis XVI*, *Sur la Constitution de la France*, etc., jettent la lumière sur sa plate-forme politique radicale qui est celle d'un partisan déterminé de la nouvelle Constitution et de la forme républicaine de gouvernement. Ses vues sociales sont reflétées dans les autres discours et exposés (*Sur les subsistances*, *Sur le Gouvernement révolutionnaire*, etc.). Les exposés célèbres de Saint-Just *Sur les personnes incarcérées* et *Sur le mode d'exécution du décret contre les ennemis de la Révolution*, prouvent son inappréciable contribution aux débats politiques qui ont précédé l'adoption des fameux décrets de ventôse, dont la portée historique a suscité différentes interprétations dans l'historiographie de la Révolution française. Notons à ce propos que A. Gordon soutient dans son ensemble l'attitude de G. Lefebvre et A. Soboul, en constatant que ces décrets n'ont été que le résultat d'une manœuvre tactique (p. 389).

Bien des documents insérés dans ce recueil touchent l'action militaire de Saint-Just qui n'est pas entré dans l'histoire comme un révolutionnaire purement parlementaire, à la différence de nombre de ses contemporains. En plus de ses discours *Sur l'organisation du Ministère de la Guerre* et *Sur l'organisation de l'armée*, les éditeurs ont publié, comme nous l'avons déjà mentionné, cent documents concernant ses missions à l'armée du Rhin et à celle du Nord, ainsi qu'aux frontières du Nord et de l'Est. Quant aux documents touchant ces missions, ils ont été choisis parmi les plus importants qui avaient été publiés sur

ces mêmes missions par Ch. Vallay et A. Soboul. Les documents reflètent toute l'importance du rôle immense joué par Saint-Just et Le Bas lors de ces missions.

On n'a certainement pas oublié non plus la participation de Saint-Just aux débats de la tribune de la Convention. D'après ses exposés *Contre les Girondins* et *Contre les Dantonistes*, ainsi que son dernier *Discours commencé en séance du 9 Thermidor*, on voit le portrait d'un robespierriste dévoué qui a soutenu en maintes occasions la cause de l'Incorruptible.

Ce recueil est aussi enrichi par trois traités théoriques et philosophiques de Saint-Just, *Esprit de la Révolution et de la Constitution de France*, *De la nature, de l'État civil, de la Cité ou des Règles de l'indépendance du Gouvernement*, *Les Institutions républicaines. Fragments*. Ajoutons également que les éditeurs ont présenté les textes critiques de deux derniers traités. C'est leur mérite indéniable. On a omis l'*Organt*, mais il est facile de remarquer qu'ils ont concentré leur attention sur les exposés et écrits de Saint-Just de l'époque de la Convention, en poursuivant probablement le but de présenter plutôt l'action d'un révolutionnaire déjà formé que le tableau complet de son évolution spirituelle. Et, à ce point de vue, ils ont indubitablement raison.

La dernière partie contient les articles intéressants de A. Gordon (*Illusions et réalités du Jacobinisme*) et de T. Tchernoverskaia (*Individualité et destinée*), ainsi que de minutieux commentaires rédigés par eux (p. 412-460) et dont la valeur scientifique est incontestable.

Inédit, rédigé en 1996.

А.В. Чудинов. Размышления англичан о Французской революции. Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М. Памятники исторической мысли. 1996. 304 с.

Alexandre Tchoudinov. Réflexions des Anglais sur la Révolution française. E. Burke, J. Mackintosh, W. Godwin. Moscou. Documents de la pensée historique. 1996. 304 p.

Notre collègue russe A. Tchoudinov s'intéresse depuis longtemps aux discussions suscitées par la Révolution française dans l'Angleterre de la fin du XVIIIe siècle⁴²². À ce jour ce thème n'a jamais été analysé en profondeur.

⁴²² A. Tchoudinov, élève du regretté professeur Guennadi Koutchérenko, est un chercheur à l'Institut d'histoire générale de l'Académie des sciences russe. Auteur de nombreux articles sur l'époque révolutionnaire, il a aussi soutenu une thèse de doctorat

Certes, beaucoup de lacunes ont été plus ou moins comblées dans ce domaine, même par les historiens soviétiques. Or, le livre de Tchoudinov est la première étude englobant le problème dans sa diversité.

L'auteur concentre son attention sur l'historiographie de la Révolution par trois éminents penseurs anglais – E. Burke, J. Mackintosh, W. Godwin. Ce choix n'a pas été dicté par un curieux effet du hasard, mais par l'importance de quelques circonstances qu'il mentionne dans la préface. D'abord ces auteurs ont laissé une trace marquante dans les débats dont il est question : Burke a posé la première pierre de la polémique engagée en Angleterre, Mackintosh a écrit la première étude de valeur sur la Révolution et Godwin a eu le mérite de publier le plus célèbre traité social et politique paru à la suite de ces querelles. En outre, ils ont tous les trois représenté des traditions idéologiques différentes : conservatrice, libérale et socialiste.

Tchoudinov analyse en premier lieu l'œuvre de Burke. Sans entrer dans les détails, il donne quelques brefs renseignements sur sa vie et ses activités politiques. Il brosse le portrait d'un homme de conviction, ayant résolument rompu avec ses amis, afin de continuer une lutte acharnée contre la Révolution. De toutes ses batailles politiques, celle livrée contre la Révolution française a été la plus célèbre et lui a assuré une réputation indéniable.

Selon Tchoudinov la philosophie sociale de Burke se base sur des notions religieuses. Ses actions ont été dictées par sa foi en la puissance de la Providence, ce qui a naturellement laissé une empreinte ineffaçable sur son attitude à l'égard de la Révolution française.

Tchoudinov étudie la conception de la Révolution de Burke. Étant l'adversaire le plus déterminé du renversement de l'Ancien Régime par la voie révolutionnaire, Burke condamnait les événements ayant ébranlé la France. D'après lui, il aurait été possible de modifier les vices de l'Ancien Régime par de sages réformes.

En discutant les explications données par Burke sur les causes de la Révolution, l'auteur note parmi celles-ci une raison principale : la révolte des citoyens contre la religion. Mais Tchoudinov souligne en même temps l'originalité de son approche, le fait que Burke considère l'activité des Français, inspirés par les idées des Lumières, dans le contexte de la situation sociale et économique de leur pays.

Parmi les nombreux problèmes touchant la position de Burke, citons celui de la particularité de la Révolution française qui, rompant la continuité historique,

était dangereuse.

Dans son ensemble, Tchoudinov pense que Burke ayant pour point de départ sa foi en les lois divines inébranlables, sous-estimant la possibilité des changements introduits par les hommes. Selon lui, les actions des révolutionnaires n'auraient fait qu'approfondir la crise publique. C'est la raison qui explique son attitude hostile à l'égard de la Révolution française.

L'un des mérites incontestable de l'auteur est certainement de discuter l'influence de Burke sur les historiens conservateurs des époques suivantes (Barruel, Taine, Cochin). Il accorde aussi une place majeure à l'étude de l'influence de Burke sur les historiens révisionnistes contemporaines, notamment F. Furet dont les conclusions quant à la Révolution rejoignent celles de Burke. Les idées de Burke ont donc occupé leur place dans l'historiographie révolutionnaire. « Sa méthodologie de l'interprétation de la Révolution française, écrit Tchoudinov, lui a permis de discuter des problèmes et d'esquisser les voies de leur solution, d'une manière qui n'a pas perdu son actualité de nos jours » (p. 143).

Tchoudinov analyse aussi minutieusement la contribution de Mackintosh, de *Vindicae Gallicae*, publiée en 1791. Comme il le note, les vues de Burke et de Mackintosh sur la Révolution ont été bien proche. Mais à la différence de Burke, Mackintosh acceptait au début de sa carrière la possibilité d'une rénovation du système politique par la voie révolutionnaire.

L'auteur étudie l'évolution compliquée des vues de Mackintosh, dont l'attitude envers la Révolution française a changé au début du XIXe siècle. À cette époque, les principes avancés dans le *Vindicae Gallicae* ont été écartés, Mackintosh s'est penché de plus en plus sur la condamnation de l'expérience française rompant la continuité historique. Il continua à affirmer la nécessité d'une rénovation de l'Ancien Régime, mais en rejetant comme solution des moyens révolutionnaires. En 1812 il est définitivement devenu le partisan résolu de réformes pacifiques. Son évolution est typique de celle de beaucoup d'autres contemporaines, indépendamment de leur nationalité. Citons, par exemple, le cas de Marc-Antoine Jullien de Paris.

Donc, dans les nouvelles conditions historiques apparues après l'effondrement du Premier Empire, Mackintosh a fait, selon l'auteur, tout son possible pour soutenir, en se référant à la Révolution française, le mouvement libéral européen.

Pour éclairer la conception de Godwin, Tchoudinov analyse particulièrement le célèbre traité *Justice politique* paru en 1793, résultat de réflexions sur la

Révolution française. Selon Godwin, la diffusion des idées de la liberté et de la justice aurait apporté une aide puissante à la rénovation de l'ordre public. Godwin soulignait surtout le caractère politique de la Révolution, la considérant comme un événement dont le but était le remplacement de l'ordre « despotique » par l'ordre « démocratique ». À l'instar de Mackintosh, il était le partisan de rénovations par des moyens pacifiques. Toutefois, d'après lui, le changement ne pouvait s'opérer que par la voie révolutionnaire. À ce propos, Tchoudinov attire notre attention sur un fait intéressant : Godwin proposait de recourir à la fois à des moyens révolutionnaires et à des changements progressifs (p. 251-252).

L'auteur ne croit pas qu'il soit raisonnable de regarder la doctrine politique de Godwin comme doctrine anarchique. En polémique avec d'autres chercheurs, il a bien défini sa position. En même temps, à son avis, la théorie de Godwin ne peut être considérée comme communiste (p. 289). Néanmoins, il range Godwin parmi les représentants de la pensée socialiste du XIXe siècle.

Nul ne saurait contester, sans doute, la compétence et la rigueur scientifique de l'auteur, dont la synthèse enrichi nos connaissances. Cependant, à titre d'observation, émettons ici quelques jugements sur des problèmes plus particuliers. À la suite de la plupart des historiens soviétiques/russes, Tchoudinov parle de « l'historiographie anglo-américaine » (p. 12, 25). Il nous semble que l'historiographie anglaise de la Révolution doit être strictement distinguée de l'américaine.

Il fait aussi allusion à l'existence d'une « école léningradienne d'historiens de la Révolution française » (p. 22). À vrai dire, l'existence d'une telle « école historique », du moins dans les années 1960-1990, est très contestable, pour ne pas dire plus. À cette époque, il n'y avait (et il n'y a à présent) que quelques chercheurs à Léninegrad/Saint-Petersbourg.

Nous ne croyons pas qu'il soit exact de classer Georges Lefebvre parmi les historiens marxistes (p. 119). En ex-URSS, on a parfois injustement traité ce grand savant d'historien bourgeois. Victor Daline, éminent historien de la Révolution, a critiqué, non sans raison, l'un de ses collègues à ce propos. En tout cas, aucun historien soviétique n'a jamais exprimé la volonté de placer son nom parmi les chercheurs marxistes français. En réalité, Lefebvre a continué la tradition socialiste de l'historiographie révolutionnaire.

AHRF. 1998. N° 312. Avril-juin. P. 362-364.

Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина (к 95-летию со дня рождения). Ответственный редактор А.В. Чудинов. М. Институт всеобщей истории РАН. 1998. 322 с.

Études historiques sur la Révolution française. Hommage à Victor Daline (1902-1985). Sous la direction d'Alexandre Tchoudinov, en collaboration avec Dmitri Bovykine et Galina Tchertkova. Moscou. Institut d'histoire générale. 1998. 322 p.

Ce recueil est publié à l'occasion du 95e anniversaire de la naissance de l'éminent historien soviétique Victor Daline (1902-1985), membre du Comité directeur de la Société des études robespierristes, docteur *honoris causa* à l'Université de Besançon.

Né à Odessa, Daline s'est engagé bien jeune dans le mouvement révolutionnaire. Sa jeunesse a été éclairée par les rayons du soleil de la Révolution de 1917, et par conséquent, il en a subi l'empreinte ineffaçable sur sa mentalité, ses pensées et ses actions, circonstance qui se fait fortement sentir jusqu'au dernier moment de sa vie. Après avoir occupé des postes de responsables dans les organisations importantes du Parti Communiste, il a abandonné en 1924 l'activité politique et à partir de ce moment a consacré toutes ses forces à l'étude de l'histoire moderne de la France.

Élève de N. Loukine, Daline a étudié dès le début de sa carrière scientifique l'histoire du mouvement socialiste en France au XXe siècle et celle de la Révolution française, ayant été l'un des premiers chercheurs marxistes de l'époque révolutionnaire. Notons qu'en dépit de l'étendue de ses intérêts scientifiques, ces deux domaines se sont constamment trouvés au centre de son attention.

Or, sa carrière a été brusquement interrompue en 1936. Devenu l'une des innombrables victimes de la terreur stalinienne, qui battait son plein à cette époque en URSS, il a été privé de la possibilité de continuer ses recherches. De son propre avis, il a été soupçonné d'avoir des relations avec les *trotskistes*. La machine infernale de la terreur stalinienne l'a condamné à dix ans d'exil, alors que cette accusation n'avait été argumentée par aucune preuve. Après sa remise en liberté il a été exilé pour une deuxième fois en 1948 et n'est définitivement revenu à Moscou et à la science historique qu'en 1955.

Les travaux de Daline, écrits pendant la deuxième période de son activité scientifique, sont bien connus en France. Son *capolavoro* sur Babeuf a eu à

Moscou deux éditions en traduction française (1976, 1987). Ce livre et son recueil d'articles *Hommes et idées*, également traduit en français (Moscou, 1983), ont été couronnés du Prix Volguine par l'Académie soviétique (1971) et ont assuré à leur auteur un succès parfaitement mérité.

Sa mort a été sans doute une perte douloureuse pour la science historique et surtout pour les études révolutionnaires, mais ses élèves et ses collègues continuent à Moscou, malgré la dureté des conditions apparues dans ce pays durant ces dernières années, leurs recherches dans le domaine qui était cher à Daline. Ce recueil d'article en est la meilleure preuve.

Il est composé de trois parties, dont la première comprend des documents sur Daline. Dans leurs souvenirs, ses collègues (V. Smirnov et d'autres) brossent le portrait d'un homme de probité, sincère et modeste, ainsi que d'un historien dévoué, ayant été non seulement un savant remarquable, mais aussi un admirable organisateur des travaux scientifiques. Son talent d'organisateur, noté à juste titre, s'est bien démontré lors de la rédaction de l'*Annuaire d'études françaises* (31 volumes). Je me permets d'ajouter pour ma part, que ce travail pénible, qu'il réalisait avec plaisir, accaparait la majeure partie de son temps. Beaucoup d'articles sur la Révolution y ont été publiés. V. Smirnov attire l'attention sur son immense rôle dans l'amélioration et la consolidation des relations entre les historiens français et soviétiques. Les articles de nombreux historiens français et étrangers (F. Braudel, A. Soboul, J. Godechot, J. Le Goff, J.-R. Suratteau, R. Legrand, W. Markov et d'autres) y ont paru.

En se référant aux documents inédits tirés des archives russes, Mikhaïl Daline étudie pour la première fois un épisode important, mais inconnu à ce jour, touchant à l'activité politique de son père dans les années 1920. Il montre de la manière la plus convaincante que l'étiquette de *trotskiste*, attribué à son père à la limite des années 1923-1924, lors des querelles politiques, était privée du moindre fondement. Toutefois, Daline est arrêté en 1936 et exilé « pour activité contre-révolutionnaire *trotskiste* » (p. 29).

Les éditeurs publient l'article inédit de Victor Daline sur l'éminent historien russe A. Savine (1873-1923), professeur à l'Université de Moscou, ayant enseigné l'histoire moderne de l'Europe. En étudiant le journal de ce dernier, datant de 1908 à 1917, Daline a relevé avec beaucoup de finesse des renseignements intéressants sur la vie universitaire de cette époque, ainsi que des caractéristiques précises de bien des historiens russes célèbres (V. Klutchevski, R. Vipper, E. Kosminski, V. Volguine et d'autres) lancé par A. Savine.

La première partie comprend aussi la *Bibliographie des œuvres* de Daline,

rédigée par l'auteur de ses lignes (p. 70-87). Le sort de cette bibliographie, montrant ses intérêts scientifiques très étendus, a été très semblable à celui de Daline. Elle a été rédigée juste après la mort de ce dernier et était destinée à être publiée dans l'*Annuaire d'études françaises*. Mais les patrons de cette édition (S. Obolenskaya et d'autres), qui n'hésitent jamais à déclarer leurs sentiments de profonde estime à l'égard de la mémoire de Daline et saisissent toujours l'occasion, même dans ce recueil, de constater son rôle immense dans la rédaction de l'*Annuaire*, ont toutefois refusé de la publier. Ce n'est que grâce aux efforts de Tchoudinov qui, il faut le dire, n'a jamais travaillé avec Daline, qu'elle a enfin vu le jour.

Dans les deux autres parties, Tchoudinov a réuni des articles et des publications de documents présentés par les chercheurs russes et étrangers, y compris les études inédites des historiens soviétiques défunts.

E.H. Lemay suit la destinée des Constituants en analysant les causes de leur mort durant de la Révolution. Elle discute l'activité d'environ 102 députés sur 1315 de l'Assemblée constituante (soit 8 %) qui sont mort assassinés ou suicidés. Elle a dressé trois tableaux qui aident les lecteurs à mieux comprendre les motifs de leur mort, leurs orientations politiques, etc. D'après ses calculs, la majeure partie des victimes (39) étaient des nobles, 53 sur 102 ne jouèrent pas de rôle actif dans les débats politiques.

B. Baczko discute un problème compliqué, celui du rôle de Robespierre dans la Terreur. Ce thème, comme le note l'auteur, est depuis longtemps devenu « classique » pour l'historiographie révolutionnaire. N'ayant pas utilisé de documents nouveaux, l'auteur se limite à discuter quelques aspects importants, ceux de l'attitude de Robespierre à l'égard de la Terreur, ses relations avec le peuple, ainsi que l'influence laissée sur lui-même par sa propre activité politique et étatique. D'abord, il constate que la Terreur n'a pas été réalisée d'après des projets préparés préalablement. Il croit que l'un des discours politiques de Robespierre, prononcé à l'automne 1792, a servi de point de départ pour l'installation du monopole de l'État révolutionnaire. Robespierre avait légitimé et systématisé la politique de la Terreur, notamment en l'an II. En même temps, il affirme, qu'étant un homme d'État purement parlementaire, Robespierre n'était pas au courant des dures réalités de la Terreur. Il voulait simplement voir une Terreur pure, comme était pur le peuple. Mais Baczko évite d'expliquer ce qu'avait en vue Robespierre sous le terme de « peuple » ?

Quelques problèmes de l'histoire de l'an II sont étudiés dans les trois fragments inédits du regretté professeur Y. Zakher (1893-1963), publiés par

A. Gordon. Ils concernent notamment Jacques Roux et sont d'un grand intérêt surtout pour les historiens russes, d'autant plus si l'on prend en considération les travaux déjà publiés du regretté W. Markov.

L'historien anglais A. Forrest évoque un problème intéressant, celui du rôle des soldats français dans la diffusion de la Révolution en Europe. Il considère les soldats comme les « premiers missionnaires de la France révolutionnaire ». Quant à l'armée, il considère, non sans raison, que celle-ci était, même sous le Directoire, très politisée. Cependant en dépit de ces circonstances, la politique de la France révolutionnaire dans les pays conquis a fait naître des résistances, car le trait essentiel de l'occupation française était devenu la spoliation. Donc, l'une des conséquences de ces conquêtes a été, d'après Forrest, l'apparition du nationalisme en Europe, devenu au XIXe siècle l'une des traces les plus marquantes laissées par la Révolution française (p. 177).

L'adoption de la Déclaration des droits en l'an III et les discussions auxquelles elle a donné lieu sont analysées par Y. Bosc.

H. Lébédéva publie un autographe inédit d'Augustin Robespierre daté du 31 octobre 1793, quand il se trouvait à Nice. Ce document, tiré des archives russes, touche les problèmes quotidiens de l'armée française. Par ailleurs, Y. Danilova présente deux pages sorties de la plume de l'éminent historien russe N. Karéïev (1850-1931) sur Saint-Just.

L'histoire de ligne descendante de la Révolution demeure toujours le *talon d'Achille* de l'historiographie révolutionnaire russe. Dans ce contexte, il nous faut citer l'intérêt croissant à l'égard de l'époque thermidorienne. Le thème choisi par D. Bovykine (*Le pouvoir exécutif dans la Constitution de l'an III de la République*) est neuf pour l'historiographie soviétique/russe. La première partie de l'article, dans laquelle il discute les différentes propositions touchant les questions constitutionnelles posées lors de la préparation de la Constitution, est plus intéressante, car elle se base sur les documents des Archives nationales. En se référant également aux sources publiées (les articles de presse, etc.), l'auteur analyse aussi le problème de la séparation des pouvoirs réalisée dans la Constitution de l'an III et le rôle dévolu au futur pouvoir exécutif. Le Directoire n'est donc devenu, à son avis, que l'exécuteur de la volonté du Corps législatif qui a résolu son sort. Ces conclusions essentielles se joignent à celles de M. Troper, spécialiste en droit français.

L'historien de Babeuf G. Tchertkova, publie une lettre inédite d'un auteur inconnu qui est datée du 13 vendémiaire an III et adressée au *Tribun du peuple*. Celle-ci, tirée des archives personnelles de Babeuf, nous aide à mieux

comprendre l'ambiance compliquée régnant au sein de la Convention après le 9 Thermidor.

Nous saluons la publication de l'article du regretté professeur K. Dobrolioubski (1885-1953), auteur de nombreux travaux de valeur sur l'époque thermidorienne, préparé à la publication par B. Kaganovitch, sur le *Théâtre à l'époque thermidorienne*. C'est une étude minutieuse sur les spectacles de cette époque. L'auteur constate qu'après le 9 Thermidor le répertoire théâtral répondait aux exigences urgentes de la vie : la persécution des Jacobins, la défense de la République contre la menace de la coalition monarchique et d'autres sujets se trouvant au centre de l'attention des nouveaux maîtres de la France et donc reflétés dans le répertoire théâtral.

Dans un article théorique *La Grande Révolution française comme phénomène de la culture russe* A. Gordon analyse l'image de la Révolution dans l'esprit public russe au XIXe siècle, l'intérêt qu'elle avait suscité à l'époque soviétique, et constate que la Révolution française est devenue une référence dans la culture russe. D'après lui, l'image de la Révolution « vit conformément aux lois de la vie russe, meurt et ressuscite conformément aux exigences de la conscience publique du pays, s'intègre aux processus profonds du développement national » (p. 245).

Quelques articles portent sur des sujets historiographiques. Celui d'Anatoli Ado (1927-1995), *La Révolution française dans l'historiographie soviétique*, est rédigé en 1990. Bien que ce sujet soit étudié en maintes occasions par des chercheurs divers (V. Daline, V. Dounaïevski et d'autres), son approche est toutefois originale. Ce n'est pas un aperçu historiographique de la littérature soviétique, mais une étude analytique dans laquelle il a noté en premier lieu les particularités de l'historiographie soviétique de la Révolution : la dominance sur la science historique de la lutte idéologique et politique, l'étude de la Révolution quasi-exclusivement d'*en bas*, la concentration de l'attention principalement sur l'époque de la dictature Jacobine, etc. En outre, les conditions historiques ont contraint les historiens soviétiques à élaborer une conception unique de la Révolution, qui a dominé jusqu'aux années 1980. Toutes ces circonstances ont empêché, à son avis, de présenter l'image de la Révolution dans toute sa diversité. A. Ado a remarqué aussi les nouvelles tendances apparues en ex-URSS à la fin des années 1980 (l'étude de la position de la noblesse et de la bourgeoisie, celle de l'activité des forces politiques de droite, etc.). Citons obligatoirement les mérites du regretté savant dans l'organisation de l'étude de l'époque révolutionnaire dans toute sa diversité.

L'article historiographique de Tchoudinov est consacré à un autre sujet. Il a suivi le destin des archives de G. Romme et a analysé en profondeur toute la littérature historique existant sur l'activité de celui-ci et de son élève P. Stroganov. En somme, il a conclu que l'histoire des relations du « prince russe » et du « régicide français » attend encore son chercheur. Afin d'atteindre ce but, il est nécessaire, comme il l'affirme, d'utiliser les documents des archives russes.

D. Rostislavlev discute la conception de la dictature Jacobine avancée par Karéiev. Parmi les nombreuses observations de l'auteur, citons celle d'après laquelle Karéiev, en formulant sa conception, a examiné les différentes notions du processus historique. Il a notamment pris en considération la rupture historique, ainsi que les « relations entre les institutions de l'Ancien Régime et de la Révolution » (p. 168).

A. Tyrsenko présente l'une des éditions françaises récentes, celle du *Dictionnaire des Constituants, 1789-1791* (Paris, 1991) publié sous la direction d'E.H. Lemay et constate qu'il est un utile instrument de travail.

La publication de ce recueil prouve une profonde estime à l'égard de la mémoire de Victor Daline. En même temps, il est un exemple de fructueuse coopération internationale.

AHRF. 2000. № 319. Janvier-mars. P. 167-170.

Французский ежегодник – 2000. 200 лет Французской революции 1789-1799 гг.: Итоги юбилея. Ответственный редактор А.В. Чудинов. М. УРСС. 2000. 263 с.

Annuaire d'études françaises – 2000. Le Bicentenaire de la Révolution française de 1789-1799. Textes réunis par A. Tchoudinov. Moscou. URSS. 2000. 263 p.

L'Institut d'histoire générale de l'Académie des sciences de Russie a renouvelé la publication de l'*Annuaire d'études françaises* fondé en 1958 grâce aux efforts de V. Volguine, A. Manfred et V. Daline. En dépit de son immense contribution aux études approfondies de l'histoire de la France, en général, et à celle de l'époque révolutionnaire, en particulier, ainsi qu'au développement de la coopération scientifique entre les historiens soviétiques et français aux années 1950-1980, sa publication a été interrompue en 1990 à cause de difficultés pécuniaires.

Or, nos collègues russes ont heureusement réussi à renouveler sa publication après un intervalle de dix ans. Ce livre, dont la réalisation est également due, outre la contribution des historiens russes, à celle des chercheurs étrangers, est composé de trois parties : *Problèmes et interprétations, Hommes de la Révolution, Bibliographie*.

Les éditeurs ont réuni dans sa première partie des études consacrées aux problèmes historiographiques et à ceux de l'histoire politique, ayant suscité à différentes époques bien des discussions dans l'historiographie révolutionnaire. Les auteurs se réfèrent aux événements bien connus du passé, aux nouvelles données de l'historiographie contemporaine (surtout russe et française) et cette circonstance leur a permis de réviser les différentes vues de leurs prédécesseurs en avançant de nouvelles interprétations qui sont incompatibles avec celles des historiens soviétiques des années 1960-1980.

A. Tchoudinov révèle dans l'article *Le Bicentenaire de la Révolution et l'historiographie russe* des tendances récentes ayant bouleversé le champ des recherches au cours des quinze dernières années. Parmi les circonstances primordiales ayant favorisé la naissance de nouvelles approches, il cite en premier lieu la disparition de l'idéologie officielle dominante et le changement de générations d'historiens. À son avis, la révision de l'attitude des historiens russes à l'égard des « révisionnistes » a transposé la discussion avec eux sur un plan purement scientifique.

En se référant à l'exemple du grand historien Albert Manfred et de son opposant V. Révounenkov (à propos du Jacobinisme), dont les mérites ne sont certainement pas comparables, Tchoudinov discute la légitimité de l'emploi des définitions-clés lancées par les historiens soviétiques sur l'époque révolutionnaire. Il s'agit surtout de termes fondamentaux, comme « ordre féodal et absolutiste », « révolution bourgeoise », etc. Il trouve que les nouvelles recherches ne permettent plus de traiter l'économie française du XVIIIe siècle de féodale. Quant à la notion « absolutiste », elle ne caractérise pas exactement, selon lui, l'ordre politique existant en France aux XVIIe-XVIIIe siècles. À l'inverse de ses prédécesseurs, il ne pense pas que la bourgeoisie capitaliste ait été une classe dirigeante de la Révolution, car son importance, soit dans l'activité industrielle, soit dans le commerce d'outre-mer à la veille de la Révolution, n'était point prépondérante. C'est donc grâce aux acquis de l'historiographie révolutionnaire contemporaine que la conception avancée par les historiens soviétiques, selon laquelle la Révolution serait un événement d'un caractère antiféodal et dont le moteur serait la bourgeoisie, a perdu sa valeur.

L'article de S. Blumenau, quant à lui, se rapporte à l'état actuel de l'historiographie française révolutionnaire. Il discute les nouvelles tendances apparues dans les années 1970-1990 dans l'historiographie révolutionnaire, grâce au Bicentenaire de la Révolution. En notant qu'à la différence de l'époque précédente (1945-1965), l'intérêt des historiens a été concentré sur les problèmes d'histoire politique et culturelle, il motive ce changement par l'interprétation de la Révolution par les « révisionnistes » comme « une lutte pour la liberté et la démocratie » (p. 27). Il distingue trois courants essentiels : néo-libéral, néo-conservateur et « jacobin ». Dans le premier, qui est représenté par F. Furet et ses adeptes, l'auteur analyse minutieusement les changements de vues, soulignant un point important : la reconnaissance par Furet de l'existence d'éléments de féodalisme dans l'économie française à la veille de la Révolution. Les historiens du deuxième courant, malgré leur position négative à l'égard de la Révolution, ont le mérite incontestable d'avoir attiré l'attention des chercheurs sur bien des données quantitatives. Quant aux historiens adhérents à l'interprétation « classique », ils discutent toujours la Révolution d'*en bas* et de *gauche*.

Blumenau concentre son attention sur le développement de la pensée historique de la fin des années 1980-1990, lorsque l'étude de l'histoire de la mentalité a occupé une place majeure dans les recherches. « Les thèmes, les sources, les méthodes ont contribué à une mini-révolution d'un caractère méthodique » (p. 36), note-t-il, car les historiens ont commencé à interpréter les événements révolutionnaires selon les notions de leurs acteurs. En somme, l'étude des notions politiques de ces derniers est devenue l'un des courants principaux de l'historiographie révolutionnaire, qui permet de considérer les événements avec les yeux de leurs contemporains.

Le thème de *La monarchie française de l'Ancien Régime dans l'historiographie actuelle* fait l'objet d'une étude détaillée de la part de L. Piménova. Elle présente le vaste tableau de la recherche historique en France, en Angleterre et aux États-Unis durant les deux dernières décennies. Dans les années 1980, c'est l'étude de la culture politique de la fin de l'Ancien Régime qui occupe une place majeure. Par contre, pendant les années 1990, l'attention des historiens a été concentrée sur l'étude de l'histoire politique. Ces derniers, constate-t-elle, accentuent l'impossibilité de la représentation de la vie politique du XVIIIe siècle et des origines de la Révolution sans l'étude approfondie des événements principaux, ainsi que de l'activité des personnalités éminentes. Elle note que grâce à leurs études, il est devenu évident que l'aristocratie militaire de la deuxième moitié du XVIIIe siècle était une force influente et indépendante.

Piménova distingue nettement trois courants dans l'historiographie, qu'elle qualifie « d'école de la continuité », « d'école de la biographie » et « d'école de la culture politique ». Comme c'est essentiellement l'histoire des conflits politiques du XVIIIe siècle qui se trouve au centre des recherches, elle discute la position de ces courants à propos du sujet en question. Si le premier courant les interprète comme une lutte entre les différentes institutions du pouvoir, ainsi qu'entre les groupes et les corporations publiques, le second présente la même question comme une lutte entre les hommes d'État. L'approche des historiens de « l'école de la culture politique » est également différente : à leur avis, ces conflits ont été motivés par des idéaux politiques et des orientations culturelles différentes.

L'approche de l'historien français P. Gueniffey à l'égard du thème choisi (*La Révolution française et la Terreur*) est originale. Il met la naissance du phénomène de la Terreur en relation avec les actions volontaristes et l'apparition du spectre du « complot aristocratique ». Comme la Révolution elle-même était, à son avis et dès le début une entreprise volontariste, la Terreur serait donc inséparable de l'histoire de la Révolution à partir de 1789.

D. Bovykine soulève quelques questions intéressantes dans son article *Thermidor : problèmes anciens et discussions récentes : qu'était l'époque thermidorienne ?* Est-il possible de traiter ce coup d'État d'événement contre-révolutionnaire ou de limite ayant marqué le début de la ligne descendante de la Révolution (selon la terminologie marxiste) ? Il discute les points de vue des historiens soviétiques à ce sujet, énonçant en même temps ses propres vues sur différents problèmes, pour la plupart en relation avec la Constitution de l'an III. D'après lui, l'époque thermidorienne n'est point une rupture avec 1793. La caractéristique de cette époque de « ligne descendante » de la Révolution n'est pas acceptable pour lui non plus. Il s'agirait donc plutôt d'une période de transition de la forme révolutionnaire à la forme constitutionnelle du gouvernement (p. 102).

Le thème de Thermidor est traité aussi par B. Baczko dans son article *Un retour culturel de l'an III*. Le but essentiel que l'auteur poursuit est de montrer, sur l'exemple de la campagne contre le vandalisme, ainsi que sur celui de la destinée du calendrier révolutionnaire et de la réforme dans le domaine de l'instruction, les changements survenus dans la vie culturelle de l'époque. À la différence des gouvernements révolutionnaires précédents, ayant tenté de freiner la destruction des monuments historiques, les Thermidoriens ont été plus résolus à mettre fin au vandalisme, d'autant plus que cette notion était

alors étroitement liée à celle de la Terreur. Toutefois, Baczko note, que la campagne contre le vandalisme était encore restreinte. Le calendrier incarnant la naissance de la République, était conservé en dépit de la campagne à laquelle sa suppression avait prêté. Par contre, la loi sur l'instruction du 29 frimaire de l'an II, qui mettait celle-ci à la merci de l'idéologie, avait été supprimée.

B. Kaganovitch, en analysant l'ouvrage inédit de K. Derjavyne *La langue de la Révolution française*, écrit aux années 1930 et tiré des archives personnelles de l'auteur, constate que c'est la Révolution française qui a créé la langue moderne de la politique en France.

La deuxième partie du livre est consacrée à l'activité des hommes de la Révolution et à l'évolution de leurs opinions. En discutant l'activité de Jean-Baptiste Carrier à la veille et après le coup d'État du 9 Thermidor, V. Lovtchev en vient à une conclusion intéressante : sa sentence condamnait à la fois tout le système politique des Jacobins, privés d'appui social. Il trouve que son procès est devenu en même temps celui de la politique sociale et économique des Jacobins.

A. Tyrsenko discute des vues politiques d'E.J. Sieyès en l'an III. À son avis, celui-ci a été l'un des premiers à argumenter la nécessité de la démocratisation du système représentatif dans le but de sa consolidation.

A. Egorov publie un rapport de Razoumovski, l'Ambassadeur russe à Vienne (tiré des Archives de la politique extérieure de l'Empire russe), adressé à Paul Ier, à propos d'un incident qu'il traite « d'étrange dans l'histoire diplomatique », ayant eu lieu à la suite de la nomination du général Bernadotte au poste de l'Ambassadeur du Directoire en Autriche.

L'article de D. Rostislavlev *Louis XVIII et le programme politique de l'émigration française à l'époque de la Révolution de la fin du XVIIIe siècle* est richement documenté. Il est basé sur de nombreux documents inédits tirés des Archives de la politique extérieure de l'Empire russe. Notons que ce thème est demeuré depuis longtemps le *talon d'Achille* de l'historiographie soviétique. En se référant aux documents inédits, l'auteur constate que le programme politique des émigrés a été clairement reflété dans un mémoire établi au début de 1792, d'après lequel le but de ces derniers devenait évident, à savoir la restauration de l'Ancien Régime. Le second document important qu'il discute minutieusement, a été rédigé en 1794. C'est en quelque sorte un projet de la Constitution destiné à la France après la restauration du pouvoir royal. Ce document montre l'évolution des vues des dirigeants de l'émigration, énonçant déjà un désir de compromis politique, certes limité.

L'auteur a sans doute raison de constater l'intention des émigrés de réaliser

leur but par la voie de l'intervention des forces armées des pays européens. Cependant, il nous semble qu'il exagère l'influence que les agents de Louis XVIII auraient pu avoir sur la décision de Paul Ier de participer à la deuxième coalition. La considération de Rostislavlev sur le changement de l'attitude de Louis XVIII en 1800 est plus convaincante. C'est donc la menace de l'isolation politique qui l'incite à s'orienter, au début de 1800, vers les compromis. À cette époque, le prétendant (que l'auteur qualifie toujours de roi ?) promet déjà de conserver après la restauration les nouvelles institutions administratives et juridiques formées en France pendant la Révolution.

A. Gladyshev trace le portrait de Saint-Simon en 1802, en constatant qu'au temps du Consulat il était toujours républicain.

On a inséré dans la troisième partie de ce livre une bibliographie composée par Y. Dounaéva présentant l'abondante littérature, consacrée à l'histoire de la France, sortie de la plume des historiens soviétiques et russes pendant les années 1986-1999.

Il nous reste de nous féliciter de la réapparition de cette édition de valeur, qui est si nécessaire surtout pour les études révolutionnaires.

Inédit, rédigé en 2001.

Французский ежегодник – 2002. Историки Франции. К 100-летию В.М. Далина (1902-1985). Главный редактор А.В. Чудинов. М., УРСС. 2002. 274 с.

Annuaire d'études françaises – 2002. Les historiens de la France. Le centenaire de Victor Daline (1902-1985). Textes réunis par A. Tchoudinov. Moscou. URSS. 2002. 274 p.

L'Annuaire d'études françaises – 2002, que nous allons discuter, est dédié à la mémoire de Victor Daline (1902-1985) à l'occasion du centenaire de sa naissance. Cet éminent historien, qui a laissé une trace ineffaçable dans les études d'histoire moderne de la France et surtout dans celles de la Révolution française, s'intéressait aussi aux problèmes historiographiques. C'est peut-être pour cette raison que le livre en question est consacré à la carrière scientifique des historiens soviétiques et français ayant beaucoup œuvré dans le domaine de différents problèmes d'histoire moderne de la France.

La première partie comprend des articles sur Daline sortis de la plume de ses collègues et de ses élèves qui portent indiscutablement la profonde

empreinte des souvenirs. L'auteur de ses lignes brosse non seulement le portrait d'un homme bienveillant, sincère et très honnête, mais aussi d'un chercheur persévérant et d'un maître exigeant, dont le dévouement à la science historique est un exemple pour les représentants de la jeune génération d'historiens. Il analyse ses relations avec les savants français, notamment Albert Mathiez, que Daline connaissait personnellement et qu'il considérait comme l'un de ses maîtres, de même que N. Loukine et V. Volguine. Quant aux relations de Daline avec les historiens soviétiques, l'auteur concentre son attention sur l'amitié qui s'était établie entre lui et Albert Manfred dans les années 1920 et qui a duré près d'un demi-siècle. En se référant à l'exemple de leur amitié, V. Poghosyan révèle le dévouement exemplaire de Daline à la mémoire de son ami. Victime de la terreur stalinienne, Daline a passé presque dix-sept ans de sa vie en exil en Sibérie. L'auteur discute les circonstances de son arrêt illégal. Il s'agit d'ailleurs d'une accusation qui n'avait pas le moindre fondement, car Daline a été soupçonné d'avoir des relations avec les *trotskistes*.

Les souvenirs de A. Gordon sont assez émouvants. Il évoque ses rencontres avec Daline depuis 1958. On trouve au fil de son récit, à part le nom de Daline, ceux de nombreux historiens soviétiques des années 1950-1980 (A. Manfred, Y. Zakher et d'autres). Gordon cite l'originale mentalité de Daline et son approche critique à l'égard de la littérature historique et des sources. Or, Daline était l'un des membres du jury lors de la soutenance de sa thèse du 3e cycle et Gordon en est fier. Toutefois, il ne dissimule point les différends existant entre Daline et lui-même à propos de quelques problèmes scientifiques.

On a publié aussi les souvenirs de E. Starostine et ceux de R. Legrand. L'historien français se rappelle ses relations amicales avec Daline. Il cite la bienveillance de ce dernier envers lui, ainsi que l'attention portée par Daline à l'égard de ses recherches sur l'histoire du babouvisme.

La première partie du livre contient également l'article détaillé et intéressant de S. Obolenskaya sur l'*Annuaire d'études françaises* depuis sa fondation en 1958 jusqu'à l'interruption de cette édition en 1990 (il n'a reparu qu'en 2000). De la manière la plus émouvante, elle parle de l'immense contribution de Daline à la rédaction de l'*Annuaire*, dont il était le rédacteur en chef adjoint pendant plus d'un quart de siècle. Elle montre avec beaucoup de sensibilité le rôle énorme de l'*Annuaire* dans le développement des recherches historiques en ex-URSS. Il s'agit vraiment d'une édition d'une grande valeur qui a réuni non seulement les œuvres des historiens soviétiques, mais aussi celles des historiens étrangers et a stimulé les études scientifiques.

Quant aux articles insérés dans la première partie, il faut mentionner que M. Daline ne traite qu'un aspect particulier touchant l'activité révolutionnaire de son père dans les années 1910-1920.

La deuxième partie réunit des études sur les historiens français et soviétiques de différentes orientations. V. Smirnov a tracé le portrait de F. Braudel. En se référant aux souvenirs de Braudel, il a suivi les étapes essentielles de sa vie jusqu'à sa libération de la captivité allemande. Smirnov analyse son œuvre majeure en évitant de la caractériser politiquement, à la différence de ses prédécesseurs soviétiques (Y. Afanasiev, M. Sokolova et d'autres), qui traitaient Braudel d'historien bourgeois. À son avis, c'est dans sa thèse sur la Méditerranée que Braudel a entrepris sa première tentative réussie d'interprétation de l'histoire « globale » d'une grande région pendant une « longue durée » (p. 88). Il croit que le livre de Braudel sur la *Civilisation matérielle* est un « grand événement dans la science mondiale », ayant énormément contribué aux études de la « culture matérielle, de l'économie et des relations sociales de la société médiévale » (p. 95). V. Smirnov décrit en détail les relations amicales de Braudel avec les historiens soviétiques (A. Manfred, V. Daline, B. Porchnev et d'autres), il parle avec douleur de la triste vérité, à savoir qu'aucune des revues soviétiques n'ait publié de nécrologie après son décès.

G. Kaninskaya a entrepris la première tentative dans l'historiographie soviétique/russe de l'étude de l'activité scientifique de J.-B. Duroselle. À part l'interprétation de la contribution de celui-ci aux études des relations internationales, elle souligne son rôle majeur dans l'organisation des recherches historiques et de l'enseignement supérieur. Elle discute en détail les caractères de son approche innovante de l'histoire des relations internationales (l'importance de l'étude complexe des relations internationales et surtout celle de l'influence des facteurs économiques, ceux de la mentalité sur la politique extérieure de l'État). Elle présente ses différends avec les représentants de l'école des *Annales*. En somme, elle tient Duroselle pour une « autorité incontestable » dans la science historique mondiale.

Quelques articles sont consacrés aux historiens de la Révolution française, comme A. Soboul et F. Furet. Les historiens de la Révolution ont écrit en maintes occasions sur Soboul. Cependant, l'approche de C. Mazauric est originale dont l'article est intitulé *Albert Soboul – historien et citoyen français*. Il croit qu'il est impossible d'isoler la personnalité de Soboul de son œuvre. Néanmoins, Mazauric élucide les phases essentielles de sa vie et les traits de son caractère. Élève de Soboul, il nous présente l'image de son maître telle qu'il la connaissait,

avec toutes ses faiblesses humaines et tous ses mérites. Homme de conviction, qui n'a jamais quitté, à la différence de biens d'autres, le Parti Communiste français, savant distingué, de la plume duquel sont sortis plus de 300 travaux scientifiques, admirable professeur (32 chercheurs ont soutenu leurs thèses sous sa direction), voilà le portrait de cet homme extraordinaire et de ce grand historien tracé par Mazauric qui parle beaucoup des relations de Soboul avec les historiens étrangers, soviétiques entre autres (A. Manfred, V. Daline, A. Ado et leurs élèves). Je me permets de constater, pour ma part, que ce remarquable savant, doté d'un charme personnel exceptionnel, a laissé le meilleur souvenir chez les historiens soviétiques qui ont eu la chance de le connaître.

D'après Mazauric, Soboul « appréciait hautement » le talent de F. Furet (p. 129), dont l'œuvre est commentée par Mona Ozouf. Sans entrer dans les détails, elle analyse quelques-unes des idées-clefs de Furet (celles de la Terreur, du rôle des individus dans la Révolution) et constate avec raison que le temps est venu de jeter un nouveau coup d'œil sur son œuvre, parce que les circonstances actuelles nous permettent de remarquer dans son approche une recherche de la nouveauté. Il faut que nous révisions notre attitude à l'égard de la contribution de Furet, surtout si l'on prend en considération que la plupart des chercheurs (surtout soviétiques) ne considéraient, dans un passé pas très lointain et pendant bien longtemps (l'auteur le note avec raison), l'approche de celui-ci comme une lutte contre l'illusion communiste (p. 157).

Les éditeurs de ce livre y ont publié les articles biographiques de A. Ado et de G. Koutchérenko, écrits respectivement par D. Bovykine et A. Gladychév. Ces deux historiens ont eu de grands mérites, surtout dans le domaine de l'organisation de l'étude complexe de l'époque révolutionnaire en ex-URSS. À travers leurs biographies, il est d'ailleurs possible de suivre les différents bouleversements subis par la science historique soviétique, ainsi que les dures conditions dans lesquelles se trouvaient les historiens de ce pays sous le régime communiste.

Ces mêmes sujets sont traités dans l'article de S. Letchford sur la discussion engagée entre les historiens soviétiques, dans les années 1960-1970, sur la nature de la dictature Jacobine, ainsi que celui du regretté Y. Bessmertni (1923-2000) sur *Les voies du médiéviste en URSS*. La polémique sur le pouvoir jacobin a suscité bien des débats. V. Révounenkov, professeur à l'Université de Léninegrad, a développé aux années 1960 sa conception incompatible avec celle de ses prédécesseurs (N. Loukine, A. Manfred, V. Daline) sur la dictature Jacobine. D'après la conception de ces derniers, soutenue *grosso modo* par

la majeure partie des historiens soviétiques, les Jacobins représentaient les intérêts de la moyenne et petite bourgeoisie française et partiellement du peuple français. Or, contrairement aux autres, Révounenkov considérait les Jacobins comme les représentants de la grande bourgeoisie. Les deux côtés engagés dans cette polémique se référaient dans leurs conclusions aux jugements des fondateurs de la théorie marxiste-léniniste. C'est principalement pour cette raison que l'auteur traite à juste titre leurs querelles « d'infructueuses » (p. 214), car il ne s'agissait en fait que de l'interprétation par les participants de cette discussion des jugements controversés de Marx et de Lénine. C'est pourquoi cette polémique portait, à son avis, un sceau plutôt politique que scientifique.

Quant à Bessmertni, il a décrit le chemin épineux parcouru par les médiévistes soviétiques à partir des années 1920 jusqu'à la restructuration entreprise par Gorbatchev. Ils ont dû surmonter bien des barrières idéologiques et politiques, tout en ayant le courage de continuer leurs recherches.

La dernière partie du livre comprend, à part l'article déjà mentionné de Bessmertni, les souvenirs du regretté G. Duby *Les plaisirs de l'historien*, écrits dans un style d'*ego-histoire*.

On a publié aussi la nécrologie de Galina Tchertkova (1938-2001), historienne de Babeuf, que nous avons eu la douleur de perdre en 2001.

Inédit, rédigé en 2003.

Д.Ю. Бовыкин. Революция окончена? Итоги термидора. Издательство Московского университета. М. 2005. 319 с.

Dmitri Bovykine. La Révolution est-elle faite ? Le bilan de Thermidor. Presses de l'Université de Moscou. Moscou. 2005. 319 p.

À la suite de l'éclatement de l'Union Soviétique, l'interprétation marxiste de l'histoire a cédé ses positions dominantes en Russie. Cette évolution essentielle a ouvert un libre chemin pour la rénovation de la recherche historique, qui a notamment conduit à un élargissement des thèmes de recherche ; dans l'étude de l'histoire de la Révolution française, cependant, c'est à de rares exceptions près la période 1789 à 1794 qui a été étudiée. Mais les historiens russes contemporains entreprennent heureusement des efforts pour l'étude de thèmes omis par leurs prédécesseurs. Le livre de Dmitri Bovykine, maître de conférences à l'Université Lomonossov, montre à bien des égards l'influence

des mutations ayant bouleversé la science historique russe.

Bien que certains aspects de l'histoire de Thermidor, à la différence de celle du Directoire, aient été plus au moins étudiés par les historiens soviétiques, l'ampleur de leurs recherches est demeurée limitée, en particulier à l'histoire des mouvements populaires. À leur différence, Bovykine a choisi un thème n'ayant pas attiré à ce jour l'attention des historiens de son pays : celui de la Constitution de l'an III, qui lui permet d'aborder bien des problèmes importants.

Bovykine est le premier historien russe à étudier l'histoire de Thermidor à partir de nombreux documents inédits, tirés des Archives nationales, des Archives de la politique extérieure de l'Empire russe, ainsi que de la presse française, etc. Se référant à une abondante documentation, il nous présente sa vision de l'époque thermidorienne, qu'il convient de préciser dès le début de ce compte rendu. En considérant à juste titre l'époque thermidorienne comme une partie essentielle de la Révolution, il croit que sans elle son histoire ne pourrait être complète. Pour Bovykine, elle est tout d'abord une étape durant laquelle la forme révolutionnaire du gouvernement se transforme en constitutionnelle, ce qui a contribué à la formation des bases politiques du nouveau système de la France (p. 5). C'est également pour cette raison qu'il concentre son attention, au fil de son analyse, sur des problèmes qui sont étroitement liés à ces circonstances.

Comme l'interprétation de l'expression « réaction thermidorienne » a fait couler beaucoup d'encre, Bovykine revient sur la transformation de son sens à travers le prisme de jugements parfois contradictoires, voire controversés, des contemporains et des historiens. Il en conclut que ce n'est qu'au début du XXe siècle que ce terme perd son sens originel, celui d'une réponse à la « dictature » des Montagnards. À l'opposé des historiens qui ont attribué à l'expression un autre sens, plus proche de celui de la contre-révolution (p. 31), Bovykine discute le mot « réaction », et conclut qu'il est beaucoup plus pertinent d'utiliser le terme de « réaction thermidorienne » dans son sens premier. Il soutient ainsi que la politique de la Convention thermidorienne était une réaction à la Terreur des Jacobins (p. 44).

Comment terminer la Révolution ? Telle est la question qui est au centre du propos de l'auteur. Dans son analyse, Bovykine a raison d'accorder une grande importance à la rédaction de la nouvelle Constitution, dont l'application aurait pu contribuer au passage d'une gestion révolutionnaire à un système constitutionnel qui, d'après l'auteur, aurait signalé la fin de la Révolution (p. 66). Pour lui, ce sont surtout les événements de Prairial qui ont définitivement conduit à la réforme de la Constitution de 1793, qui a permis d'établir le principe

du bicamérisme (p. 76). Dans son livre, il analyse l'activité de la Commission des Onze et la discussion des projets de la nouvelle Constitution. Il présente les propositions qui ont suscité le débat au sein de la Convention, et étudie, dans la mesure du possible, les opinions des contemporains à travers leurs lettres envoyées à la Commission. Quelques remarques qui touchent au mode de travail de la Commission, organisation, réponses à une partie des projets lancés par les citoyens (p. 104-105), ne manquent pas d'intérêt.

Parmi les problèmes-clés discutés par Bovykine, on trouve celui des droits de l'homme et du citoyen en l'an III. Notons que ses conclusions se basent non seulement sur une profonde analyse des sources, mais également sur la comparaison des articles de la nouvelle Déclaration avec ceux des précédentes. Il précise ainsi les divergences essentielles entre ces textes, à commencer par la disparition des droits naturels de l'homme de la Déclaration de l'an III ; les droits naturels ont cédé la place à ceux de l'homme dans la société en général. Dans ces conditions, le droit de résistance à l'oppression a disparu. Bovykine étudie aussi les quatre notions principales sur lesquelles se fondait la Déclaration : liberté, égalité, sûreté et propriété. Comme il le montre, les Thermidoriens ont limité le champ de leur application. Quant à la notion de liberté, elle a été transformée de droit naturel en droit social, désormais seulement capable de régler les relations entre les hommes. D'après lui, cette circonstance excluait à son tour la possibilité de la démocratie illimitée (p. 121, 123). Il en était presque de même à propos de la notion d'égalité, car les Thermidoriens ont écarté la possibilité de l'égalité absolue, en conservant seulement l'égalité devant la loi (p. 128). Comme la notion de sûreté n'a pas fait l'objet de vifs débats, l'auteur n'analyse en détail que celle de propriété. Il discute cette question parallèlement au remplacement du suffrage universel par le suffrage censitaire, en mettant en évidence que les Thermidoriens y ont eu recours pour garantir aux diverses couches de la société la possession des propriétés acquises. En somme, Bovykine démontre que la Déclaration proclame les droits de l'homme, avec une différence, qui est que ces droits n'ont de garanties que dans la société (p. 148). Il ne s'agirait alors que des droits du citoyen.

Bovykine discute également le problème de l'organisation des pouvoirs législatif et exécutif. Il suit les débats au sujet de la formation des nouveaux pouvoirs, et constate qu'il n'existe pas vraiment de désaccord sur la nécessaire séparation des pouvoirs. Étudiant les circonstances ayant influencé les décisions de la Convention à ce sujet, il évoque non seulement le désir d'exclure la possibilité de l'usurpation du pouvoir par une seule personne, mais aussi la

crainte des Thermidoriens envers les masses populaires (p. 194-195). Parmi les idées présentes dans les projets de la Constitution, puis incluses dans le texte, il ne néglige pas l'absence du droit d'insurrection. Mettant en évidence les larges possibilités données aux citoyens de prendre part à la discussion, il a raison de conclure au processus démocratique de l'élaboration de la Constitution. On peut d'ailleurs ajouter qu'il montre également très bien la place des Lumières dans les débats, et notamment celle des écrits de Montesquieu et de Rousseau, tout en mettant en évidence, par des exemples précis, les limites de leur influence. Les développements de Bovykine ont également le mérite d'insister sur la place des exemples étrangers dans le débat ; comme il l'explique, les Thermidoriens, soucieux d'éviter les fautes commises par les révolutionnaires anglais et américains, n'étaient cependant pas désireux d'imiter leur exemple, ils ont résolument écarté la possibilité d'installation en France d'un gouvernement présidentiel (p. 215, 218).

Quant aux querelles qui ont divisé les historiens au sujet des origines des décrets du 5 et du 13 fructidor (le désir de conserver le pouvoir ou celui d'écarter la menace de la possible restauration de la monarchie), Bovykine s'abstient d'émettre sa propre opinion (p. 235) ; il se penche cependant avec quelques détails sur ceux qui ont motivé leur soutien par la crainte de la menace des royalistes (p. 241). L'interprétation de ces décrets, qui ont fait naître l'insurrection du 13 vendémiaire, a suscité de vifs débats : chez nombre d'historiens, l'émeute n'a-t-elle pas été qualifiée de royaliste ? Bien loin d'adhérer à cette opinion, Bovykine préfère attribuer son origine aux sections de Paris, qui s'en montraient mécontentes. En ce domaine, il laisse la voie libre à la confrontation des idées.

Pour en revenir au titre de ce livre intéressant : la Révolution française est-elle faite ? Bovykine est convaincu que les Thermidoriens le croyaient, car ils pensaient instaurer un pouvoir stable, au sein duquel ils s'assuraient la gestion de l'État pour une période assez longue. Dans les faits, c'est le contraire qui se produisit, car les nouveaux maîtres de la République n'ont retenu les rênes du pouvoir que pendant quatre ans sous le Directoire.

Bien que Bovykine n'essaie jamais d'imposer aux lecteurs ses propres points de vue, il les en convainc. Dans ce cas, l'influence de la nouvelle mentalité, l'une des particularités propres aux historiens russes contemporains, est évidente. Qu'il nous soit cependant permis de mentionner, pour conclure, que l'auteur a dédié son livre à la mémoire d'Anatoli Ado, son maître et que, nous ne savons pas pourquoi, dans le chapitre consacré à l'étude des controverses dont Thermidor a fait l'objet dans l'historiographie révolutionnaire, en discutant

même en détail les approches diverses des historiens – des contemporains des événements aux représentants du courant critique –, Bovykine omet de citer le nom de Jacques Godechot, qui considérait le 9 Thermidor comme une « date capitale dans l'histoire de la Révolution »⁴²³.

AHRF. 2008. N° 352. Avril-juillet. P. 291-294.

А.В. Чудинов. Французская революция. История и мифы. М. Наука. 2007. 309 с.

Alexandre Tchoudinov. La Révolution française. Histoire et mythes. Moscou. Naouka. 2007. 309 p.

La science historique russe continue les traditions de « l'école russe » et de l'historiographie soviétique dans le domaine des études révolutionnaires ; la poursuite s'est cependant faite au prix d'une révision profonde de la méthodologie, qui a permis aux chercheurs contemporains de réviser leurs approches du XVIIIe siècle et des événements de la Révolution française, comme en témoigne ce livre d'Alexandre Tchoudinov. Il s'agit en fait d'un recueil d'articles, où l'auteur discute de nombreux et importants problèmes, en révisant les approches de ses prédécesseurs, surtout soviétiques ; sont ainsi débattues les interprétations traditionnelles de l'historiographie soviétique, celles du courant conservateur de l'historiographie révolutionnaire, de même que le parcours de quelques-uns des hommes politiques de l'époque.

La Révolution française a vraiment suscité de vifs intérêts en Russie au cours des deux siècles passés. Mais quelle y a été son image au XIXe siècle ? Sur ce point, Tchoudinov propose une interprétation solide et volontairement complexe. En notant qu'aucun événement n'a jamais influencé l'esprit public russe autant que la Révolution, il remarque que c'est même un culte qui s'est formé au cours de la première moitié du siècle, culte qui a continué à conserver ses positions dominantes jusqu'à la « Révolution de 1917 » (p. 24). Pour lui, cependant, c'est une lecture originale et d'une certaine manière déformée de la Révolution que l'on donne alors en Russie, et qui s'explique par les réalités de la société russe ; il évoque, d'une part, les auteurs de la première moitié du siècle, qui se référaient aux études des historiens libéraux et socialistes français,

⁴²³ **J. Godechot. La Révolution française. Chronologie commentée, 1787-1799. Paris. 1988. P. 165.**

et, de l'autre, une approche unilatérale, même de la part des historiens éminents de « l'école russe », dont l'auteur apprécie hautement la contribution. Cette approche a été dictée par leur désir de ne voir dans la Révolution qu'un événement au cours duquel la liberté a triomphé dans la lutte engagée contre le despotisme (p. 16) ; c'est pour cela, pense-t-il, qu'on a uniquement interprété les violences de l'an II comme un résultat des hostilités (p. 21). Nous ne suivrons pas Tchoudinov, cependant, lorsqu'il qualifie de « génocide » les événements douloureux de la Vendée (p. 21). Certes, il a peut-être suivi dans ce cas l'opinion de quelques-uns de ses prédécesseurs français et même soviétiques (N. Moltchanov). Mais le génocide a différentes composantes, en dépit des querelles suscitées par sa définition, surtout en Israël et aux États-Unis. Parmi celles-ci, je voudrais citer la politique étatique et l'intentionnalité, sur la base desquelles les gouvernements l'ont perpétré, le choix des victimes sur leur appartenance nationale, etc. Pour une définition plus exacte des événements de la Vendée, je proposerais d'utiliser un autre terme, celui de « democide » lancé par R. Rummel, le grand spécialiste américain du phénomène du génocide.

Et si, comme le note l'auteur, le « mythe russe » de la Révolution a été partiellement dévoilé après 1917 par les émigrants russes, l'historiographie soviétique, au contraire, ayant déjà le soutien de l'idéologie étatique, l'a adopté et n'a réalisé les recherches historiques que dans cette direction. À l'exemple de Nikolaï Loukine (1885-1940), fondateur de l'historiographie soviétique des études révolutionnaires, devenu l'une des victimes de la terreur stalinienne, Tchoudinov discute l'atmosphère générale dans laquelle s'est formée l'historiographie marxiste. Alors que les historiens soviétiques, surtout les élèves de Loukine, le considéraient comme un grand spécialiste de la Révolution, Tchoudinov nous en dresse un portrait plus modeste par une interprétation critique de ses travaux ; il insiste sur la dimension politique du personnage, et le présente comme incarnant avant tout « l'idéal communiste de l'historien » (p. 55).

C'est après cette « préface » sur la naissance de l'historiographie soviétique que Tchoudinov discute en détail quelques-unes des questions majeures de l'époque révolutionnaire, surtout au travers du prisme des acquis de la science historique soviétique ; au sein de celles-ci, retenons essentiellement la définition de l'Ancien Régime et le caractère de l'événement « Révolution française ».

Quel a été le caractère du régime français au XVIIIe siècle ? Les historiens soviétiques l'ont assez longtemps qualifié, par une approche marxiste, de féodal et absolutiste. En se référant aux ouvrages des historiens occidentaux,

les spécialistes soviétiques de l'Ancien Régime ont repris cette analyse et l'ont révisée. Le tournant s'est opéré en 1988, lors d'une table ronde sur la Révolution que cite Tchoudinov, au cours de laquelle il est apparu discutable de définir le régime existant en France à la veille de la Révolution de féodal. Tchoudinov accentue beaucoup plus cette tendance, mais il révisé également la seconde définition et c'est là son mérite.

En analysant les relations des rois français, y compris Louis le Grand, avec les différentes institutions, notamment les cours souveraines – dont les parlements –, il met en évidence, grâce à des travaux essentiellement français, l'existence de nombreuses limites au pouvoir royal. L'auteur constate, à juste titre, que nous ne sommes pas en droit de traiter ce régime d'absolu. Toutefois, il ne se limite point dans ce cas à une simple constatation et il explique de manière convaincante les causes de la naissance, d'après sa terminologie, de ce « mythe ». Il croit que celui-ci remonte à l'époque même de la Révolution dont les théoriciens étaient désireux de passer au peuple la souveraineté et, par conséquent, le pouvoir absolu (p. 97), ce qui a contribué, d'après lui, à la formation du mythe de l'appartenance au monarque d'un pouvoir illimité. En outre, dans la première moitié du XIXe siècle, les vues des historiens libéraux ont beaucoup aidé à la formation d'une image de la monarchie comme modèle d'État absolutiste. Quant à la société russe de la fin du XIXe siècle et du début du XXe, les circonstances étaient, d'après lui, plus compliquées, car on y a attribué à la monarchie française des traits qui étaient plutôt propres à la réalité russe et, par conséquent, à la monarchie du pays.

Dans son livre, Alexandre Tchoudinov discute aussi du caractère « bourgeois » de la Révolution française ; est-ce un mythe ou une « réalité », pour reprendre le titre de l'un de ses chapitres ? Pour l'historiographie soviétique, retenant la théorie de la lutte des classes, il s'agit d'une « Grande Révolution bourgeoise » ayant aboli le féodalisme en France et ayant énormément contribué au libre développement du capitalisme. Dans ce contexte, c'est assurément la bourgeoisie qui aurait pu diriger le mouvement révolutionnaire. En se référant aux travaux récents, Tchoudinov nuance ce point de vue. Il essaie d'abord de préciser la notion de la « bourgeoisie », en reprenant le débat lancé par A. Cobban et repris par les historiens soviétiques. En s'abstenant de donner une réponse nette à la définition de la bourgeoisie à l'époque de la Révolution, Tchoudinov ne la considère pas comme une classe monolithique et facile à cerner socio-économiquement. En laissant à part beaucoup de ses observations, citons sa contribution à l'étude du rôle des députés de l'Assemblée constituante lors des

débats politiques, réalisée d'après les données du *Dictionnaire des Constituants*, rédigé par E.H. Lemay. L'analyse minutieuse du corps de la Constituante lui a permis de constater que les éléments capitalistes formaient une minorité évidente parmi les députés. Il ne place parmi les partisans de la Révolution qu'un peu plus de la moitié des députés entrepreneurs (p. 124).

Concernant les liens entre la Révolution et le développement du capitalisme, Alexandre Tchoudinov s'en tient au point de vue d'Anatoli Ado, dans son livre sur le mouvement paysan et d'après lequel, la Révolution, après avoir donné la terre aux paysans, a freiné ensuite ce processus dans une certaine mesure (p. 126). Dans son ensemble, l'auteur conteste l'une des thèses primordiales de l'historiographie marxiste, d'après laquelle le développement du capitalisme serait dû à la Révolution, et, par conséquent, il met en doute la nature foncièrement « bourgeoise » de la Révolution (p. 127). L'on peut cependant regretter que, dans cet important débat, l'auteur ne s'en tienne qu'à l'observation des positions des députés de l'Assemblée constituante. Nous souhaitons qu'il puisse continuer ses études dans ce domaine en élargissant le champ des recherches dans le but d'analyser et de préciser aussi le rôle des députés liés aux entreprises au sein de l'Assemblée législative et de la Convention.

Le livre d'Alexandre Tchoudinov aborde encore d'autres questions. Il réexamine les apports du courant conservateur de l'historiographie révolutionnaire, notamment en ce qui concerne le rôle des francs-maçons, et s'intéresse également au rôle des jansénistes, qu'il propose de prendre davantage en considération (p. 192). L'on peut également préciser que, dans un troisième chapitre, l'auteur brosse les portraits de certains hommes majeurs de la Révolution, surtout ceux de Marat et de Couthon, ainsi que du « Jacobin russe » Pavel Stroganov (cette dernière étude est rédigée sur la base de riches documents inédits tirés des archives russes). Enfin, au travers d'études de ténors jacobins, l'auteur révisé quelques-uns des points de vue soviétiques traditionnels, selon lui trop marqués par un esprit apologétique. Pour conclure, précisons que Tchoudinov souligne qu'il entend laisser aux lecteurs et aux représentants des générations à venir la possibilité d'apprécier la justesse de ses jugements et le droit de les réviser. Nous croyons que c'est également l'un de ses mérites.

AHRF. 2008. N° 354. Octobre-décembre. P. 256-258.

Французский ежегодник – 2007. Советская и французская историографии в зеркальном отражении: 20 – 80-е годы XX века. Главный редактор А.В. Чудинов. М. ЛКИ. 2007. 301 с.

Annuaire d'études françaises – 2007. Les historiographies soviétique et française dans un reflet miroir : années 1920-1980. Textes réunis par A. Tchoudinov. Moscou. LKI. 2007. 301 p.

L'Annuaire d'études françaises – 2007 comporte les communications que les historiens russes et français ont présentées au colloque international organisé à Vizille au mois de septembre 2006. L'attention des auteurs se concentre sur trois thèmes principaux : le réexamen de l'œuvre des historiens soviétiques de l'Ancien Régime par les historiens russes, l'analyse critique de la présentation soviétique de l'historiographie non marxiste, et enfin, de la part d'historiens français, l'examen de quelques mutations ayant bouleversé la science historique française.

La première partie du recueil est consacrée à l'étude des débats que l'œuvre de Boris Porchnev (1905-1972) – dont le nom est bien connu en France essentiellement grâce à sa polémique avec Roland Mousnier à propos du caractère des soulèvements en France au XVIIe siècle –, a suscité dans les deux pays. L'étendue des centres d'intérêts de Porchnev, à la fois docteur d'État en histoire et en philosophie, était très vaste, allant des relations internationales, aux origines de l'idéologie communiste aux XVIIe-XVIIIe siècles, à l'économie politique du féodalisme, à la psychologie sociale, etc. Plusieurs auteurs (Z. Tchekantseva, S. et A. Kondratieva, I. Filippov, A. Gladychév) ont analysé sa contribution à l'étude de quelques-uns de ces domaines. Tous s'accordent pour présenter Porchnev comme un ardent marxiste, dont l'œuvre était basée sur la théorie de la lutte des classes (p. 39, 53, 89, etc.). Certains, cependant, soulignent la singularité de son approche marxiste, qui a bien souvent suscité de violentes critiques de la part de ses collègues soviétiques, car ses vues ont été considérées par ceux-ci comme n'étant pas complètement compatibles avec celles de Marx (p. 26, 47, 99). C'est là l'originalité de Porchnev ; il était, d'une part, un historien marxiste déterminé et, de l'autre, un chercheur dont l'esprit ne se limitait pas au cadre habituel désigné pour les historiens soviétiques.

Une partie des auteurs (Y.-M. Bercé, F. Hildesheimer, H. Jouhaud, I. Filippov) est revenue en détail sur les circonstances de la polémique de Porchnev avec Mousnier. Il y a lieu de citer leurs conclusions les plus importantes : la confrontation entre les deux historiens était d'abord de nature idéologique (p.

32), le livre de l'historien soviétique sur les soulèvements paysans au XVIIe siècle a contribué à l'étude en France de l'histoire des mouvements populaires de cette époque (p. 86), les historiens occidentaux n'acceptant pas la théorie de la lutte des classes, ont toutefois apprécié ce livre, car il avait attiré leur attention sur ce thème (p. 126). En ce sens, Filippov a certainement raison de souligner la portée scientifique des livres de Porchnev sur l'histoire des relations internationales au XVIIe siècle (p. 127), qui restent inconnus à ce jour aux historiens occidentaux.

Quelques articles du recueil, rédigés par des historiens français, touchent les mutations de la pensée historique de ce pays. Dans un article fort intéressant, C. Blanquie revient sur l'histoire de l'Ormée. Dans son ensemble, il croit que la pratique municipale de son époque était conforme à la direction générale de la Fronde, qui consistait à déléguer certaines fonctions du roi à ses sujets, lors de sa coopération avec ces derniers pour la réalisation des buts qu'il poursuivait lui-même (p. 150).

G. Lemarchand étudie minutieusement la polémique des années 1960-2006 des historiens français sur les notions des « relations féodales », « féodalisme » et « des classes publiques ». Il constate qu'en dépit de sa nature purement franco-française, les historiens des années 1960 utilisaient avec plaisir les notions des historiens soviétiques, celle de « lutte des classes », etc. (p. 158). Or, en citant les nouvelles tendances propres à la science historique française (surtout l'étude de l'histoire socioculturelle), il note que cette polémique a orienté les chercheurs français vers « l'histoire comparative internationale » et stimulé en même temps le développement des conceptions de l'analyse historique en France (p. 171).

R. Dupuy aborde quant à lui la question de la riposte de la paysannerie à la Révolution, en examinant le sort que lui fait l'historiographie française de la deuxième moitié du XXe siècle. À la différence de bien d'autres, il considère les soulèvements paysans, ainsi que leur résistance latente aux gouvernements révolutionnaires, comme l'une des formes de la politique (p. 198).

Les articles consacrés à l'analyse de la contribution des historiens soviétiques à l'étude de l'historiographie révolutionnaire, groupés dans le troisième chapitre, sont plus directement dans les perspectives des *AHRF*. A. Gordon nous présente, sur l'exemple de l'attitude de Victor Daline vis-à-vis des derniers ouvrages de R. Cobb, une excellente analyse sur l'approche des historiens soviétiques à l'égard de tous ceux qui ont étudié l'histoire des masses populaires hors du cadre de la théorie de la lutte des classes. Il s'agit surtout de la révision de la position des historiens soviétiques à l'égard des historiens occidentaux (il montre très bien

qu'on ne considérait comme historiens « progressistes » en URSS que ceux qui s'en tenaient à la théorie marxiste). L'auteur explique la critique par Daline de « l'évolution » de Cobb, reprochant à celui-ci d'avoir laissé de côté l'histoire de la lutte des masses (p. 250).

M. Vovelle, à son tour, n'accepte pas entièrement la critique par Daline de l'œuvre de F. Braudel, en remarquant quelques contradictions dans son interprétation de l'évolution de l'école des *Annales*, surtout en ce qui concerne la théorie de « l'histoire globale » (p. 260). Étant élève de V. Daline, je me permets de constater sa profonde estime pour Braudel. Il m'a jadis donné la possibilité de lire la lettre, adressée à lui par Braudel et datée du 5 décembre 1983, à propos de la traduction française de son étude sur l'évolution des *Annales*, dans laquelle l'historien français, tout en la qualifiant de « miracle », avait toutefois affirmé qu'il était capable de polémiquer avec lui sur tous les points de ses interprétations.

Après la mort de V. Daline, en 1985, c'est A. Ado qui est devenu le maître des études révolutionnaires en URSS. D. Bovykine étudie l'évolution de ses vues pendant les dernières années de sa vie dans deux domaines, ceux de l'histoire de la Révolution et de l'historiographie française. L'auteur compare les jugements émis par Ado sur l'époque révolutionnaire dans les deux éditions de son livre sur la paysannerie (1971, 1987). Il ne nie pas qu'Ado s'en tenait toujours à la conception méthodologique marxiste, mais souligne en même temps quelques nuances qui sont spécifiques à la deuxième édition de son livre, à savoir l'évident changement de sa position à propos de quelques notions clefs, particulièrement en relation avec le terme de « féodalisme ». Ses jugements, conclut-il, sont devenus plus prudents dans les années 1980 (p. 279-280). Il en est de même, comme il l'affirme, de son attitude à l'égard des vues des historiens occidentaux.

D. Bovykine explique ce changement de la position d'Ado non seulement par les nouvelles données de la recherche historique, mais également par les formidables transformations ayant ébranlé son pays (p. 282-284). Je voudrais aussi constater pour ma part quelques modifications que j'ai aperçues dans sa mentalité à l'égard des vues des historiens français. Ainsi, sa position vis-à-vis de la théorie de la « révolution agraire » de G. Lefebvre a changé : « Quand j'y pense maintenant, m'a-t-il dit à ce sujet en septembre 1994, pourquoi n'était-ce pas possible ? ». Son collègue G. Koutchérenko, cependant, spécialiste de l'histoire du communisme utopique français, passait aux dernières années de sa vie, d'après A. Gladychév, par une profonde crise à cause de l'écroulement

de l'URSS, perdant tout intérêt pour la thématique à l'étude de laquelle il avait consacré sa vie (p. 211-212).

Dans ce volume, quelques historiens russes abordent des problèmes historiographiques particuliers. L. Piménova analyse l'histoire de la noblesse écrite par ses prédécesseurs russes et soviétiques, depuis les représentants de « l'école russe » jusqu'aux historiens des années 1980. Elle souligne les traits caractéristiques de cette historiographie, qui considérait la noblesse comme une « classe féodale » monolithique dont l'absolutisme défendait les intérêts (p. 173). Dans l'historiographie soviétique, cependant, ces analyses ont subi trois évolutions essentielles : *primo* l'augmentation de l'intérêt envers l'étude des différends entre diverses couches de la noblesse ; *secundo* l'appréciation du rôle de la noblesse libérale dans la Révolution ; *tertio* le refus de traiter l'activité de la noblesse de contre-révolutionnaire (p. 194).

A. Tchoudinov, de son côté, revient sur les violentes discussions entre historiens soviétiques de la Révolution sur la nature de la dictature Jacobine, au début des années 1970. V. Révounenkov a développé dans les années 1960 une conception de la dictature Jacobine, incompatible avec celle de ses collègues (A. Manfred, V. Daline et d'autres). D'après les vues de ces derniers, soutenues *grosso modo* par la majeure partie des historiens soviétiques, les Jacobins représentaient les intérêts de la moyenne et petite bourgeoisie et partiellement du peuple. Or, contrairement aux autres, Révounenkov considérait les Jacobins comme les représentants de la grande bourgeoisie. D'ailleurs, les deux côtés se référaient dans leurs conclusions aux jugements des fondateurs de la théorie marxiste-leniniste. On a déjà écrit à ce sujet (S. Letchford), en traitant cette discussion « d'infructueuse » (voir *Annuaire d'études françaises* – 2002, p. 214). Tchoudinov a le mérite d'être le premier à avoir entrepris de revenir sur les origines de cette polémique. Il explique la position de Révounenkov par les changements qui ont eu lieu en URSS après le XXe Congrès du Parti Communiste en 1956, quand on a démasqué le culte de Staline. Ce fut donc après cette date que les historiens de l'URSS ont commencé à critiquer le régime stalinien et, à la fois, à accentuer la portée du potentiel démocratique de la dictature du prolétariat (p. 270). Mais l'explication reste de l'ordre de l'hypothèse.

Quant à C. Mazauric, il évoque ses rencontres et relations amicales avec les historiens soviétiques (Daline, Ado, Smirnov et d'autres) des années 1960 à 1992. À l'issue du volume, on ne peut que se réjouir des liens qui se maintiennent entre historiens de France et de Russie, dont ce recueil est la meilleure preuve. Ces liens peuvent désormais sans doute être plus simples et fructueux, tant les

historiens russes d'aujourd'hui ne sont plus tentés de diviser leurs collègues occidentaux entre « progressistes » et « bourgeois ».

AHRF. 2008. N° 354. Octobre-décembre. P. 262-264.

Россия и Франция: исторический опыт XVIII-XIX веков. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию А.З. Манфреда, 27-29 сентября 2006 г. Ответственный редактор А.С. Намазова. М. Институт всеобщей истории РАН. 2008. 306 с.

Russie-France : expérience historique des XVIIIe-XIXe siècles. Actes de la conférence internationale consacrée au centenaire de A. Manfred, 27-29 septembre 2006. Sous la direction de A. Namazova. Moscou. Institut d'histoire générale. 2008. 306 p.

Les historiens russes ne manquent pas de rendre hommage – et c'est indubitablement leur mérite – à la mémoire de leurs prédécesseurs soviétiques, et particulièrement à d'éminents spécialistes de la Révolution française comme Albert Manfred, Victor Daline et Anatoli Ado ; qu'on pense aux *Études historiques sur la Révolution française. Hommages à Victor Daline* (à l'occasion du 95e anniversaire de sa naissance) (en russe), sous la direction d'A. Tchoudinov, Moscou, 1998 ; à l'*Annuaire d'études françaises – 2002 : Les historiens de la France, à l'occasion du centenaire de V.M. Daline (1902-1985)* (en russe), sous la direction d'A. Tchoudinov, Moscou, 2002 ; ou encore : *À la mémoire du professeur A.V. Ado. Études contemporaines sur la Révolution française de la fin du XVIIIe siècle* (en russe), sous la direction de V. Smirnov et D. Bovykine, Moscou, 2003, et à l'*Annuaire d'études françaises – 2006 : Napoléon et son époque. À l'occasion du centenaire de A.Z. Manfred (1906-1976)* (en russe), sous la direction de A. Tchoudinov, Moscou, 2006. Voici donc un nouveau recueil du même genre, consacré à Albert Manfred, l'un des plus remarquables historiens soviétiques, dont le nom est universellement connu parmi les spécialistes de l'histoire de France. Ce recueil, dont les textes sont réunis par Alla Namazova, son élève, comprend les communications présentées à la conférence internationale organisée en 2006 à Moscou à l'occasion du centenaire de la naissance de Manfred.

La première partie du recueil contient des articles sur l'œuvre de Manfred. A. Namazova, Y. Roubinski, V. Smirnov, C. Mazauric étudient son activité dans

les sphères scientifique, pédagogique et publique. Ils brossent le portrait d'un grand savant, ayant énormément contribué aux études de l'histoire des relations franco-russes au XIXe siècle et aux époques révolutionnaire et impériale.

Y. Roubinski met en évidence les divergences entre la conception de Manfred et celle de son maître Eugène Tarlé dans l'interprétation des problèmes du Jacobinisme et de la portée historique de l'action de Napoléon (à la différence du libéral Tarlé, Manfred avait soutenu, à la suite d'Albert Mathiez, la tendance apologétique de la dictature Jacobine ; il avait également souligné, outre les aspects négatifs de la politique de Napoléon, les conséquences positives de ses actions pour la France et l'Europe). De manière originale, l'auteur explique la position de Manfred à l'égard de la dictature des Jacobins, non par son conformisme supposé, mais par ce radicalisme romantique (p. 18-20) propre à toute sa génération, comme on peut en juger sur l'exemple de Victor Daline, son meilleur ami et mon maître. Roubinski note à juste titre que les mérites de Manfred n'ont pas été appréciés à leur juste valeur par l'*Académie soviétique*, dont les membres ont toujours rejeté sa candidature.

V. Smirnov revient sur les mérites de Manfred dans le développement des relations amicales entre les historiens de la France et de l'URSS. Quant à son œuvre, l'auteur valorise surtout son livre de vulgarisation sur la Révolution française (Moscou, 1956), traduit en de nombreuses langues et de grande portée à son époque, sans négliger sa contribution aux études des relations internationales. Smirnov considère d'ailleurs que les études de Manfred sur les relations franco-russes et franco-soviétiques conservent toujours leur portée scientifique. Mais, discutant son approche de l'époque révolutionnaire à la lumière des acquis de la recherche (il s'agit notamment de ceux des représentants du courant critique), il laisse aux générations à venir le soin de porter un jugement définitif sur la pertinence de la réfutation de sa conception marxiste.

C. Mazauric évoque ses premières rencontres avec Manfred en 1966, en qualifiant ce moment de « très précieux » dans son existence. Il rappelle ses souvenirs de la conférence de Manfred sur *La nature du pouvoir jacobin* à la Sorbonne (1966), ainsi que des débats qui ont suivi chez les annalistes et les chercheurs français marxistes. Il rappelle l'attitude négative de F. Furet et E. Le Roy Ladurie et leur désaccord avec son approche marxiste, à leur avis « unitaire » et « dogmatique », alors que lui-même l'a approuvée dans son ensemble, en la traitant de « dialectique » (p. 38). Il compte parmi les mérites indiscutables de Manfred son insistance à discuter de « l'unité du processus révolutionnaire », regrettant que son œuvre soit aujourd'hui « un peu oubliée »

(p. 43). V. Smirnov y fait également allusion dans sa contribution à l'étude des relations diplomatiques franco-russes (p. 31). Précisons aussi que C. Mazauric évoque ses rencontres et relations avec plusieurs historiens soviétiques (V. Daline, A. Ado, V. Smirnov et d'autres) entre 1960 et 1992.

La partie se poursuit par l'étude de Francine-Dominique Liechtenhan qui, à partir de l'examen des notes laissées par Manfred en marge de *La Russie en 1839*, discute de sa position sur le livre d'A. de Custine. Un appendice (p. 277-306) publie quelques-uns des vers inédits qui permettent de revenir sur les débuts de la carrière de Manfred comme écrivain et poète.

Les articles insérés dans les deux autres parties correspondent aux intérêts scientifiques de Manfred : la Révolution française, l'époque napoléonienne et les relations franco-russes. L'article de M. Vovelle est le seul qui soit directement en relation avec la Révolution. Il pose un problème assez actuel : est-ce que la Révolution est terminée ? En discutant cette question, ayant suscité tant de controverses, à travers le prisme de l'héritage et de la mémoire, il met surtout en évidence le sort de deux symboles de la Révolution : la Marseillaise et Marianne. M. Vovelle conclut en se demandant si la mémoire de la révolution est devenue une mémoire morte (p. 71).

A. Namazova, de son côté, discute l'influence de la Révolution sur la société belge. Elle analyse minutieusement la politique extérieure de la France révolutionnaire envers la Belgique jusqu'à son annexion en 1795. Elle souligne ensuite les conséquences des vingt années de la période française dans les domaines législatif, administratif et juridique, soulignant que les mesures adoptées ont beaucoup contribué au développement du commerce et de l'industrie des provinces belges et à l'essor de la bourgeoisie et de la classe ouvrière.

S. Pojarskaya aborde cette même question pour l'Espagne. Ici, l'influence des idées de la Révolution sur les réalités espagnoles n'a pas été univoque. D'abord, ces idées ne se sont fait sentir qu'après 1808. L'auteur en profite pour débattre de la difficile question de l'influence étrangère sur l'élaboration de la Constitution de 1812 ; d'après elle, la Révolution française aurait laissé une empreinte ineffaçable sur l'Espagne, même si les voies de la transformation de l'Ancien Régime en société moderne portaient toutefois, à la différence de l'expérience belge, des traits nationaux. C'est encore à l'Espagne qu'est consacrée la communication d'A. Soghomonyan, qui étudie la manière dont Napoléon explique l'invasion de la péninsule lors de son exil à Sainte-Hélène. En se référant souvent aux conclusions d'A. Manfred, il réfute les arguments de

l'empereur et soutient que sa politique était exclusivement agressive. L'article que N. Promislov consacre à l'image de la Russie dans *Le Moniteur universel* à la veille et pendant la guerre de 1812 relève d'une problématique proche ; l'auteur, en effet, met au jour la présentation d'une menace russe, qui justifie une intervention extérieure. A. Mitrofanov, de son côté, tente de comprendre la vision des publicistes français sur la Russie et les relations franco-russes à l'époque du Consulat. Selon lui, en dépit d'une propagande favorable à la Russie, les auteurs français n'étaient pas complètement délivrés des anciens stéréotypes sur la « menace russe » ou la « barbarie des Russes », craignant toujours la puissance de la nouvelle alliée. Ce même sujet, mais avec des positions diamétralement opposées, a attiré l'attention de W. Berelowitch, dans son article *Comment les Russes voyaient-ils l'Europe au XVIIIe siècle ?* L'auteur rappelle que ce fut Pierre le Grand qui a incité les Russes à s'intéresser à la vie des Européens. Ne niant pas le fait des premières relations de l'élite russe avec l'Europe, l'auteur se tient à l'avis que leur insertion était toutefois limitée, car la Russie « continuait de faire face » à l'Europe, n'ayant pas le désir de s'assimiler à la vie européenne.

Deux articles concernent l'histoire de la Suède à l'époque napoléonienne. L'approche de V. Roginski est originale. Dans un article sur les relations compliquées de Bernadotte et de Napoléon, il réfute deux constations erronées figurant dans les études de ses collègues soviétiques et russes, à savoir que Bernadotte n'avait jamais été nommé par Napoléon prince héritier du trône de la Suède, mais au contraire, qu'il avait été élu par le *riksdag* suédois le 21 août 1810. Roginski s'élève également contre les partisans de la soi-disant défection de l'ancien maréchal impérial en 1812-1813, démontrant à partir des « lettres patentes » signées par Napoléon en 1810 que le prince héritier ne s'était pas engagé à s'abstenir d'actions militaires contre la France. De son côté, F. Efrémov étudie l'un des épisodes de la guerre russo-suédoise de 1808-1809, celui du blocus d'un port balte, et conclut que les opérations maritimes n'ont point eu d'influence primordiale sur le résultat de ce conflit.

Les différents aspects des relations franco-russes sont au cœur des préoccupations de H. Kisséliova et L. Piménova. La première étudie, à travers l'influence de Madame de Staël sur le *décembriste* Nikolai Tourgueniev, l'empreinte des idées libérales sur la formation du programme politique des *décembristes* pendant le premier quart du XIXe siècle ; quant à la seconde, elle analyse l'attitude du comte de Langerons, général gouverneur de la Novorussie en 1815-1822, face à la Révolution française et aux réalités russes. À la fois

partisan de la Constitution et d'un pouvoir royal fort, il condamnait le despotisme et accordait une place primordiale à la noblesse. Le volume contient encore un article sur P. Stroganov, rédigé par M. Daline et V. Frolov, dans lequel les auteurs décrivent en détail le chemin parcouru par cet homme d'État russe avant 1807, quand il est devenu l'un des commandants de l'armée.

La publication de ce recueil est la meilleure preuve de l'estime profonde des historiens russes à la mémoire d'Albert Manfred dont la vie est un excellent exemple de dévouement à la science historique.

AHRF. 2009. № 356. Avril-juin. P. 207-209.

Французский ежегодник – 2008. Англия и Франция – соседи и конкуренты. Главный редактор А.В. Чудинов. М. Либроком. 2008. 299 с.

Annuaire d'études françaises – 2008. L'Angleterre et la France, voisines et concurrentes. Textes réunis par A. Tchoudinov. Moscou. Librokom. 2008. 299 p.

Les éditeurs de l'*Annuaire d'études françaises* continuent les traditions de leurs prédécesseurs soviétiques, surtout dans le domaine de l'étude de la Révolution française, en faisant une place de choix à son histoire. De 2000 à 2008, lors de la deuxième période de la publication de l'*Annuaire* (fondé en 1958 grâce aux efforts de V. Volguine, A. Manfred et V. Daline ; sa publication a été interrompue en 1990 à cause de difficultés financières), de nouvelles pratiques sont apparues, qui classent notamment les articles en ordre thématique. Le présent volume comprend ainsi deux parties, dont la première est consacrée aux relations de la France et de l'Angleterre du Moyen Âge au début du XXe siècle, ce qui marque une ouverture de la revue qui, jusqu'ici, a été uniquement consacrée à l'histoire de la France. Plusieurs des articles du volume concernent l'époque révolutionnaire.

L. Piménova aborde la politique de Louis XVI à l'égard de l'Angleterre des années 1770-1780, à partir d'une étude de la correspondance du roi avec le comte de Vergennes, son ministre des Relations extérieures. En révisant quelques-uns des points de vue de ses prédécesseurs, elle avance que le choix de la guerre contre la Grande-Bretagne lors de la guerre d'Indépendance des colonies américaines est dû à l'initiative de Louis XVI, et a été dicté par les

intérêts de la France. Quant à l'attitude du roi à propos des relations ultérieures franco-anglaises après la conclusion de la paix en 1783, Piménova croit que Louis XVI aurait conçu l'établissement de bonnes relations entre ces pays comme un moyen de garantir la paix et la stabilité en Europe, plutôt qu'une alliance (p. 128).

F. Crouzet examine la situation militaire, économique et financière de l'Angleterre lors des guerres contre la France révolutionnaire, jusqu'à la conclusion de la paix d'Amiens, ainsi que sa participation aux campagnes militaires de 1798 à 1802. Il débat notamment de l'influence des événements révolutionnaires sur les différentes couches de la société anglaise à la fin du siècle (il s'agit d'un côté de la désillusion d'une partie des intellectuels anglais après les actions agressives des Français lors de la campagne italienne et, de l'autre, de l'accroissement de l'activité des clubs radicaux). Or, comme l'affirme l'auteur, ce ne fut « qu'avant et après le 18 Brumaire » que les idées contre-révolutionnaires et conservatrices triomphèrent en Angleterre face à la menace française (p. 142).

L'article d'A. Korolev, quant à lui, revient sur la transformation de la position de S.T. Coleridge, intellectuel et poète, à l'égard de la Révolution. Admirateur de la Révolution en 1789, il a révisé sa position après ce qu'il nomme les « horreurs de la Terreur jacobine » (p. 148). L'auteur explique son changement par sa réaction émotionnelle à la Révolution, ainsi que par l'évolution de ses vues philosophiques (il s'agit de sa transition de la philosophie des Lumières à celle de Kant).

A. Forrest, de son côté, analyse la perception de la Révolution anglaise en France à l'époque révolutionnaire. Les Français ont interprété, d'après lui, les hommes politiques et les événements anglais pour légitimer leurs propres choix, pour les expliquer, voire pour tenter de prévoir le développement ultérieur des événements. A. Tchoudinov a récemment attesté la même approche en Russie et en URSS à l'égard de la Révolution française⁴²⁴.

La deuxième partie du livre contient des articles sur les problèmes historiographiques. L'un d'eux est consacré à Abgar Ioannissian, de l'*Académie arménienne*, à l'occasion du centenaire de sa naissance. En brossant le portrait de cet historien, ayant énormément œuvré dans le domaine de l'étude de la pensée publique française au XVIIIe-XIXe siècle, l'auteur de ces lignes souligne son immense contribution dans les études napoléoniennes et révolutionnaires (il est aussi l'auteur d'un livre sur les relations internationales au début du XIXe

⁴²⁴ Voir notre compte rendu : AHRF. 2008. N° 354. Octobre-décembre.

siècle). Son nom est surtout connu des historiens français par ses publications dans les *AHRF* (1966, n° 184) et la traduction française de son chef-d'œuvre : *Les idées communistes pendant la Grande Révolution française* (Moscou, Éditions du Progrès, 1984 ; il a paru en russe en 1966), qui a été couronné par l'*Académie soviétique* du Prix Volguine en 1974, et a été hautement apprécié par B. Porchnev, V. Daline, W. Markov, J. Godechot et d'autres. La bibliographie de ses œuvres est également publiée.

L'étude de l'histoire de la pensée communiste et surtout celle du babouvisme a été l'un des thèmes magistraux de l'historiographie russe et soviétique. Maria Tchépourina, discutant minutieusement la contribution des auteurs et historiens russes et soviétiques aux études babouvistes de la seconde moitié du XIXe siècle à nos jours (d'A. Herzen et F. Dostoïevski à V. Daline et G. Tchertkova), en vient à deux conclusions essentielles : *primo*, après la disparition de la domination de l'idéologie communiste en Russie, quelques chercheurs contemporains (A. Tchoudinov, A. Schtekli) ont révisé l'approche apologétique des idées de Babeuf ; *secundo*, à l'heure actuelle l'histoire du « complot des égaux » suscite un intérêt moindre que celle de la Révolution en général (p. 293-294). On peut en conclure qu'en Russie contemporaine l'étude de l'histoire des idées communistes a cédé ses positions dominantes d'autrefois. Mais, en dépit du choix scrupuleux de la littérature, l'auteur a omis le livre d'A. Ioannissian, alors que ce dernier a consacré tout un chapitre à Babeuf.

Dans un bref aperçu historiographique, l'Américain S.A. Covington discute les étapes de l'étude de l'histoire du premier Comité militaire de 1789-1791, en précisant que son activité n'a point été étudiée sous tous ses aspects. Il constate la nécessité d'une approche complexe qui permettrait de relever le rôle de ce Comité dans les changements ayant eu lieu dans l'armée française. Il est à noter, pour conclure, qu'en dépit des changements politiques en Russie, les différents aspects de l'histoire de la Révolution française se trouvent toujours au centre de l'attention de nos collègues russes.

AHRF. 2009. N° 357. Juillet-septembre. P. 207-209.

Французский ежегодник – 2009. Левые во Франции. Главный редактор А.В. Чудинов. М. Libroком. 2009. 391 с.

Annuaire d'études françaises – 2009. Les gauches en France. Textes réunis par A. Tchoudinov. Moscou. Librokom. 2009. 391 p.

Le présent volume de l'*Annuaire d'études françaises* est thématique, comme le précédent, dont nous avons pu rendre compte dans un précédent numéro des *AHRF*⁴²⁵. Il est donc consacré à l'activité des courants de *gauche* en France, du XVIIIe au XXe siècle.

L'article inaugural de Tchoudinov est rédigé à l'occasion du double anniversaire de cette publication (à la fois 50e et 10e), car l'*Annuaire d'études françaises*, fondé en 1958, a été publié en 1959, et a recommencé à paraître en 2000, après dix années sans publication. Tout en rendant un profond hommage à V. Volguine, A. Manfred et V. Daline, ses fondateurs, autrement dit à ses prédécesseurs au poste de rédacteur en chef, A. Tchoudinov présente en bref le chemin épineux qu'il a parcouru. Il souligne à juste titre que les responsables contemporains de l'*Annuaire* suivent deux buts essentiels, qui ont été ceux de ses fondateurs : le développement des relations scientifiques avec les historiens étrangers et la coordination des travaux des historiens soviétiques/russes. Il note que lors de la deuxième période de sa publication, 33 articles ont été écrits par des historiens français, anglais, américains et d'autres nationalités, et 37 par des historiens russes, représentants de différents centres scientifiques se trouvant hors de Moscou (parmi ces derniers, il cite deux auteurs qui sont de l'Ukraine et de l'Arménie). Il souligne également une orientation nouvelle, un pluralisme des opinions, qui donne la possibilité aux historiens de différentes orientations scientifiques d'exposer leurs vues (p. 17).

Certes, l'écrasante majorité des articles réunis dans ce recueil touche l'activité des gauches au XXe siècle. Mais ce qui nous intéresse, c'est la deuxième partie qui contient trois articles sur l'époque post-thermidorienne, indubitablement beaucoup moins étudiée par l'historiographie soviétique/russe, à la différence de la période couvrant les années 1789-1794.

S. Letchford, de l'Université de Saratov, consacre un article neuf aux relations complexes de Babeuf avec le légendaire Drouet à la veille de la conspiration de 1796. Il croit que ce n'est qu'après l'émeute du 9 floréal an IV, que le *Tribun du peuple* a finalement compris la nécessité de la coopération avec les Montagnards. En accentuant la différence entre les tactiques de Babeuf et de

⁴²⁵ [Voir le précédent compte rendu.]

Drouet après leurs arrestations, l'auteur donne la prépondérance à celle de ce dernier, à savoir la négation du caractère antigouvernemental du mouvement/complot, d'autant plus que lors du procès de Vendôme, Babeuf et les autres accusés ont adopté, comme il l'affirme, cette ligne de conduite tracée d'emblée par Drouet (p. 80). Or, il nous semble que l'une de ses conclusions est excessive et fortement discutable, car d'après lui le coup d'État du 18 fructidor aurait sauvé la vie des accusés (p. 81). N'oublions pas que le mouvement babouviste a été dirigé contre le Directoire dans le but de son renversement. Dans ces conditions était-il possible de compter sur la clémence ou la générosité de ceux dans les mains desquels étaient concentrés les rênes du pouvoir (surtout Barras) ? Nous n'en sommes pas sûr.

Les événements de l'été de l'an V, à la veille de ce même coup d'État, ont fait l'objet d'une discussion dans l'article détaillé de D. Bovykine, qui les examine à travers le prisme de l'action et de la conduite du général Hoche, en utilisant des documents inédits tirés des archives françaises. En laissant de côté certaines analyses qui mériteraient débat (à propos du jugement de la position de Carnot et de Reubell à la veille de la formation du « triumvirat »), disons que c'est une étude approfondie de Hoche, de ses relations avec les membres du Directoire, ce qui est certainement une tâche difficile, car les sources authentiques font défaut pour des raisons bien compréhensibles. En entrant dans une libre confrontation (ouverte ou non) avec ses prédécesseurs, y compris l'auteur de ces lignes, Bovykine expose des vues qui méritent attention. Il revient sur les erreurs commises par Hoche et Barras après la conclusion de leur accord, ayant conduit en fin de compte « l'affaire » entreprise par le directeur à l'échec. Parmi celles de Hoche, il souligne le choix d'un assez grand nombre de soldats tirés de son armée pour la marche vers Paris, ce qui était évidemment beaucoup trop pour la réalisation d'un embarquement possible sur les navires destinés à l'expédition en Irlande, ainsi que les voies de la marche des troupes vers la capitale, ses longs et ennuyeux « pourparlers » avec le Ministre de la Guerre après le 2 thermidor an V, etc. Quant aux fautes de Barras, Bovykine met surtout en évidence la nomination prématurée de Hoche au poste de Ministre de la Guerre. Toutes ces circonstances, qui n'auraient certainement pas échappé à l'attention des députés du Corps législatif, ont aggravé la situation de l'un et de l'autre et ont contribué, selon l'auteur, à l'échec de la réalisation des projets de Barras concernant l'épuration des Conseils et du Directoire.

Nombre d'historiens du Directoire – et l'auteur de ces lignes était parmi eux – ont souligné la trahison du général par Barras lors de la célèbre séance

du 2 thermidor. Contrairement à eux, Bovykine analyse la conduite du « roi du Directoire » dans le cadre de la Constitution de l'an III, dont la clause 69 a été brutalement violée par les troupes de Hoche. Dans ces conditions, il est sûr qu'en soutenant son protégé, Barras aurait ouvert la voie pour l'arrestation des membres du Directoire par le Corps législatif, pour violation de la Constitution en vigueur (p. 115). Dans l'ensemble, Bovykine croit que cette expérience a aidé Barras à exécuter le coup d'État le 18 fructidor, en ne négligeant pas, à juste raison, la signification de deux circonstances primordiales, celles du support de l'armée et de l'inaction du Corps législatif (p. 117).

Est ensuite publiée une version russe de l'article de l'auteur de ces lignes sur la transformation de l'attitude de Marc-Antoine Jullien après le coup d'État du 18 fructidor : *Marc-Antoine Jullien et les élections de l'an VI*, qui est depuis longtemps connu des lecteurs des *AHRF* (1997, N° 308, p. 305-320).

A. Tchoudinov et les autres responsables de l'*Annuaire* poursuivent ainsi les traditions historiographiques de leurs prédécesseurs soviétiques, en accordant une place majeure à l'étude critique des travaux des historiens russes et français de la Révolution. On ne peut que saluer cette tendance, d'autant plus que la science historique russe/soviétique (N. Karéiev, A. Manfred, V. Daline, B. Weber, A. Ado, V. Dounaïevski et d'autres) a beaucoup œuvré en ce domaine. On saluera ainsi la quatrième partie du volume, qui contient des études sur les problèmes historiographiques dont deux sur trois concernent les historiens russes et français de l'époque révolutionnaire.

Dans un article original sur « l'école russe », A. Tchoudinov aborde l'un des aspects de son activité, à savoir les circonstances qui sont en relation avec le choix de ses voies lors de sa création. Il discute les attitudes incompatibles du fondateur de « l'école » W. Guerrier et de son élève Karéiev à l'égard des vues de H. Taine. Si le premier, en dépit de l'évolution de sa critique des vues de Taine, insistait sur la nécessité d'une approche critique à l'égard de l'histoire de la Révolution, exempte de toute sorte d'apologie politique, Karéiev est devenu par contre l'un des adeptes du « culte » de la Révolution en Russie, culte très répandu dans les années 1870, surtout chez les libéraux. L'auteur a réussi à montrer que, contrairement à Guerrier, qui était partisan de l'application dans les études historiques de la méthode psychologique de Taine, Karéiev l'a résolument réfutée en partageant la critique de Taine, lancée par A. Aulard. A. Tchoudinov constate que c'est donc Karéiev qui a définitivement choisi, avec ses élèves, la voie apologétique du développement de la pensée historique en Russie dans le domaine des études révolutionnaires (p. 341).

Maria Tchépourina, élève de Tchoudinov, nous présente les vues des historiens français sur la « Conspiration des égaux ». Elle a classé l'abondante littérature en ordre chronologique, en examinant la recherche historique en France dès les premiers chercheurs, contemporains de l'événement, jusqu'à J.-M. Schiappa. Deux de ses remarques ont retenu notre attention : premièrement, c'est depuis les années 1930 que les historiens marxistes français ont commencé à occuper une place prépondérante dans les études du mouvement babouviste (p. 360) ; deuxièmement, des historiens français aussi éminents que M. Dommange, A. Soboul, C. Mazauric et d'autres, contrairement à leurs collègues soviétiques, n'ont point caché les contradictions de sa biographie et ils ont souligné les divergences entre les participants de la conspiration de Babeuf (p. 364). Elle n'hésite pas à citer l'amoindrissement de l'intérêt pour ce thème de nos jours (p. 366). L'étude de M. Tchépourina aurait sans doute gagné en force en distinguant les recueils des éditions des œuvres de Babeuf des études historiques. On pourrait aussi discuter sa présentation d'A. Mathiez de maître de G. Lefebvre (p. 358-359), car ce dernier n'en reconnaissait d'autres que J. Jaurès. On peut regretter aussi qu'elle ne cite pas V. Daline, son seul prédécesseur, à notre connaissance, à avoir publié des études sur l'historiographie française et russe de Babeuf, dans les années 1960-1970⁴²⁶. Cela dit, il est très agréable qu'une jeune scientifique entreprenne cette étude, qui se distingue par sa complexité (dans le précédent volume de l'*Annuaire*, elle a discuté les acquis de l'historiographie russe et soviétique dans ce même domaine).

Il nous reste à remercier les éditions « URSS »/« Librokom » pour leur soutien constant dans l'édition de l'*Annuaire d'études françaises*.

AHRF. 2010. N° 359. Janvier-mars. P. 242-244.

Д.Ю. Бовыкин. Анатолий Васильевич Адо: образ и память. Саратов. 2007. 125 с.

Dmitri Bovykine. Anatoli Vasiliévitch Ado : image et mémoire. Saratov. 2007. 125 p.

Le genre de la biographie historique a toujours suscité le vif intérêt de l'historiographie soviétique. Toutefois, les historiens soviétiques ont longtemps

⁴²⁶ **V. Daline.** L'historiographie de Babeuf // *Pensée*. 1966. N° 128. P. 63-101 ; *idem* : La littérature étrangère récente sur Babeuf // *Voprosi istorii* (Questions d'histoire). 1972. N° 3. P. 193-201 (en russe).

négligé la portée de l'œuvre de leurs prédécesseurs (soviétiques et étrangers), en s'abstenant de rédiger leurs biographies scientifiques, ce qui a provoqué en 1976 l'indignation d'Albert Manfred. Or, depuis les années 1970, de nouvelles tendances sont heureusement apparues, certes, encore trop faibles. Parmi les spécialistes d'histoire de France, l'activité et l'œuvre de deux historiens soviétiques, Eugène Tarlé et Nikolaï Loukine, se sont trouvées au centre de l'intérêt de leurs élèves et successeurs⁴²⁷.

Le livre de Dmitri Bovykine, un historien de la Révolution, est consacré à la vie et l'activité scientifique et pédagogique de son maître Anatoli Ado (1928-1995), professeur de l'Université de Moscou, éminent spécialiste de l'époque révolutionnaire. Ce livre a pour base une documentation solide et impressionnante ; l'auteur a utilisé de nombreux documents inédits, tirés des archives de la bibliothèque de Kazan, ville natale d'Ado, surtout ses lettres à ses parents et à d'autres, ainsi que ses carnets. Bien que Bovykine, son élève depuis ses études dans cette même Université, le connaisse bien, il ne se limite pas à sa propre expérience. Il explique dans sa préface avoir voulu présenter la personnalité de son maître, en se référant aussi aux souvenirs de ceux qui connaissaient Ado mieux que lui-même (p. 4). De toute façon, l'auteur a réussi à présenter non seulement son image, d'après de nombreux témoignages des contemporains et des élèves d'Ado, mais encore à analyser dans son ensemble la portée de son œuvre scientifique.

Ado est né à Kazan, dans une famille d'intellectuels russes, son père aussi était historien, professeur à l'Université de cette ville. Cette circonstance aurait marqué le choix définitif de la profession du futur historien. En tout cas, il a fait ses études entre 1945 et 1950 à la Faculté d'histoire de l'Université Lomonossov, où d'éminents historiens comme E. Tarlé, A. Manfred, S. Skazkine donnaient des cours. S'intéressant à l'histoire moderne de la France, Ado a préparé sous la direction de B. Porchnev, son maître, sa dissertation sur *Meslier et Voltaire*, qui a été, comme le note l'auteur, appréciée par Tarlé.

Après ses études à l'Université, Ado a entrepris, sur le conseil de Porchnev, l'étude approfondie de l'histoire de la paysannerie française pendant la Révolution. Sa première thèse, qu'il a soutenue en 1954, avait été consacrée à l'histoire du mouvement paysan lors des premières années de la Révolution.

⁴²⁷ I. Galkine. N.M. Loukine, révolutionnaire, savant. Moscou. 1984 ; V. Dounaïevski, A. Tsphasman. Nikolaï Mikhaïlovitch Loukine. Moscou. 1987 ; E. Tchapkevitch. Eugène Tarlé. Moscou. 1977 ; *idem* : La vie et l'activité d'Eugène Tarlé, de l'*Académie soviétique*. Oriol. 1994 ; B. Kaganovitch. Eugène Tarlé et l'école de Saint-Petersbourg des historiens. Saint-Petersbourg. 1995.

En continuant ses recherches dans ce même domaine, il a élargi les limites chronologiques du thème traité et a soutenu avec succès en 1968 une thèse de doctorat d'État sur le mouvement paysan pendant la Révolution française (1789-1974), qui lui a assuré la réputation d'être l'un des éminents spécialistes de cette époque. Son livre consacré à ce sujet, publié en 1971, est bien connu des historiens de la Révolution. À l'heure actuelle, les historiens étrangers possèdent également ses traductions française et allemande (c'est dommage qu'elles aient paru après son décès). Ce succès a été certainement dû à sa mission scientifique en France en 1962, où il a pu établir des relations amicales avec ses collègues français et, surtout, avec Albert Soboul, tout en travaillant beaucoup dans les Archives nationales et départementales.

Bovykine précise la place d'Ado dans l'historiographie soviétique de la Révolution. Nul ne peut contester sa contribution essentielle aux études d'histoire sociale de l'époque révolutionnaire. Ado, comme tous ses collègues soviétiques, et l'auteur le cite en maintes occasions et à juste titre, s'en tenait à la méthodologie marxiste. Cependant, à la différence de ses prédécesseurs, il était, ainsi que son collègue G. Koutchérenko, le représentant de la nouvelle génération des historiens marxistes, une circonstance qui a laissé son empreinte sur sa position vis-à-vis de la science historique en général, et surtout sur l'évolution ultérieure de ses vues à l'égard de l'époque révolutionnaire. C'est ce qui n'a heureusement pas échappé à l'attention de Bovykine. Il discute cette circonstance importante sous trois aspects principaux. Tout d'abord, il compare les conclusions de la première édition de son livre sur le mouvement paysan à celles qui ont été exposées dans sa seconde édition, revue et augmentée (Moscou, 1971, 1987), et il en conclut que ses vues ont subi une modification positive sous l'influence des nouvelles données de la science historique occidentale (il s'agit surtout de sa lecture plus « moderne » de l'Ancien Régime et de la place de la Révolution dans la transition du féodalisme au capitalisme). En même temps Bovykine ne néglige pas la portée des formidables transformations ayant ébranlé l'URSS dans la deuxième moitié des années 1980.

Bovykine met aussi en évidence l'attitude d'Ado pendant les dernières années de sa vie à l'égard des historiens occidentaux (il s'agit en premier lieu des fondateurs de l'école des *Annales* et de leur successeur, F. Braudel) dont les vues n'étaient pas compatibles avec l'interprétation marxiste de l'histoire humaine et, par conséquent, avec celle de la Révolution. Comme il le montre très bien, la position négative d'Ado à l'égard des analyses de V. Révounenkov, professeur à l'Université de Léninegrad/Saint-Petersbourg, sur la dictature

Jacobine, était plus moderne que celles de ses collègues soviétiques dont la majorité les avaient résolument écartées.

Bovykine a également le mérite de nous présenter le rôle immense d'Ado dans l'organisation complexe de l'époque révolutionnaire. De mon côté, j'ai aussi attiré l'attention en maintes occasions sur ce fait important. Tout le monde sait que la science historique soviétique étudiait l'histoire de la Révolution exceptionnellement, voire essentiellement « d'en bas », en se concentrant sur les mouvements de gauche et de l'activité politique de leurs leaders. La thématique de la thèse d'Ado en est l'une des meilleures preuves. Or, sa position était toutefois différente de celles de bien d'autres, car il s'intéressait au cadre beaucoup plus vaste de l'histoire de l'époque révolutionnaire. C'est donc grâce à ses efforts que ses élèves ont entrepris l'étude non seulement de l'histoire des mouvements paysans de l'époque pré-révolutionnaire (E. Obitchkina, Z. Tchekantzeéva), mais aussi celle des courants de droite de la Révolution (T. Kondratiéva, A. Tyrsenko, E. Guseinov et D. Bovykine lui-même).

Ado a donné à l'Université de Moscou, depuis 1954 jusqu'à son décès, différents cours et surtout celui de l'histoire moderne des pays de l'Europe Occidentale. Son activité pédagogique est aussi minutieusement analysée par Bovykine. D'après V. Smirnov, son meilleur ami et collègue, Ado avouait qu'il aimait l'enseignement. Citons qu'à travers ce livre se dresse devant nous non seulement le portrait d'un homme modeste et très bienveillant envers ses collègues et ses élèves, mais aussi celui d'un maître exigeant. C'était donc l'un des traits caractéristiques d'Ado, qui se fait d'autant plus sentir quand on jette un coup d'œil sur son activité scientifique. G. Koutchérenko, qui le connaissait bien, m'a dit dans les années 1980 que son ami n'était pas intéressé par l'écriture de livres sur la Révolution dont le niveau aurait cédé à celui de son livre sur l'histoire du mouvement paysan. À vrai dire, je le comprends très bien. Or, d'après les attestations de quelques-uns de ses contemporains, cités par Bovykine, Ado avait l'intention de rédiger deux livres, l'un sur l'Ancien Régime et l'autre sur les insurrections paysannes dans les départements de l'ouest pendant la Révolution, d'autant plus que certains de ses collègues (surtout V. Daline) lui ont reproché d'avoir omis ce sujet dans son livre. Cependant, ses intentions n'ont pas été, hélas, réalisées, essentiellement car il a été privé de la possibilité de dépouiller les archives françaises. Il ne nous reste qu'à espérer que l'un de ses élèves aura la possibilité, ainsi que le désir, de continuer les recherches de son maître.

Quant aux dernières années de la vie d'Ado, l'auteur note qu'il a *grosso modo*

approuvé les changements politiques ayant eu lieu à la suite de la restructuration entreprise par Gorbatchev, car sa propre expérience l'a conduit à désespérer des idéaux communistes. En même temps Ado n'approuvait point l'éclatement de l'URSS et craignait la menace d'un accroissement du nationalisme. Je peux aussi constater, d'après des conversations eues avec lui à la Bibliothèque d'État russe en 1994, sa profonde déception à propos de l'échec des tentatives de E. Chevardnadze, Président de la Géorgie, destinées à régler pacifiquement la confrontation avec l'Abkhazie.

Et pour conclure, remercions Dmitiri Bovykine d'avoir publié ce livre qui prouve sa grande estime à l'égard de la mémoire de son maître. Espérons aussi que nos collègues russes ne tarderont pas à rédiger les biographies scientifiques d'autres historiens soviétiques, éminents spécialistes de l'histoire de la France, comme Albert Manfred, Victor Daline, Boris Porchnev et d'autres.

Inédit. Rédigé en 2010.

А. Тырсенко. Эмманюэль Жозеф Сийес и французская либеральная мысль его времени. М. Издательство Московского университета. 2005. 295 с.

Andrei Tyrsenko. Emmanuel Joseph Sieyès et la pensée libérale française de son époque. Moscou. Éditions de l'Université de Moscou. 2005. 295 p.

Dans l'histoire de la Révolution française, l'activité des mouvements dits de droite a longtemps été délaissée par les historiens soviétiques. L'historiographie russe contemporaine essaie de corriger cette lacune ; ainsi, Andrei Tyrsenko, maître de conférences à l'Université Lomonossov, élève d'Anatoli Ado, étudie depuis longtemps une histoire d'en *haut*, surtout centrée sur l'activité des Feuillants, à propos de laquelle il a publié un livre en 1999⁴²⁸. Son nouvel ouvrage, consacré à l'évolution intellectuelle de Sieyès, est la première étude du genre dans l'historiographie soviétique/russe. En qualifiant son personnage de penseur allant des principes et de l'argumentation abstraite vers la pratique politique (p. 3), il présente une interprétation profonde de l'évolution des idées de Sieyès de l'époque prérévolutionnaire à celle de Napoléon Ier. L'ouvrage repose sur le dépouillement d'une riche documentation, comprenant des œuvres imprimées, mais aussi de nombreux documents inédits tirés des papiers Sieyès conservés aux Archives nationales.

L'approche proposée est une interprétation des idées de Sieyès dans le

⁴²⁸ **A. Tyrsenko. Les Feuillants. Aux origines du libéralisme français. Moscou. 1999.**

contexte de la pensée libérale de son époque ; l'auteur étudie ainsi l'évolution des idées philosophiques, sociales et politiques de Sieyès, ainsi que son activité politique lors de la Révolution, en relation avec la formation de ses conceptions constitutionnelles.

A. Tyrsenko analyse l'influence des idées des Lumières sur la formation de la pensée de Sieyès, qui a été non seulement, comme il l'affirme, l'interprète des philosophes, mais aussi un créateur d'idées sur la nature de l'État et la politique. L'auteur concentre d'abord son attention sur l'attitude de Sieyès vis-à-vis de l'absolutisme, que ce dernier proposait de remplacer par une monarchie constitutionnelle (p. 63-65), tout en rejetant le principe de la séparation des pouvoirs. À travers ses brochures (*Essai sur les privilèges ; Vues sur les moyens d'exécution dont les Représentants de la France pourront disposer en 1789 ; Qu'est-ce que le Tiers-état ?...*), l'auteur étudie ses vues sur la nécessité de l'abolition des privilèges, du renversement de la monarchie absolue et de l'instauration d'un nouveau régime par l'adoption d'une Constitution dont le droit d'élaboration n'appartiendrait qu'à la nation. Andrei Tyrsenko conclut : « Les idées de Sieyès sur l'organisation constitutionnelle ont une grande portée théorique et sont à la base du constitutionalisme contemporain » (p. 103). Il démontre ainsi qu'en 1788-1789, Sieyès a contribué à bâtir un nouveau système du pouvoir, celui de l'universalité souveraine nationale, qui s'exercerait par les représentants de la nation (p. 119).

A. Tyrsenko accorde une place majeure à l'activité de Sieyès pendant la Révolution, en discutant surtout sa participation à l'élaboration de la Déclaration des droits de l'homme et du citoyen, au triomphe de la souveraineté nationale et du régime représentatif, ainsi qu'à l'unification politique du territoire français. En confrontant la position de Sieyès avec celle des « partis » de l'Assemblée, A. Tyrsenko rapproche ses vues de celles d'Alexandre Lameth, particulièrement sur un point important : le transfert du pouvoir aux propriétaires, quels qu'aient été leurs anciens statuts juridiques (p. 157). Considérée par les Feuillants comme l'un des droits principaux, la propriété semblait permettre un rapprochement entre les anciens privilégiés et les couches possédantes du tiers état. Pour autant, en 1791-1792, Sieyès restait désireux de conserver les acquis de la Révolution, parce qu'il la considérait toujours comme une lutte entre le peuple et l'Ancien Régime (p. 176).

Sous la Convention, selon A. Tyrsenko, Sieyès se range parmi les membres du « marais ». L'auteur analyse en détail sa participation aux travaux des comités de défense générale et d'Instruction publique, en soulignant que nombre de

ses propositions n'ont pas été retenues. Néanmoins, le projet d'instruction publique adopté par la Convention thermidorienne se réfère à ses idées (p. 191-192). Intéressé par la politique extérieure et, selon A. Tyrsenko, partisan des « frontières naturelles », Sieyès s'intéresse cependant avant tout aux questions constitutionnelles, particulièrement en l'an III. Aussi, l'auteur accorde une grande place à l'étude de l'époque thermidorienne, essentielle pour l'histoire ultérieure de ses vues politiques, parce que sa théorie constitutionnelle a été formée à cette époque. En se référant toujours aux droits de l'homme, Sieyès a mis à la base de sa vision de l'ordre public les notions de liberté, d'égalité (il ne s'agissait que de l'égalité des droits) et de propriété (p. 216). A. Tyrsenko a mis en évidence les différends entre Sieyès et les autres thermidoriens ; si ces derniers confondaient dans la Constitution les droits politiques des citoyens avec leurs droits civils, Sieyès, lui, accordait des droits civils à tous les Français (p. 219). Quant à l'organisation du pouvoir politique, l'auteur a très bien montré que Sieyès, n'acceptant pas toujours la théorie de la séparation des pouvoirs, ne confondait point le législatif avec l'exécutif. En même temps, il n'identifiait pas non plus ce dernier avec le gouvernement dont la fonction essentielle était, d'après lui, la préparation des propositions législatives (p. 225, 228). Or, ses propositions avaient été rejetées ; d'après la Constitution adoptée en l'an III, les pouvoirs avaient été séparés. Comme l'auteur le note, « les nouvelles élites politiques n'ont pas été capables de préciser et de réaliser indépendamment la politique de la France républicaine dans le cadre de la Constitution de 1795 » (p. 235). Il le prouve en se référant aux coups d'État du Directoire. Dans ce cas, je partage son opinion. Néanmoins, citons à titre d'observation, qu'il a omis de discuter les explications de Jean-René Suratteau à propos de l'échec du gouvernement directorial. Était-ce la guerre qui a empêché les dirigeants de la République d'instaurer un gouvernement stable ?

A. Tyrsenko poursuit en discutant les vues constitutionnelles de Sieyès en l'an VIII, quand ce dernier voulait encore instaurer un système représentatif au moyen de l'affirmation du pouvoir étatique, en citant dans ses ébauches, qu'il a redécouvertes dans ses archives, la priorité politique des élites révolutionnaires (p. 263). Il note avec raison que ses idées libérales ne correspondaient pas aux intentions du général Bonaparte. Le dernier chapitre du livre, également basé sur des documents inédits, est consacré à l'évolution des idées philosophiques de Sieyès à l'époque napoléonienne, quand ses principes de l'éthique libérale ont été formulés.

Dans l'ensemble, A. Tyrsenko ne doute pas que Sieyès poursuivait toujours

le but de remplacer au mieux l'ordre politique d'Ancien Régime ; mettant l'individu en avant, il avait rompu avec l'ancien ordre politique (p. 286). En outre, il souligne son rôle dans la formation des notions contemporaines comme « société politique », « peuple », « nation » que je n'ai pas eu la possibilité de présenter en détail.

AHRF. 2010. N° 362. Octobre-décembre. P. 191-192.

A.B. Гордон. Великая французская революция в советской историографии. М. Наука. 2009. 384 с.

Alexandre Gordon. La Grande Révolution française dans l'historiographie soviétique. Moscou. Naouka. 2009. 384 p.

De grands historiens russes et soviétiques, tels N. Karéiev, N. Loukine, V. Daline, V. Dounaïevski et d'autres ont minutieusement étudié la contribution de leurs prédécesseurs aux études révolutionnaires. Le récent livre d'Alexandre Gordon, élève d'Y. Zakher, diffère cependant de cette littérature, car il nous en présente une nouvelle vision. Comme l'auteur le note dans sa préface, il ne s'agit pas d'une approche traditionnelle, mais d'une approche culturelle et historique, autrement dit, théorique, qui permet de redécouvrir bien des particularités de l'évolution de la pensée historique en URSS, ainsi que de discuter de manière détaillée les mutations assez compliquées qui ont bouleversé la science historique soviétique.

On sait que la politisation de la science historique en URSS était beaucoup plus forte qu'ailleurs. A. Gordon a ainsi le mérite de discuter l'œuvre de ses prédécesseurs en prenant pour cadre les changements idéologiques ayant conditionné l'évolution des positions des historiens, en fonction des interprétations des fondateurs de la théorie marxiste et des instructions des chefs du Parti Communiste (les unes et les autres étant devenues pour eux des « idées fixes »). C'est l'idée principale du livre. En se référant à l'évolution de la politique, l'auteur distingue ainsi trois étapes de l'historiographie révolutionnaire soviétique : les années 1920, les années 1930 à 1950 et les années 1950 à 1980 (p. 15-16).

Dans un premier temps, A. Gordon analyse la position des bolcheviks. Après l'instauration de leur pouvoir, ils ont conçu la Révolution française comme un événement « prototype » de celui de 1917 et ont utilisé son expérience (surtout

l'exemple de la Terreur jacobine), notamment afin de justifier leurs répressions lors de la guerre civile. Selon l'auteur, c'est la conception historiographique typique de la première décennie de l'existence du pouvoir soviétique (p. 25). Il a sans doute raison d'affirmer que cette historiographie s'est formée dans les années 1920 exceptionnellement dans le cadre de la méthodologie marxiste. Il souligne par ailleurs l'un des traits spécifiques de la nouvelle science : pour la majorité des historiens de cette époque (N. Loukine, V. Daline et d'autres), souvent acteurs de la révolution de 1917, la Révolution française était devenue un moyen de mobilisation des forces politiques pour la défense de la révolution russe (p. 29).

En dépit de l'attitude univoque des historiens à l'égard de la Terreur, que je viens de mentionner, A. Gordon conclut qu'ils s'en tenaient *grosso modo* à l'interprétation classique de la Révolution, en soulignant son caractère bourgeois. Il note que parmi les trois aspects propres à la science soviétique (le matérialisme économique, le déterminisme des classes et la foi en l'omnipotence du pouvoir), celui de la signification progressiste de la lutte des classes occupait une position prépondérante : « L'idéologie a piloté la méthodologie », conclut-il (p. 49). Il n'est pas étonnant que, d'après les jugements avancés en 1926 par N. Boukharine, ayant opposé la Révolution française à la révolution de 1917 (dans le cas de la première il avait souligné le désaccord entre les objectifs capitalistes de la Révolution et la petite bourgeoisie, son moteur ; il s'agissait de la crainte d'une perspective d'un « Thermidor soviétique »), les historiens de l'URSS aient renoncé à recourir à des analogies historiques, comme ils le faisaient auparavant, entre ces deux révolutions, en traitant la Révolution française de « prototype » de la révolution russe. Cette circonstance les a obligé à réviser leur position à l'égard de la Révolution française en la qualifiant de révolution « antipode ».

L'historiographie soviétique de cette époque a identifié le caractère bourgeois de la Révolution à sa dimension antiféodale. Dans ces conditions, il était logique que les années 1930 voient se développer les études sur l'activité politique des Jacobins, comme représentants les plus déterminés de la classe révolutionnaire de leur époque. Certes, cette particularité de la science soviétique avait eu une autre raison, que l'auteur explique : les chercheurs tâchaient de motiver, à l'exemple des Jacobins, la nécessité de la dictature du Parti Communiste en URSS. Or, postérieurement, on étudia essentiellement l'activité des Jacobins en relevant leur rôle dans le processus d'écrasement de la féodalité et du pouvoir absolu (d'après la terminologie de cette époque) et du remplacement d'une des

formes de l'exploitation (féodale) par une autre (capitaliste). A. Gordon note à juste raison que cette circonstance a entravé certaines études, notamment dans le domaine de la contre-révolution. L'auteur de ces lignes peut constater par ailleurs les difficultés qu'il avait eu à surmonter lors de la publication de ses articles sur l'histoire de la contre-révolution à l'époque du Directoire.

A. Gordon insiste sur certains traits de la science soviétique : l'absence de pluralisme, la domination de la méthodologie marxiste (dans sa version soviétique bien sûr dont le fondateur a été Staline), la réalisation des études à partir du seul point de vue de la lutte des classes. Avec les années 1920 et 1930, l'auteur montre que ces caractères se renforcent ; les historiens soviétiques devaient suivre la ligne générale du Parti Communiste élaborée par Staline. On les obligeait de mener une lutte acharnée contre toutes les théories « bourgeoises ». Pour l'auteur, il s'agit là d'un nouveau type de science historique, qu'il qualifie d'« arme idéologique » (p. 86-88). À partir du milieu des années 1930, cependant, les vues de Staline concernant l'histoire changent ; il lance alors l'idée de la confrontation de la révolution socialiste avec la révolution bourgeoise, en définissant finalement la Révolution française non seulement comme un « antipode » de la révolution russe, mais en précisant également ses limites chronologiques de 1789 à 1794. De là dérive l'absence presque complète d'intérêt en URSS envers l'histoire post-thermidorienne et directoriale ; de là, aussi, souligne A. Gordon, procède le destin cruel de nombreux historiens soviétiques : G. Fridland a été fusillé, N. Loukine est mort en prison, Y. Zakher, V. Daline et bien d'autres ont été exilés comme « ennemis du peuple ».

Après la mort de Staline, malgré quelques changements idéologiques, les freins essentiels au libre développement de la pensée historique sont maintenus (il s'agit surtout de la monopolisation des recherches historiques par la théorie marxisme). Quant à l'idéologie du Parti Communiste, nul ne pouvait même contester sa vérité absolue (p. 178). Pour autant, A. Gordon ne sous-estime pas de nouvelles tendances apparues à la limite des années 1950-1960, qui transparaissent dans la qualité de « Grande » donnée à la Révolution française. Un processus de réhabilitation se déroulait dans les années 1960, à travers l'héroïsation de leaders jacobins. La Révolution française retrouve son statut de révolution « prototype » et Albert Manfred, le leader des historiens de la Révolution de cette époque a eu un grand mérite dans ce domaine. Ainsi, les historiens des années 1960-1970, tout en restant fidèles à la méthodologie marxiste, ont pu avancer des thèses variées et parfois en contradiction les unes avec les autres. Ils se sont notamment engagés dans une polémique sur la nature

de la dictature jacobine et du rôle historique des Jacobins. Si A. Manfred et les autres élèves de N. Loukine les considéraient toujours essentiellement, d'après les jugements de Lénine, comme les représentants de la moyenne et petite bourgeoisie, V. Révounenkov les présentait comme représentant les intérêts de la grande bourgeoisie. A. Gordon étudie minutieusement les péripéties de cette polémique (p. 287-318).

Concernant l'attitude des historiens soviétiques envers les approches non marxistes, particulièrement lorsqu'il s'agissait d'analyser l'histoire des masses populaires hors du cadre de la théorie de la lutte des classes, A. Gordon revient sur les réactions de V. Daline envers les derniers ouvrages de R. Cobb. Daline dénonçait « l'évolution » de R. Cobb, et lui reprochait d'avoir laissé de côté l'histoire de la lutte des masses (p. 267). Il montre ainsi très bien qu'on ne considérait comme historiens « progressistes », en URSS, que ceux qui s'en tenaient à la théorie marxiste. Dans les années suivantes, le pluralisme se développe. On l'aperçoit nettement dans le chapitre que consacre l'auteur à la célébration du Bicentenaire de la Révolution française en URSS ; d'après ses calculs, entre 1985 et 1989 ont paru quatorze monographies et autant de recueils d'articles (p. 327) (voir aussi à ce propos l'information que j'ai publiée dans les *AHRF : Chronique des ouvrages publiés à l'occasion du bicentenaire de la Révolution en Union Soviétique* – 1992, N° 288, p. 279-280).

Dans son ensemble, A. Gordon ne doute pas que l'étude de la lutte rurale a été la « contribution la plus importante » de ses prédécesseurs aux études révolutionnaires, citant les noms de N. Loukine et A. Ado (p. 366), dont il a analysé en détail les œuvres au fil de son livre. À proprement parler, cette conclusion me semble limitée, car je suis sûr que la contribution de nos prédécesseurs (V. Daline, A. Ioannissian, G. Tchertkova et d'autres) à l'étude de la pensée communiste et du mouvement des « enragés » (Y. Zakher) ne le cède pas par sa portée à celle citée par l'auteur. Il croit que « les historiens soviétiques et l'historiographie soviétique ont occupé dans son ensemble leur place dans la recherche mondiale de la Révolution française » (p. 369). Mais quelle place ? Il me semble que les historiens de l'URSS ont occupé une place majeure dans l'historiographie de la Révolution française, surtout si l'on prend en considération leur apport à l'étude de l'époque révolutionnaire vue d'*en bas*. Il ne faut pas oublier que les représentants les plus célèbres des différentes générations d'historiens français de la Révolution, d'Albert Mathiez à Jacques Godechot, ont constamment regretté de ne pas savoir lire le russe...

Bien d'autres aspects du livre mériteraient d'être présentés ou discutés.

Incontestablement, le livre d'Alexandre Gordon est une étude originale, critique et richement documentée, soutenue par la grande érudition de son auteur et son désir sincère de réévaluer impartialement la contribution de ses prédécesseurs à l'histoire de la Révolution française. Il nous invite à repenser la complexité de l'historiographie soviétique, et nous aide à nous orienter dans sa redécouverte.

AHRF. 2010. N° 362. Octobre-décembre. P. 193-195.

RÉSUMÉ

Le recueil d'articles et de comptes rendus de Varoujean Poghosyan, intitulé *Parmi les historiens* est composé de deux parties. Dans les textes rassemblés dans la première partie il brosse des portraits d'historiens soviétiques qu'il a eu la chance de longtemps côtoyer. Deux articles sont consacrés à Victor Daline, son maître, sous la direction duquel il a travaillé de 1978 à son décès, en 1985 ; c'est dès 1987 qu'a été rédigée la version préliminaire du premier article touchant sa vie et son œuvre. L'étude a été mise à jour après les mutations qui ont bouleversé la science historique russe, et la propre démarche de l'auteur, surtout à propos des interprétations avancées par V. Daline sur l'époque révolutionnaire et la contribution des historiens français du XXe siècle à sa compréhension (il s'agit en premier lieu de celle des représentants de l'école des *Annales*).

Dans le second article (*V.M. Daline, tel que je l'ai connu*), ainsi que dans les textes consacrés à A. Ioannissian, M. Nersissian (l'un et l'autre de l'*Académie arménienne*) et G. Koutchérenko, l'auteur brosse des portraits d'historiens, d'après des documents inédits tirés des archives et ses propres expériences. La majorité de ces historiens ont été spécialistes de l'époque révolutionnaire et de la pensée publique française du XVIIIe-XIXe siècle (M. Nersissian a été spécialiste d'histoire moderne d'Arménie). Leurs méthodes de travail, ainsi que leurs exigences envers eux-mêmes et envers leurs élèves, font de leurs parcours des témoignages, sans doute utiles en particulier aux jeunes chercheurs.

L'auteur a rédigé un article sur Jacques Godechot, l'un des plus grands historiens de la Révolution française, avec qui il n'a pas eu la chance de travailler, ayant été même privé de la possibilité de le rencontrer. En dépit de cela, il le considère pourtant comme l'un de ses maîtres, de même qu'Albert Manfred et Victor Daline. Il brosse le portrait de ce grand savant français d'origine juive d'après sa propre perception d'une œuvre majeure qui honore la science historique française. Il rappelle s'être opposé à la critique développée par les historiens marxistes français et soviétiques contre la notion de « révolution atlantique » de J. Godechot et R. Palmer, en soutenant *grosso modo* l'approche de M. Vovelle. En même temps, l'auteur a tâché d'élucider, dans la mesure du possible, sa grande contribution à la coopération entre les historiens de France et d'URSS, en se référant aux relations amicales qui ont uni V. Daline et J. Godechot, ainsi qu'en utilisant les lettres que ce dernier lui a adressées.

L'ouvrage comporte également un article sur la réédition du livre *Napoléon*, d'Eugène Tarlé, de l'*Académie soviétique*, réalisé en 1992 par V. Dounaïevski.

La majorité des articles réunis dans cette première partie a été publiée dans les éditions scientifiques russes, surtout dans l'*Annuaire d'études françaises*.

Dans la deuxième partie du recueil se trouvent un ensemble de comptes rendus consacrés à des travaux sur l'époque révolutionnaire et impériale, rédigés par des historiens soviétiques/russes dans les années 1986-2009 dont la majorité a été publié dans les *Annales historiques de la Révolution française* entre 1990 et 2010 (six comptes rendus ont été publiés pour la première fois). Certes, quelques-uns de ces livres, ainsi que leurs comptes rendus, portent indubitablement l'empreinte de l'époque de leur publication. Par delà cette diversité, ils offrent aux historiens français et étrangers de la Révolution française une entrée dans la recherche historique soviétique/russe pendant ce dernier quart de siècle, et permettent de mesurer l'ampleur des bouleversements que la science historique russe a subie.

L'auteur a emprunté le titre et la composition de ce livre à celui d'Emmanuel Le Roy Ladurie, éminent historien français (Paris, 1983).

Nos remerciements vont à M. Alexandre Tchoudinov, notre ami et collègue, rédacteur en chef de l'*Annuaire d'études françaises*, pour nous avoir soutenu lors de la préparation de ce livre à la publication, et pour avoir aimablement accepté de devenir son rédacteur. L'auteur est également très reconnaissant à M. Hervé Leuwers, rédacteur en chef des *Annales historiques de la Révolution française*, professeur à l'Université Lille III, d'avoir corrigé les textes des comptes rendus inédits, ainsi que pour son soutien et ses encouragements.

Le livre est dédié à la mémoire du professeur Jacques Godechot (1907-1989).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абалихин Б.С. — 123-126
Авербух Р.А. — 18, 50
Адо А.В. — 7-8, 22-23, 28,
31, 34, 38, 59, 74-75, 85-87
92-93, 106, 136, 139-141, 228
Айзенштадт С.М. — 16, 22
Айзин Б.А. — 25
Александр I — 178
Амбарцумян В.А. — 108, 117,
120, 130, 133
Андреева Т.В. — 45
Антрэг, де Л.А.А. — 72
Ариевич Г. — 120
Арутюнов Г.А. — 119
Арутюнян А.М. — 13

Б

- Бабеф Г. — 14, 18, 25-30, 32-33
45, 51, 53, 60, 62-63, 80
Бальзак О. — 58-59, 94, 151
Бантке С.С. — 17, 19, 22
Барг М.А. — 5, 109
Барраль П. — 42
Баррас Ж.-П. — 151
Барсегов Ю.Г. — 113
Бартелеми Ф. — 154
Белоусова З.С. — 60
Беляев К. — 120
Берг Д. см. Далин В.М.
Бёрк Э. — 188
Берто Ж.-П. — 147, 149
Бианши С. — 85
Бицов — 81-82
Блок М. — 38-39, 67

- Блуменау С.Ф. — 40, 182
Бовыкин Д.Ю. — 22-23, 33-34,
45, 74, 86, 100, 138, 206, 228
Болховитинов Н.Н. — 5, 7, 34
Борисов Ю.В. — 23, 57
Борье Г. — 101
Бочоришвили К.Г. — 153
Брежнев Л.И. — 57
Бродель Ф. — 39-41, 44, 51-53,
62, 136
Брюа Ж. — 51
Буассель Ф. — 103
Булазо М. — 88
Буонарроти Ф. — 23, 26

В

- Вандаль А. — 147, 149
Вебер Б.Г. — 37, 99-100
Верне О. — 155
Видадь Ж. см. Далин В.М.
Виллар К. — 20, 39
Винтер К. см. Далин В.М.
Виньи А. де — 58
Вите О.Т. — 138
Вовель М. — 6, 41, 78, 84, 103
Вознесенский В.Д. — 7, 88
Волгин В.П. — 14, 17, 30,
49, 55, 60, 62, 95-98, 103,
107, 109-110, 145
Волкогонов Д.А. — 52
Волох И. — 70
Вольтер Ф. — 57

Г

- Галилей Г. — 99-100

Галкин И.С. — 21, 45
 Ганалаян А.Т. — 115
 Гед Ж. — 36
 Гей Ж. — 102
 Генкина Э.Б. — 17
 Гефтер М.Я. — 25
 Гильом Д. — 35
 Гинцберг Л.И. — 47, 109-110
 Гладышев А.В. — 110, 143-145
 Гневушева Е.И. — 45
 Годвин У. — 188
 Годшо А. — 90
 Годшо Ж. — 9-10, 13, 29, 42
 51-52, 62-63, 67-68, 70- 85,
 87-91, 93-94, 105-107, 137-138,
 140-141, 146-148
 Годшо Т. — 89-90
 Гордон А.В. — 31, 43-44,
 49-51, 53, 66, 69, 104, 138,
 140, 186, 234
 Гоу Д. — 126
 Грамши А. — 15
 Грегуар А.Б., аббат — 71
 Греню Ж. — 101
 Григорян В.Р. — 107
 Гро А.-Ж. — 155-156
 Губер А.А. — 45
 Гутнова Е.В. — 100
 Гэно Б. — 85
 Гюго В. — 58, 71, 94

Д

Давид Ж.-Л. — 138, 155
 Даву Л.-Н. — 151
 Дайтон Д. — 156
 Далин В.М. — 5-7, 13-66, ,
 69-70, 72-74, 79-83, 87-88,

90-91, 95, 97, 99, 101-102,
 106-111, 115, 129, 134-137,
 142, 192
 Далин М.В. — 16, 23-24, 41,
 52, 63, 134
 Дантон Ж.Ж. — 26
 Де Голль Ш. — 74
 Дебон Р.Ф. — 101
 Деборин А.М. — 17
 Демирчян К.С. — 132
 Доде А. — 58
 Домманже М. — 30
 Дрейфус А. — 36
 Дрио Э. — 101, 147
 Дружинин Н.М. — 109
 Дунаевский В.А. — 7, 16-17,
 21, 28-29, 37, 45, 50, 73,
 84-85, 93, 101-102, 123, 145,
 147, 152-153, 155-157, 161
 Дюби Ж. — 6, 91
 Дюко Р. — 154
 Дюма А., отец — 73, 94
 Дютертр А. — 156
 Дюфресс Р. — 149

Е

Емельянова Н.В. — 58
 Епископосов Г.Л. — 119
 Ерусалимский А.С. — 47, 109
 Ефимов А.В. — 19, 21, 47

Ж

Желубовская Э.А. — 19
 Жером Бонапарт — 156
 Живаго Ю.А. — 145
 Жилин А.Н. — 147, 156
 Жильят — 71

Жиросе А.-Л. — 155
Жозефина Богарне — 151
Жорес Ж. — 38, 42, 67, 74, 92
Жуо Л. — 35
Жюльен М.-А., из Парижа
— 25-26, 102

З

Завитневич С.П. — 50
Загладин В.В. — 61
Зайдель Г. — 96
Захаров С.В. — 19
Захер Я.М. — 22, 99
Золя Э. — 94
Зоркий М.С. — 20
Зубов В. — 98

И

Иванов Р.Ф. — 47
Изабей Ж.-Б. — 156
Иллерицкий В.Е. — 45
Иль де, граф см. Людовик
XVIII

Иоаннисян А.А. — 95
Иоаннисян А.Р. — 5, 7, 25,
29, 59, 95-111, 126, 129-130,
135, 137
Итенберг Б.С. — 84-85, 165

К

Каганович Б.С. — 45
Казарян Г.М. — 113
Камбасерес Ж. — 154
Кан А.С. — 5, 59
Карбонель Ш.-О. — 83, 87-
89, 136, 142
Кареев Н.И. — 37, 86, 96

Кастело А. — 147, 149
Кастри де, герцог — 143
Кашен М. — 15
Киракосян А.Дж. — 121
Киракосян Дж.С. — 121
Киров А. — 16
Киселева Е.В. — 30, 80
Клио — 23, 47
Ключевский В.О. — 45
Кобб Р. — 42-43, 140
Коньо Ж. — 20
Косминский Е.А. — 17, 100
Кропоткин П.А. — 60
Крупская Н.К. — 15
Кузнецов И.В. — 118
Кузнецова Н.В. — 57, 138
Кун Б. — 15
Куниский С.Д. — 50
Кучеренко Г.С. — 5, 7, 28-29,
61, 87, 93, 101-102, 135-145
Кучеренко Н.Ф. — 144
Кюбер М. — 101

Л

Лабрусс Э. — 51
Ланн Ж. — 151, 154
Лафайет Ж. — 168
Лафарг П. — 36
Лебрен Ш. — 154
Лёверс Э. — 10, 45, 85
Ле Гофф Ж. — 6, 71
Легран Р. — 51, 62
Лёжон Л.Ф. — 156
Ленин В.И. — 15, 31
Лермонтов М.Ю. — 94
Леруа Ладюри Э. — 6, 8-9,
39-40, 52, 87

Летчфорд С.Е. — 106
Лефевр Ж. — 6, 28, 38, 42,
54, 67, 70, 92, 148-149
Лотте С.А. — 22
Лукин Н.М. — 17-19, 21-22,
31, 37, 45, 48-50, 55-56, 60,
64, 84, 86, 95, 150, 153, 161
Люблинская А.Д. — 135
Людовик XVIII — 80, 143, 156

М

Мабли Г.Б. — 27
Мадлен Л. — 147, 150
Мазорик К. — 8, 42, 75, 152
Макинтош Дж. — 188
Манандян Я.А. — 117
Манфред А.З. — 8-9, 16,
19, 23, 31-34, 45, 55-59, 61,
63, 66, 76, 78-79, 89-90, 95,
102-103, 105-107, 109-110,
126, 128-129, 134-138, 143,
147, 149, 151, 153, 218
Марат Ж.П. — 25-26, 55
Марешаль С. — 135
Маринович Л.П. — 13, 46
Мария Луиза — 151
Марков В. — 62, 102
Маркс К. — 39-40, 60
Матьез А. — 38, 42, 49-51,
67, 69-70, 83, 91, 96, 146
Мелконян Г.Г. — 24
Мелье Ж. — 145
Мерргейм А. — 25, 35-36
Меттерних К. — 156
Мигранян А.М. — 121
Микаелян В. — 108
Милицина Т.В. — 19
Мильская Л.Т. — 13, 46

Минц И.И. — 16
Мирабо Г.О.Р. — 31, 34, 58,
128-129
Молчанов Н.Н. — 5, 34, 51, 102
Моносов С.М. — 50
Мор Т. — 94
Моро Ж.В. — 153
Моруа А. — 58
Мотт Ш. — 156
Мохов И. см. Далин В.М.
Мурад, бей — 156
Мурадян П.М. — 131
Мустафа Кемаль — 120
Мхитарян М.А. — 95
Мюрат И. — 156

Н

Намазова А. — 136, 218
Наполеон Бонапарт — 7, 30
47, 58, 91, 100, 128, 146-157,
175, 178
Нарочницкий А.Л. — 7, 29
Нельсон Г. — 156
Немкрич А.М. — 25
Нерсисян М.Г. — 5, 7, 107,
112-134
Нечкина М.В. — 45, 73, 122-
123, 126-127, 134
Николаев Е.С. — 19, 22
Ньювенгуйс Д. — 35

О

Оболенская С.В. — 44, 49,
58, 61-62, 99-100, 138
Ованисян Р. — 126
Ожеро П.-Ф.-Ш. — 154
Озуф М. — 41

Олар А. — 50, 67, 148
Орбели И.А. — 45, 131
Орлик О.В. — 123-124

П

Павел I — 80
Палмер Р. — 75-77
Панеяха В.М. — 45
Парсамян В.А. — 128
Пастернак Б.Л. — 145
Пименова Л.А. — 73, 84-85,
92, 163
Пиотровский Б.Б. — 111
Питт У. — 156
Погосян В.А. — 7, 10, 21, 38,
42, 45, 59-60, 62-63, 80-85,
87-90, 92, 106, 113, 127-129,
134-135
Поздеева Л.В. — 47, 109-110
Покок Х. — 156
Покровский М.Н. — 17, 153
Пониатовский М. — 149
Поршнева Б.Ф. — 53, 55, 95,
109-110, 135-138, 145
Посконин В.С. — 92, 172
Потемкин Ф.В. — 95, 98
Прованский, граф см.
Людовик XVIII
Прометей — 58
Птифрер К. — 74
Пью Р. — 120

Р

Рабинович М.Б. — 94
Радек К.Б. — 15
Рахметов В.Н. — 20
Ревуненков В.Г. — 31, 106, 143

Ревякин А.В. — 98
Рей Ж. — 102
Ретиф де ла Бретон Н. —
97, 103
Рише Д. — 40, 142
Робеспьер М. — 26, 31, 34,
51, 58, 128-129
Романов Б.А. — 45
Рубинский Ю.И. — 57
Руссо Ж.Ж. — 27-28, 31,
34, 58, 128-129, 135, 138
Рустам Раза, мамелюк — 155
Рыбаков Б.А. — 122

С

Саакян Р.Г. — 113, 132
Сайтта А. — 30
Савин А.Н. — 64
Санд Ж. — 73
Саркисян Д.М. — 132
Свердлов Я.М. — 20
Севостьянов Г.Н. — 13, 46
Сен-Жюст Л.-А. — 186
Сератти Д. — 15
Серова О.В. — 57
Сиейес Э. — 154, 232
Сироткин В.Г. — 74
Смирнов В.П. — 41, 55, 64,
92, 110, 139, 172
Собуль А. — 5, 13, 28-30,
39, 51-52, 55, 62-63, 67, 70,
75-76, 78, 84, 87, 103, 105, 135
Согрин В.В. — 7
Соколова М.Н. — 87
Солженицын А.И. — 53
Соловьев С.М. — 45
Соломонов В.А. — 45

Сорель А. — 147
 Сталин И.В. — 34, 49-50, 152
 Старосельский Я.В. — 22, 50
 Старостин Е.В. — 24, 59
 Суворов А.В. — 112, 118, 156
 Суриков В.И. — 156
 Сю Э. — 73
 Сюратто Ж.-Р. — 6, 62, 67,
 70, 103

Т

Табагуа И.М. — 6
 Талейран Ш.-М. — 8, 146, 151
 Тарле Е.В. — 7-8, 16-17, 45,
 49-50, 64, 73, 94, 96, 98-99,
 110, 146-153, 155, 157
 Тарле О.Г. — 94
 Тельман Э. — 15
 Терсен Э. — 147
 Тихомиров М.Н. — 45
 Товмасьян С.А. — 130
 Толстой Л.Н. — 64, 70, 94
 Тольятти П. — 15
 Торез М. — 15
 Тренар Л. — 135
 Троицкий Н.А. — 178
 Троцкий Л.Д. — 50, 52
 Трухановский В.Г. — 5, 102,
 107, 121
 Тряпицин Е.И. — 88
 Тубер П. — 6, 71
 Туган-Барановский Д.М. —
 33, 175
 Тюлар Ж. — 6, 91, 147, 149,
 157
 Тырсенко А. — 232
 Тьер А. — 154

Тьерри О. — 154

У

Утченко С.Л. — 102, 109
 Ушаков Н. — 121

Ф

Февр Л. — 38-39, 67
 Федоренко И.Г. — 124
 Федоров В.А. — 122
 Федоров М.А. — 119
 Ферро М. — 87, 142
 Фрейнберг Н.П. — 50
 Фридлянд Г.С. — 21-22, 50
 Фурнье Ж. — 93
 Фурье Ш. — 97, 102

Х

Худавердян К.С. — 127

Ц

Цвибак М. — 96
 Цеткин К. — 15
 Цфасман А.Б. — 17, 45, 84, 161

Ч

Чапкевич Е.И. — 45, 147,
 152-153, 155
 Чарни И. — 10
 Чеканцева З.А. — 87, 89
 Чепурина М.Ю. — 32, 69
 Черкасов П.П. — 168
 Чернов С.Н. — 45
 Черняк Е.Б. — 5, 33, 87, 153
 Черткова Г.С. — 7, 28, 59, 93

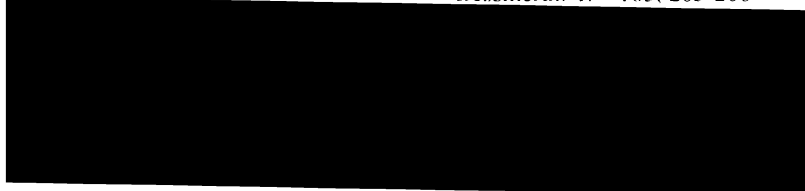
Чистякова Е.В. — 45
 Чубарьян А.О. — 5
 Чудинов А.В. — 10, 86, 89,
 106, 188, 192, 197, 202, 210,
 214, 222, 225

Ш

Шапои Ж.К. — 101
 Шарль Ж. — 54
 Шесль Ж.Б. — 156
 Шен-Ченсиню — 34
 Шоссинан-Ногаре Г — 40

Э

Энгельс Ф. — 18
 Эрве Г. — 35

Я

Яковлев Н.Н. — 25

А

Achille — 195, 201
 Ado A. — 163, 175, 183, 196,
 205, 209, 213, 216-218, 220,
 227-232, 238
 Afanasiev Y. — 204
 Agulhon M. — 172, 184
 Alexandre Ier — 100, 166,
 178, 181
 Alexandre II — 167
 Amini I. — 101
 Aulard A. — 227

В

Babeuf G. — 26-27, 30, 62,
 186, 192, 195, 206, 224-226, 228
 Baczko B. — 194, 200
 Barras J.-P. — 226-227
 Barruel A., abbé — 190
 Bastier J. — 184
 Belinski V. — 166
 Bercé Y.-M. — 214
 Berdin J.-D. — 149
 Berelowitch W. — 221
 Bernadotte J.-B. — 201, 221
 Bertaud J.-P. — 149, 180, 182, 185
 Berthier L.A. — 171
 Bessmerth Y. — 183, 205-206

Bosc Y. — 195
 Botchorichvili C. — 182
 Boukharine N. — 236
 Bouloiseau M. — 88
 Bovykine D. — 195, 200-201,
 205-210, 216, 218, 226-229, 232
 Braudel F. — 193, 204, 216, 230
 Brune G.M.A. — 171
 Brunel F. — 184
 Burke E. — 188-190

С

Calonne Ch.A. — 164
 Caratini R. — 170
 Carminiani J. — 179
 Carnot L. — 226

Carrier J.-B. – 201
 Castelot A. – 149
 Castonnet des Fosses H. – 100
 Castries, duc de – 143
 Chaussinand-Nogaret G. –
 163, 165, 183
 Chevardnadze E. – 232
 Church C. – 185
 Cobb R. – 42, 215-216, 238
 Cobban A. – 212
 Cochin A. – 190
 Coleridge S.T. – 223
 Constant B. – 176
 Couthon G. – 186, 213
 Covington S.A. – 224
 Crouzet F. – 223
 Custine A., de – 220

D

Daline M. – 193, 204, 222
 Daline V. – 20, 26-27, 30, 41, 51, 162,
 180, 186, 191-194, 196-197,
 202-205, 215-220, 222, 224-225,
 227-228, 231-232, 235-238
 Daniel J. – 41
 Danilova Y. – 195
 Delacroix C. – 70
 Derjavyne K. – 201
 Djédjoula K. – 166
 Dobrolioubski K. – 196
 Dommanget M. – 228
 Dosse F. – 70
 Dostoïevski F. – 224
 Dounaéva Y. – 202
 Dounaïevski V. – 161-162, 196, 227,
 229, 235, 241
 Driault E. – 101

Drouet J.-B. – 25-226
 Duby G. – 206
 Dufraisse R. – 149, 180
 Dupuy R. – 215
 Duroselle J.-B. – 204
 Duval M. – 187

E

Efrémov F. – 221
 Egorov A. – 201

F

Fierro A. – 182
 Filippov I. – 214
 Fonvizin D. – 166
 Forrest A. – 195, 223
 Fournier G. – 68, 93
 Freche G. – 184
 Fridland G. – 237
 Friguglietti J. – 50
 Frolov V. – 222
 Furet F. – 41, 74, 87, 174, 183, 190,
 199, 204-205, 219

G

Gainot B. – 42, 76, 78
 Galkine I. – 161-162, 229
 Garcia P. – 70
 Gardane C.M. – 101
 Gladyshev A. – 202, 205, 214, 216
 Godechot J. – 29, 42, 54, 67-68, 70,
 72, 74, 76-78, 88-89, 91-92,
 146-148, 171, 178, 180, 185,
 193, 210, 224, 238, 241-242
 Godwin W. – 188-191
 Gorbachev M. – 206, 232
 Gordon A.V. – 186-188, 195-196,

203, 234-239
 Goubert J.-P. – 186
 Goujard P. – 184
 Gourevitch A. – 183
 Grégoire H.B., abbé – 72
 Grenon M. – 184
 Gueniffey P. – 200
 Guerrier W. – 227
 Guibert-Sledziewski E. – 184
 Guseinov E. – 231

H

Hartig A.I. – 78-79
 Herzen A. – 166, 224
 Hildesheimer F. – 214
 Hincker F. – 184
 Hoche L. – 226-227

I

Ioannissian A. – 101, 223-224, 238, 241
 Itenberg B. – 165-168

J

Jaurès J. – 174, 228
 Joubert B.-C. – 185
 Jouhaud H. – 214
 Jullien M.-A., de Paris – 190, 227

K

Kaganovitch B. – 196, 201, 229
 Kaninskaya G. – 204
 Kant I. – 223
 Karamzin N. – 166
 Karéiev N. – 86, 167, 195, 197,
 227, 235
 Kavélin K. – 167
 Kissélioia H. – 171, 221

Klutchevski V. – 193
 Kojokine E. – 163, 175
 Kondratieva A. – 214
 Kondratieva S. – 214
 Kondratiéva T. – 231
 Korolev A. – 223
 Kosminski E. – 193
 Koutchérenko G. – 161, 188, 205,
 216, 230-231, 241

L

Lafayette M. J. – 168-170
 Lameth A. – 233
 Lamoignon E.-F. – 164
 Langerons A. – 164, 221
 Lannes J. – 181
 Le Bas P. – 188
 Lébédéva H. – 195
 Lebrun F. – 186
 Lefebvre G. – 6, 70, 92, 148-149,
 179-180, 187, 191, 216, 228
 Le Goff J. – 193
 Legrand R. – 62, 193, 203
 Lemarchand G. – 184, 215
 Lemay E.H. – 194, 197, 213
 Lénine V. – 31, 177, 206, 238
 Le Roy Ladurie E. – 9, 219, 242
 Letchford S. – 205, 217, 225
 Leuwers H. – 242
 Liechtenhan F.-D. – 220
 Lomonossov M. – 206, 229, 232
 Louis le Grand – 212
 Louis XVI – 168, 187, 222-223
 Louis XVIII – 143, 201-202
 Loukine N. – 37, 86, 161-162, 168,
 180, 192, 203, 205, 211, 229,
 235-238, 241

Lovtchev V. – 201

M

Mackintosh J. – 188-191

Manfred A. – 8, 56, 58, 63, 162, 168-169, 171, 175, 177-178, 180, 186, 197-198, 203-205, 217-220, 222, 225, 227, 229, 232, 237-238, 241

Marat J.P. – 186-187, 213

Marianne – 220

Markov W. – 193, 195, 224

Marx K. – 206, 214

Mathiez A. – 50, 67, 70, 162, 174, 203, 219, 228, 238

Mazauric C. – 8, 152, 184, 204-205, 217-220, 228

Meslier J. – 229

Messerlian Z. – 113

Mirabeau H.G.R. – 168-169

Mitrofánov A. – 221

Moltchanov N. – 168, 211

Monk G. – 170

Montesquieu Ch. – 209

Moreau J.V. – 171, 181

Morineau M. – 184

Mousnier R. – 214

Murat J. – 181-182

N

Namazova A. – 218, 220

Napoléon Bonaparte – 58, 91, 100-101, 148-149, 168, 171, 175, 177-182, 185, 219-221, 232, 234

Napoléon II – 181-182

Nersissian M. – 241

O

Obitchkina E. – 231

Obolenskaya S. – 194, 203

Ozouf M. – 87, 185, 205

P

Palluel-Guillard A. – 182

Palmer R. – 241

Paul Ier – 168, 201-202

Pelletier M. – 184

Pestel P. – 166

Petitfrère. C. – 74, 78

Pichegru J.-Ch. – 171, 181

Pierre le Grand – 221

Piménova L. – 163-165, 175, 199-200, 217, 221-222

Plonger B. – 185

Poghosyan V. – 63, 203, 241

Pojarskaya S. – 220

Poniatowski M. – 149

Popov V. – 167

Porchnev B. – 204, 214-215, 224, 229, 232

Poskonine V. – 163, 172-173, 175

Promislov N. – 221

Puaux R. – 120

Q

Quarré de Verneuil – 100

R

Radichtchev A. – 166

Razoumovski A. – 201

Reichstadt, duc de voir

Napoléon II

Reubell J.-F. – 226

Révounenkov V. – 198, 205-206, 217, 230, 238

Richet D. – 183

Robespierre A. – 195
 Robespierre M. – 162, 169, 181,
 186-187, 194
 Robin R. – 184
 Roginski V. – 221
 Romme G. – 197
 Rostislavlev D. – 197, 201-202
 Roubinski Y. – 218-219
 Rousseau J.J. – 169, 209
 Roux J. – 195
 Rummel R. – 211

S

Saint-Just L.A. – 186-188, 195
 Saint-Simon A. – 202
 Saitta A. – 30
 Sanson R. – 172
 Savine A. – 193
 Schiappa J.-M. – 228
 Schtekli A. – 224
 Sébastiani H.F.-B. – 101
 Sentou J. – 184
 Sieyès E. J. – 149, 201, 232-234
 Skazkine S. – 229
 Smirnov V. – 163, 172-175, 193, 204,
 217-220, 231
 Soboul A. – 30, 51, 63, 72, 76-77,
 174, 179-180, 184, 187-188, 193,
 204-205, 228, 230
 Soghomonyan A. – 220
 Sokolova M. – 204
 Souvorov A. – 168
 Staël G., de – 176, 221
 Staline I. – 217, 237
 Starostine E. – 203
 Strangé M. – 165
 Stroganov P. – 197, 213, 222

Suratteau J.-R. – 6, 67, 87, 92, 171,
 185, 193, 234

T

Taine I. – 167, 190, 227
 Talleyrand Ch. M. – 149, 168, 181
 Tarlé E. – 152, 168, 175, 177-178,
 180, 219, 229, 241
 Tchapekevitch E. – 229
 Tchékantséva Z. – 214, 231
 Tchépourina M. – 224, 228
 Tcherkassov P. – 168-171
 Tchernovertskaia T. – 188
 Tchertkova G. – 195, 206, 224, 238
 Tchoudinov A. – 186, 188-192, 194,
 197-198, 202, 210-214, 217-218,
 222-225, 227-228, 242
 Ternon Y. – 113
 Thiry J. – 179, 181
 Thuillier G. – 45
 Tougan-Baranovski D. – 171, 175-177
 Tourgueniev N. – 221
 Trainé J. – 179
 Troitski N. – 178-182
 Troper M. – 195
 Tsphasman A. – 161-162, 229
 Tulard J. – 45, 91, 149, 179-182
 Turgot A.-R.-J. – 164
 Tyrsenko A. – 197, 201, 231-234

V

Vallay Ch. – 188
 Vandal A. – 100, 171, 179-180
 Vergennes Ch. G. – 222
 Vidal J. voir Daline V.
 Vidal-Naquet P. – 9
 Vipper R. – 133

Volguine V. – 186, 193, 197, 203,
222, 224-225
Voltaire F.M.A. – 229
Vovelle M. – 41, 78, 85, 93, 174,
184-185, 216, 220, 241

W

Weber B. – 227

Willard C. – 20
Wolikov C. – 184
Woronoff D. – 185

Z

Zakher Y. – 187, 194, 203, 235,
237-238
Zilberpharb I. – 172

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Абукир – 156
Абукирский залив – 156
Австрийская империя – 154
Александров – 23
Америка – 78-79
Англия – 145
Армения – 112, 117, 121-122,
126-128, 131, 133, 137
Армянская ССР – 5, 80, 95,
98, 103, 107-109, 114, 127,
130-132
Аррас – 30
Асперн – 154
Атлантический океан – 155
Аустерлиц – 151

Б

Балашов – 175
Безансон – 47, 49
Бессарабия – 17
Бородино – 151, 157
Брест – 67
Брянск – 40, 182
Будапешт – 108

В

Вандом – 30
Ватерлоо – 156
Венгрия – 52, 108
Владивосток – 23
Владимирская область – 23
Восток – 100

Г

ГДР – 26
Германия – 72

Е

Европа – 18-19, 25, 35, 49,
71, 78-79, 92, 100
Египет – 149, 156
Ереван – 59, 79, 80, 83, 85,
95, 98-99, 107-108, 112-114,
119-120, 122-123, 128-129, 135
Ереванское ханство – 107

З

Закавказье – 100, 112
Запад – 16, 18, 37, 87, 142, 153
Западная Европа – 5, 60, 97,
107, 136

И

Иена — 151

Иерусалим — 10, 46

Измир см. Смирна

Инта — 23

Испания — 81

Италия — 72, 78

Итальянское королевство — 146

К

Кавказ — 112, 119, 122-124

Калифорния — 126

Кампоформио — 154

Карс — 113

Кисловодск — 115

Кишинев — 17

Краснодар — 124

Л

Лейпциг — 151, 156

Ленинград — 16, 20, 96-97

Лилль — 10

Лонгвуд — 155

Лос Анжелос — 126

Люневиль — 71

М

Магадан — 23

Мон-Табор — 156

Монпелье — 41

Москва — 8, 13-21, 23-37, 40-42, 45-46, 49, 52-55, 58-60, 67, 76, 79-80, 82, 84, 87, 89, 91, 94, 96-97, 101-102, 113, 115-116, 122-123, 128, 134, 137-138, 144-145, 147, 150-151, 153, 156, 161, 163, 165, 168, 172, 178, 188, 192, 197,

202, 206, 210, 214, 218, 222, 225, 232, 235

Н

Нанси — 72

Нор — 19, 54

О

Одесса — 13-15

Олимп — 152

Орел — 45

Османская империя — 9, 112-114, 119, 121, 129, 133

П

Павловск — 71

Париж — 6, 23, 27, 42, 49, 63, 89, 138, 12, 146, 156

Пассариано — 154

Печора — 23

Пикардия — 18

Пиренеи — 81

Португалия — 52

Пятигорск — 118

Р

Рим — 75

Российская империя см.

Россия

Российская Федерация — 120-121

Россия — 8, 16, 18, 22, 57, 74, 79-80, 82, 90, 98, 100, 110, 113, 124-125, 152, 156

С

Санкт-Петербург — 45, 186

Саратов — 22, 45, 49, 110, 228

Север см. Нор
Северный Кавказ — 118
Сен-Жан-д'Акр — 156
Смирна — 120
Советская Армения см.
Армянская ССР
Советский Союз см. СССР
СССР — 5, 8, 20-21, 34, 50,
53, 55, 57-59, 64, 69, 79-80,
97-99, 104-106, 109, 116, 120,
122, 129-130, 132, 135, 138,
144, 146
Ставрополь — 118
Стокгольм — 53
Страсбург — 67
США — 113

Т

Тбилиси — 95
Тильзит — 100
Тифлис см. Тбилиси
Тулуза — 68, 138
Трафальгар — 156
Турция — 9, 113

У

Украина — 14-15, 124

Ф

Фонтенбло — 151
Франция — 8, 13-26, 31-33,
35-40, 42, 44-45, 47, 49, 52-
55, 57-60, 64, 68-73, 75, 77-
79, 83, 85-86, 92-95, 97, 101-
102, 104-107, 110-111, 124,
135, 137-138, 140-142, 144-
150, 152, 154

Х

Химки — 138

Ц

Центральная Европа — 78

Ч

Чернигов — 123

Ш

Швейцария — 72

Швеция — 59

Э

Эсслинг — 154

Ю

Юг — 81-82

Я

Ярославль — 23

Ясная Поляна — 70

А

Abkhazie — 232

Aix — 174

Allemagne — 162

Amérique — 76, 148

Amiens — 223

Angers — 100

Angleterre — 188-189, 199, 222-223

Ardahan — 113

Arménie — 225, 241

Atlantique — 169

Austerlitz — 181

Autriche — 201

B

Balachov – 175
Belgique – 220
Berlin – 26
Besançon – 174, 192
Beyrouth – 113
Briansk – 182-183
Bruxelles – 149
Budapest – 108

E

Égypte – 171, 179
Empire russe – 201, 207
Espagne – 220
Est – 187
États-Unis – 199, 211
Europe – 76, 148, 181, 193, 195,
219, 221, 223
Europe Occidentale – 161-162, 231

F

Firenze – 78
France – 70, 76, 78, 86, 100, 149,
162-165, 167, 172, 176, 180-185,
187-188, 192, 195-196, 199, 201-
202, 207, 209, 212, 214-215, 217-
223, 225, 228-229, 234, 241

G

Géorgie – 232
Grande-Bretagne voir Angleterre

H

Hollande – 171

I

Irlande – 226

Israël – 211

Istanbul – 119

Italie – 168, 179

K

Kars – 113
Kazan – 229
Kiev – 166

L

Léningrad – 191, 205, 230
Lille – 242

M

Méditerranée – 204
Midi toulousain – 68
Moscou – 27, 41, 58, 101, 152,
161-163, 165-166, 168-169, 172,
175, 178, 182, 186, 188, 192-193,
197, 202, 206, 210, 214, 218,
222, 224-225, 229-232, 235

N

Nice – 195
Nièvre, département – 163
Nord – 170, 187
Novorussie – 221

O

Occident – 161
Odessa – 163-164, 192
Oriol – 229
Oxford – 42

P

Paris – 6, 9, 20, 30, 41-42, 45, 50,
62, 70, 72, 74, 76, 78, 87, 89,

100-101, 143, 148-149, 162-163,
165, 170, 174, 180-82, 184-185,
190, 209-210, 226
Perse – 100-101

R

République batave – 171
Rhin – 187
Russie – 86, 165-168, 175, 180-
182, 197, 206, 210, 217-218, 220-
221, 224, 227

S

Sainte-Hélène – 220
Saint-Petersbourg – 186, 191, 229-230
Saint-Pierre-le-Mouthier – 163-164
Saratov – 171, 175, 178, 182, 225, 228
Сибэрие – 168, 203
Smyrne – 120

Suède – 221

T

Toulouse – 68, 146

U

Ukraine – 225
Union Soviétiqne voir URSS
URSS – 161-163, 168, 175, 183,
191-192, 196, 203, 205-206, 216-
617, 219, 223, 230, 235-238, 241

V

Vendée – 211
Vendôme – 226
Vienne – 201
Vizille – 214
Volgograd – 175

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИ – Вопросы истории
ИКП – Институт красной профессуры
ИМ – Историк-марксист
ИФЖ – Историко-филологический журнал
НАА – Национальный архив Армении
НИНИ – Новая и новейшая история
ФЕ – Французский ежегодник
АНРФ – Annales historiques de la Révolution française

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Первый раздел: статьи	
Глава I Виктор Моисеевич Далин	13
Глава II В.М. Далин, каким я его знал	47
Глава III Жак Годшо: взгляд со стороны	67
Глава IV А.Р. Иоаннисян: портрет историка	95
Глава V М.Г. Нерсисян: штрихи к портрету	112
Глава VI Г.С. Кучеренко (по личным воспоминаниям)	135
Глава VII О переиздании книги академика Е.В. Тарле «Наполеон»	146
Второй раздел: рецензии	
В.А. Дунаевский, А.Б. Цфасман. Николай Михайлович Лукин. М. 1987.	161
Л.А. Пименова. Дворянство накануне Великой французской революции. М. 1986.	163
Б.С. Итенберг. Россия и Великая французская революция. М. 1988.	165
П.П. Черкасов. Лафайет. Политическая биография. М. 1991.	168
В.П. Смирнов, В.С. Посконин. Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции, 1789-1989. М. 1991.	172
Д.М. Туган-Барановский. Наполеон и власть. (Эпоха консуль- ства). Балашов. 1993.	175
Н.А. Троицкий. Александр I и Наполеон. М. 1994.	178
С.Ф. Блуменау. Споры о революции во французской историчес- кой науке второй половины 60-х — 70-х годов. Брянск. 1994.	182
Луи Антуан Сен-Жюст. Речи. Трактаты. Ответственный редак- тор А.В. Гордон. Санкт-Петербург. 1995.	186
А.В. Чудинов. Размышления англичан о Французской рево- люции. Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М. 1996.	188
Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М.	

Далина (к 95-летию со дня рождения). Ответственный редактор А.В. Чудинов. М. 1998.....	192
Французский ежегодник — 2000. 200 лет Французской революции 1789-1799 гг.: Итоги юбилея. Ответственный редактор А.В. Чудинов. М. 2000.....	197
Французский ежегодник — 2002. Историки Франции. К 100-летию В.М. Далина (1902-1985). Главный редактор А.В. Чудинов. М. 2002.	202
Д.Ю. Бовыкин. Революция окончена? Итоги термидора. М. 2005.....	206
А.В. Чудинов. Французская революция. История и мифы. М. 2007.....	210
Французский ежегодник — 2007. Советская и французская историографии в зеркальном отражении: 20 — 80-е годы XX века. Главный редактор А.В. Чудинов. М. 2007.....	214
Россия и Франция: исторический опыт XVIII-XIX веков. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию А.З. Манфреда, 27-29 сентября 2006 г. Ответственный редактор А.С. Намазова. М. 2008.	218
Французский ежегодник — 2008. Англия и Франция — соседи и конкуренты. Главный редактор А.В. Чудинов. М. 2008.....	222
Французский ежегодник — 2009. Левые во Франции. Главный редактор А.В. Чудинов. М. 2009.	225
Д.Ю. Бовыкин. Анатолий Васильевич Адо: образ и память. Саратов. 2007.	228
А. Тырсенко. Эмманюэль Жозеф Сийес и французская либеральная мысль его времени. М. 2005.	232
А.В. Гордон. Великая французская революция в советской историографии. М. 2009.....	235
Résumé	241
Указатель имен.....	243
Указатель географических названий	254

TABLE DES MATIÈRES

Préface	5
Première partie : articles	
Chapitre I Victor Moiséevitch Daline	13
Chapitre II V.M. Daline, tel que je l'ai connu	47
Chapitre III Jacques Godechot : regard d'un historien étranger	67
Chapitre IV A.R. Ioannissian : le portrait de l'historien	95
Chapitre V M.G. Nersissian : portrait scientifique	112
Chapitre VI G.S. Koutchérenko (d'après des souvenirs personnels)	135
Chapitre VII Sur la réédition de <i>Napoléon</i> d'Eugène Tarlé, de l' <i>Académie soviétique</i>	146
Deuxième partie : comptes rendus	
Vladimir Dounaïevski, Arkadi Tsphasman. Nikolaï Mikhaïlovich Loukine. Moscou. 1987	161
Loudmila Piménova. La noblesse à la veille de la Grande Révolution française. Moscou. 1986.	163
Boris Itenberg. La Russie et la Grande Révolution française. Moscou. 1988.	165
Piotr Tcherkassov. Lafayette. Biographie politique. Moscou. 1991.	168
Vladislav Smirnov, Vladimir Poskonine. Les traditions de la Grande Révolution française dans la vie politique de la France, 1789-1989. Moscou. 1991.	172
Djoutchi Tougan-Baranovski. Napoléon et le pouvoir (l'époque du Con- sulat). Balachov. 1993.	175
Nikolaï Troitski. Alexandre I ^{er} et Napoléon. Moscou. 1994.	178
Siméon Blumenau. Discussions sur la Révolution dans la science historique française du milieu des années 1960 jusqu'en 1979. Briansk. 1994.	182
Louis Antoine Saint-Just. Discours. Traités. Textes réunis par A. Gordon. Saint-Petersbourg. 1995.	186
Alexandre Tchoudinov. Réflexions des Anglais sur la Révolution française. E. Burke, J. Mackintosh, W. Godwin. Moscou. 1996.	188
Études historiques sur la Révolution française. Hommage à Victor Daline (1902-1985). Sous la direction d'Alexandre Tchoudinov, en collaboration avec	

Dmitri Bovykine et Galina Tchertkova. Moscou. 1998.....	192
Annuaire d'études françaises – 2000. Le Bicentenaire de la Révolution française de 1789-1799. Textes réunis par A. Tchoudinov. Moscou. 2000...	197
Annuaire d'études françaises – 2002. Les historiens de la France. Le centenaire de Victor Daline (1902-1985). Textes réunis par A. Tchoudinov. Moscou. 2002.....	202
Dmitri Bovykine. La Révolution est-elle faite ? Le bilan de Thermidor. Moscou. 2005.....	206
Alexandre Tchoudinov. La Révolution française. Histoire et mythes. Moscou. 2007.....	210
Annuaire d'études françaises – 2007. Les historiographies soviétique et française dans un reflet miroir : années 1920-1980. Textes réunis par A. Tchoudinov. Moscou. 2007.....	214
Russie-France : expérience historique des XVIII ^e -XIX ^e siècles. Actes de la conférence internationale consacrée au centenaire de A. Manfred, 27-29 septembre 2006. Sous la direction de A. Namazova. Moscou. 2008.....	218
Annuaire d'études françaises – 2008. L'Angleterre et la France, voisines et concurrentes. Textes réunis par A. Tchoudinov. Moscou. 2008.....	222
Annuaire d'études françaises – 2009. Les gauches en France. Textes réunis par A. Tchoudinov. Moscou. 2009.....	225
Dmitri Bovykine. Anatoli Vasiliévitch Ado : image et mémoire. Saratov. 2007.....	228
Andrei Tyrsenko. Emmanuel Joseph Sieyès et la pensée libérale française de son époque. Moscou. 2005.....	232
Alexandre Gordon. La Grande Révolution française dans l'historiographie soviétique. Moscou. 2009.....	235
Résumé	241
Index des noms propres	243
Index des lieux géographiques.....	254

ОБ АВТОРЕ

Погосян Варужан Арамаздович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории НАН Армении, специалист по истории Французской революции XVIII столетия и французской историографии. Автор более ста печатных работ, опубликованных в научных изданиях Армении, России, Франции, Италии, Австрии, Венгрии, Ливана, Сирии, в том числе книг:

Переворот 18 фрюктидора V года во Франции. Ереван. 2004.

Первый этап геноцида армян через призму французской историографии и общественной мысли (конец XIX — начало XX столетия). Ереван. 2005 (на арм. яз.).

Армянские погромы 1909 г. в Киликии через призму французской историографии. Ереван. 2009 (на арм. яз.).

Армяне — сподвижники Наполеона: история и мифы. Ереван. 2009.

Les massacres des Arméniens de Marache en 1920. Recueil de documents. Documents réunis et présentés par Varoujean Poghosyan. Erevan. 2010.

Подготовил к изданию:

М. Мхитарян. Журнал «Айкакан ашхар» Хорена Степане. Ереван. 2002 (на арм. яз.).

М. Мхитарян. Отклики венгерской революции 1848-1849 гг. в армянской действительности. Ереван. 2003 (на арм. яз.).

М. Мхитарян. Вопросы налбандяноведения. Ереван. 2008 (на арм. яз.).

А.Р. Иоаннисян. Неизданные произведения. Ереван. 2009.

Подготовил к переизданию:

G. Brézol. Les Turcs ont passé là... Recueil de documents, dossiers, rapports, requêtes, protestations, suppliques et enquêtes établissant la vérité sur les massacres d'Adana en 1909. Préparé à la publication par Varoujean Poghosyan. Erevan. 2009.

Перевел с французского на армянский многочисленные исследования зарубежных историков по истории армянского народа, в том числе книги:

А. Пейлерян. Великие державы, Османская империя и армяне во французских архивах (1914-1918). Сборник документов. Составитель А. Пейлерян. Т. 1-2. Ереван. 2005.

М.-А. Шевалье. К истории взаимоотношений духовно-рыцарских орденов с Киликийской Арменией. Ереван. 2007.

В.А. Погосян

**В окружении историков
(сборник статей и рецензий)**

Վ.Ա. Պողոսյան

**Պատմաբանների շրջապատում
(հոդվածների և գրախոսությունների ժողովածու)**

V. Poghosyan

**Parmi les historiens
(recueil d'articles et de comptes rendus)**

Редактор и корректор А.В. Алексанян
Компьютерная верстка Л.В. Минасян
Компьютерный набор В.А. Погосяна

Формат 60x84 1/16

ЭДИТ ПРИНТ
Ереван, ул.Туманяна12
Тел.: (374 10) 520 848
www.editprint.am
info@editprint.am

EDIT PRINT
12 Toumanyan str., Yerevan
Tel.: (374 10) 520 848
www.editprint.am
info@editprint.am

VAROUJEAN POGHOSYAN

PARMI LES HISTORIENS
(recueil d'articles et de comptes rendus)

